

Комитет государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области
Волгоградский областной научно-производственный центр
по охране памятников истории и культуры
Волгоградское отделение Российского исторического общества
Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»
Южный научный центр Российской академии наук
Волгоградский государственный университет

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Сборник материалов конференции

Волгоград 2020

УДК
ББК
О

Редакционная коллегия:

Баженов А. Ю. – кандидат экономических наук, председатель Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области;

Иванюк С. А. – кандидат исторических наук, заместитель директора ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»;

Клейтман А. Л. – доктор исторических наук, директор ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры»;

Тюменцев И. О. – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией регионального развития Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, председатель Волгоградского регионального отделения Российского исторического общества

О Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов (2020; Волгоград): [материалы]. – Волгоград: Сфера, 2020. – 236 с.

В сборник вошли доклады, которые были представлены на международной научной конференции «Объекты культурного наследия Петровской эпохи на Юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации», проводившейся 21 октября 2020 г. Конференция приурочена к 300-летию основания Царицынской сторожевой линии – крупнейшего фортификационного сооружения XVIII столетия, расположенного на территории Волгоградской области. Статьи, вошедшие в сборник, посвящены истории Юга России в конце XVII – первой четверти XVIII в., проблемам изучения, сохранения и современного использования объектов культурного наследия Петровской эпохи.

Издание адресовано историкам, специалистам в области охраны объектов культурного наследия, музеиного дела, всем интересующимся историей России, памятниками истории и культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К. И. Могилевского	6
К 300-ЛЕТИЮ ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ	
<i>Тюменцев И. О.</i> Царицын и Камышин в Царствование Петра Великого ...	8
<i>Лапшин А. С., Лапшина И. Ю.</i> Археологические разведки на территории памятника фортификации XVIII в. «Вал Царицынской сторожевой линии» в 2020 году	22
<i>Астафьев Е. В.</i> Грачёвская крепость «Царицынской сторожевой линии»	49
<i>Иванюк С. А.</i> Перспективы музеефикации и развития туристической привлекательности объекта культурного наследия Петровской эпохи Царицынская сторожевая линия	66
ДОКУМЕНТЫ О КОМАНДИРОВАНИИ НА ЦАРИЦЫНСКУЮ ЛИНИЮ ИНЖЕНЕРА ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПЛАНА И ПРОЕКТА ЕЁ УКРЕПЛЕНИЯ. 1723 г. Вступительная статья, подготовка к публикации и комментарии – <i>Клейтман А. Л.</i>	73
ЮГО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	
<i>Алексеев А. И.</i> Материалы из сборника князя М. Щербатова как источник по истории восстания Кондратия Булавина в 1707–1708 гг.	80
<i>Мезин С. А.</i> Завоевание, освоение и перспективы развития территорий Юго-Востока России в Петровское время глазами европейских современников (Н. Витсен и Вольтер)	89

Магарамов Ш. А. Несбывшиеся планы ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ДЕРБЕНТСКИЙ ПОРТ И КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД В УСТЬЕ КУРЫ 106

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Комолов Н. А. Объекты культурного наследия Петровской эпохи в Воронежской области: проблемы изучения и сохранения 113

Тимофеева Е. Г., Воронова А. А. Главный кафедральный собор Астраханского кремля – отголосок Петровского времени 122

Торопицын И. В. Астраханский Иоанно-Предтеченский монастырь – объект Петровской эпохи на Юге России 128

Шадрина А. В. Памятник архитектуры Петровской эпохи на Юге России: Воскресенский собор станицы Старочеркасской 135

ИСТОРИЯ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПАМЯТНИКОВ НАУКИ И ТЕХНИКИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА НА ЮГЕ РОССИИ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Венков А. В. Предварительная разведка мест расположения шанцев, построенных в 1796 году под Азовом 148

Моников С. Н. Канал Камышинка – Иловля и Царицынская сторожевая линия в дневниках академических экспедиций Петербургской Академии наук 1768–1774 гг. 160

Пигарёв Е. М. Археологические исследования Селитренного городища (объекты эпохи Петра I) 174

Шварц И. Участие иностранных инженеров в укреплении Азова и строительстве Таганрога 183

**МИРОВОЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ
ПАМЯТНИКОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЮГА РОССИИ**

Гостев И. М. АРХАНГЕЛЬСКАЯ НОВОДВИНСКАЯ КРЕПОСТЬ – ПЕРВАЯ КАМЕННАЯ БАСТИОННАЯ ПРИМОРСКАЯ КРЕПОСТЬ	199
Хайрутдинов Р. Р., Валеев Р. М. Ситдиков А. Г. ПЕТР I И НАЧАЛО ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ	217
Юркин И. Н. «...Учинить коммуникацию надежную от моря Каспийского...» (ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СОЕДИНЕНИЯ ВОДНЫХ БАССЕЙНОВ Волги и Дона и оставленные ими памятники)».....	223

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ»

Уважаемые коллеги!

Засечные (или оборонительные) линии, возведённые в XVI–XVIII веках на пограничных рубежах Русского государства, – один из выдающихся примеров отечественного фортификационного искусства. Тем не менее долгие годы это уникальное наследие оставалось вне фокуса внимания как исследователей, так и представителей органов государственной власти. Сегодня эта ситуация коренным образом меняется.

2 апреля 2020 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин дал поручение Правительству Российской Федерации подготовить совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и при участии Российского исторического общества и представить предложения, касающиеся организации работы по выявлению объектов культурного наследия, связанных с Белгородской засечной чертой, их государственной охране, научному изучению и дальнейшему использованию в целях развития познавательного туризма, а также по организации туристского

маршрута по местам расположения этих объектов. В рамках реализации поручения была создана рабочая группа фонда «История Отечества» по вопросам изучения и сохранения засечных черт, включая Белгородскую засечную черту. Соответствующее решение было принято 20 апреля 2020 года на заседании круглого стола «Засечные линии как объект историко-культурного наследия: проблемы изучения и сохранения», которое в формате видеоконференции провёл Председатель Российского исторического общества Сергей Евгеньевич Нарышкин. Группа объединяет представителей научного сообщества из Белгородской, Волгоградской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Самарской областей, Республики Марий Эл, Республики Татарстан, Москвы, а также ряда федеральных общественных и научных организаций. Таким образом удалось собрать на одной площадке заинтересованных в этой теме специалистов из различных отраслей и сформировать план по организации работы по выявлению, изучению, сохранению и музеефикации объектов, связанных с оборонительными рубежами XVI–XVIII веков. Эти же вопросы особо актуальны для объектов культурного наследия Петровской эпохи Юга России. Крупнейший из них – Царицынская сторожевая линия, 300-летие окончания строительства которой мы отметили в этом году. Она сыграла ключевую роль в обеспечении безопасности и экономического развития региона, а также оказала влияние на заселение Волго-Донского междуречья.

В настоящее время коллектив историков Волгоградской области при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований реализует перспективный проект «Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования». Можно с уверенностью говорить о том, что эта инициатива способствует не только музеефикации крупнейшего фортификационного сооружения Юга России и созданию на её основе современных музеиных и туристических объектов, но и внесёт существенный вклад в предстоящее празднование 350-летия Петра I.

Изучение, сохранение и музеефикация объектов культурного наследия Петровской эпохи на Юге России могут стать успешными примерами при проведении подобных исследований на других оборонительных линиях, ведь перед учеными – масштабный фронт работ: на сегодняшний день выявлено 99 объектов оборонительных линий XVI–XVIII веков.

*Константин Ильич Могилевский,
к.и.н., председатель Правления Российского исторического общества,
исполнительный директор фонда «История Отечества», руководитель рабочей
группы фонда «История Отечества» по вопросам изучения
и сохранения засечных черт, включая Белгородскую засечную черту*

К 300-ЛЕТИЮ ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ

КАМЫШИН И ЦАРИЦЫН В ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО¹

Игорь Олегович Тюменцев

г. Волгоград, Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы основные события истории двух городов Нижнего Поволжья – Царицына и Камышина в период правления Петра I. Петровская эпоха внесла серьезные изменения в жизнь этих старейших городов региона. Камышин был возрожден в связи с началом строительства канала, который должен был соединить Волгу и Дон через притоки Иловлю и Камышинку. Царицын стал опорной крепостью Царицынской сторожевой линии. Воспоминания о событиях Петровской эпохи, о посещениях городов Петром I бережно хранились и продолжают сохраняться в исторической памяти местного населения.

Ключевые слова: Царицын, Камышин, канал Иловля-Камышинка, Царицынская сторожевая линия.

**KAMYSHIN AND TSARITSYN IN THE REIGN
OF PETER THE GREAT**

Igor O. Tyumentsev

Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main events in the history of two cities of the Lower Volga region – Tsaritsyn and Kamyshin during the reign of Peter I.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42009 («Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музееификации и туристического использования»).

The Peter the Great's era made serious changes in the life of these oldest cities in the region. Kamyshin was revived thanks to the beginning of the construction of the canal, which was supposed to connect the Volga and Don through the tributaries Illovlya and Kamyshinka. Tsaritsyn became the main fortress of the Tsaritsyn defense line. Memories of the events of the Petrine era, of visits to the towns by Peter I were carefully preserved and continue to be preserved in the historical memory of the local population.

Key words: Tsaritsyn, Kamyshin, Illovlya-Kamyshinka canal, Tsaritsyn defense line.

В конце XVII – первой четверти XVIII вв. начался новый период в истории Нижнего Поволжья, связанный с реформаторской деятельностью Петра Великого, который первым из российских государей посетил Нижнее Поволжье и оставил яркий след в памяти своих соратников и местных жителей.

В 1695 году во время Первого Азовского похода, в котором в качестве бомбардира Петра Алексеева принимал участие юный государь, русское войско спустилось Волгой из Казани в Царицын. Секретари царя сделали следующую запись в его походном журнале:

«Июня в 5 день... В седьмом часу дни проплыли реку Камышинку и место, где бывал город Камышенок, который разорил Стенька Разин, а та речка впала с правой стороны, против той речки остров Камышенской» [12, с. 64]. Запись Журнала, сделанная в день посещения пепелища крепости Камышинка, не оставляет сомнений, что решение о строительстве Волго-Донского судоходного канала и города Дмитриевска было принято после Первого Азовского похода, а не до него в 1692 году, как об этом сообщается позднем сочинении «Статистические сведения о городе Камышине» [5, с. 246]. В 1689–1694 гг. реальная власть находилась в руках матери царя Натальи Нарышкиной и ее родни. Петр I стал брать управление страной в свои руки только после ее смерти.

На следующий день 6 июня 1695 г. в 15 часу наплавная рать Петра I прибыла в Царицын, где тут же начали собирать караван для перехода войска с Волги на Дон посуху. На сборы ушло 5 дней. 11 июня караван выступил в путь на Дон к Панышину городку, которого достиг 14 июня 1695 г. Примечательно, что секретари Петра Великого никаких описаний Царицына не оставили [12, с. 65]. В памяти царицынцев первое посещение крепости царем не отложилось. Вероятно, воспоминания о пребывании инкогнито молодого царя были вытеснены из памяти старожилов яркими историями, связанными с двумя последними пребываниями императора в городе [8, с. 45-46].

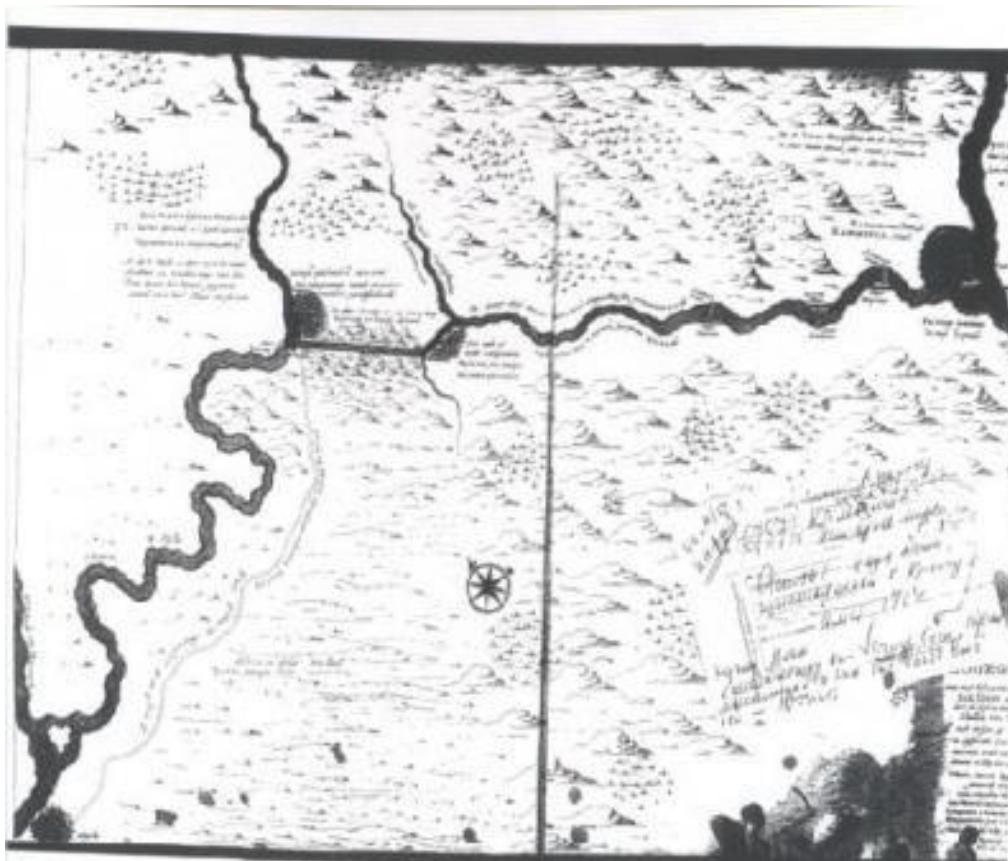
Иные последствия имело посещение царем для служилых людей пепелища крепости Камышинки. По рассказам старожилов, собранных автором Камышинской летописи, Дмитриевский полк во главе с полковником Яковом

Бушем выехал судами из Казани и прибыли в Дмитриевск 26 сентября 1697 г. Укрепления города, как видно из воспоминаний, уже были заложены, по всей видимости, строителями канала: «Город был тогда обрыт валом и кругом был обнесен палисадами и по местам сделаны были земляные больверки, на которые поставили пушки, привезенные из Казани, и на всех четырех сторонах города были устроены четверо ворот. И после сего в скором времени в том городе заложена церковь во имя Казанской Божьей Матери, которую и склали по нижния окошки, и так оная церковь осталась недостроеной» [5, с. 247]. Большой город Дмитриевск, судя по первоначальным планам и масштабам, явно замышлялся как южный аналог Санкт-Петербурга.

4 ноября 1696 г., на заседании Боярской Думы в Москве было принято решение соединить Волгу с Доном каналом через истоки рек Камышинки и

Иловли, для чего следовало соорудить систему шлюзов. Общее руководство проектом осуществлял астраханский губернатор кн. Борис Алексеевич Голицын¹. Весной 1697 г. во время «Великого посольства» Петр Первый нанял инженером на строительство канала немецкого полковника Иогана Брекеля². На работах предполагалось задействовать 20 тыс. человек³. К марта 1698 г. 4 км канала были вырыты и построен шлюз на реке Камышинке. Но как только ворота шлюза были заперты, и он был наполнен, вода из камеры размыла основание вышла из закрытого шлюза. И. Брекель спешно по чужому паспорту бежал за границу. Он написал Петру I письмо полное оправданий и обвинений князя Б. А. Голицына, в том, что он не предоставил в достаточно людей и тормозил работы на канале [14, с. 247. 346], [9, с. 2-5, 22-23, 58-60].

¹ Голицын Борис Алексеевич князь (20 [30].07.1651 или 1654 – 18 [29].10. 1714, Флорищева пустынь) – боярин (1689), государственный деятель в правления царевны Софьи и Петра Великого, воспитатель юного Петра («дядька царя»). Глава приказа Казанского дворца и Астраханский губернатор (1697–1705 гг.).

² Брекель Иоган (в рус. Док. Яган Бревкель) – немец, инженер полковник. В 1697 г., будучи в «Великом посольстве», Петр Великий нанял его строить канал между Волгой и Доном. После бегства из России служил туркам. См.:

<https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/251042959>.

³ Устрилов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. Прил. IX. С. 633. <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/251042959>

Новым инженером строительства канала был вызванный из Англии строитель корабельных верфей, каналов и кораблей Джон Перри¹. Прибыв в Дмитриевск, он обнаружил много просчетов в проекте И. Бреккеля и перенес трассу канала на новое место. На стройке трудились уже 35 тыс. человек. Их защищали от набегов «кубанских татар» (ногайцев и крымцев) войско из 2 тыс. конных, 4 тыс. пехоты и 12 полевых орудий, которое окружило стройку пикетами. Принятые меры не были простой предосторожностью. Англичанин стал свидетелем лихого набега 3–4 тыс. кубанцев, которые угнали у русских 1,4 тыс. лошадей [1].

Дж. Перри, судя по его рассказу и действиям, считал выполнение проекта делом чести и всерьез взялся за проект и строительство, но не смог его завершить из-за постоянных конфликтов с кн. Б. А. Голицыным по вопросам финансирования стройки, обеспечения рабочей силой и материалами. В 1701 г., вскоре после начала Северной войны, Дж. Перри отзвали в Москву в тот момент, когда было выполнено более половины работ. Продолжение работ было поручено русскому инженеру Василию Дмитриевичу Корчмину², который порученное дело не завершил и в 1702 году за недостатком средств этот проект был заморожен, но, видимо, не окончательно. Проезжавший в 1715 г. Саратов врач шотландец Джон Белл³ встретил здесь Дж. Перри, который рассказал, что копает канал между Волгой и Доном, что канал готов наполовину, но из-за тяжелого грунта работы продвигаются очень медленно [2, с. 71]. Как видно английский инженер не терял надежды достроить канал, но после очередных проволочек и задержки жалования не выдержал и уехал на родину. В следующем году вышли его мемуары с рассказом о строительстве канала, обвинениями в адрес астраханского губернатора кн. Б. А. Голицына, сопротивление которого не позволило автору реализовать такой важный и престижный проект.

¹ Перри Джон (John Perry; 1670, Родборо – 1732, Сполдинг) – английский капитан; инженер-строитель каналов, судоверфей и кораблей. В 1698 г. по приглашению Петра Великого прибыл в Россию и стал главным инженером на строительстве Волго-Донского канала. Проработал три года и был отозван для участия в других проектах. Искренне считал, что мог построить канал, если бы ему не чинили препятствия русские местные власти. В 1715 г. после очередной задержки жалования покинул Россию. В 1716 г. написал книгу, в которой описал свое пребывание в России и изложил обиды и оправдывал свои действия. В последующие годы писал еще одну книгу и занимался антиквариатом. [9].

² Корчмин Василий Дмитриевич (до 1671–1729) – ближайший сподвижник Петра I, главный царский инженер; ключевая фигура в петровской армии.

³ Белл Джон (англ. John Bell; 1691–1780) – шотландец, врач на русской службе. В составе русских посольств посетил Персию, Китай, и Турцию. Вернувшись на родину, в 1763 году издал двухтомное описание своих путешествий, остающееся ценным источником по истории России в XVIII веке.

В 1703 г. путешественник Корнелий де Бруин¹ так описал Дмитриевск: «*До заходения солнца проплыли мимо города Камышина, начатого постройкой всего четыре года тому назад и уже значительно обстроенного. Город этот довольно обширен, окружен земляным валом, над которыми тогда беспрестанно работали. На житые сюда прибыли уже из Москвы до 400 семей. Гора, на которой построен город, особенно возвышена к стороне реки, обрывиста и чрезвычайно скалистая. Поблизости города, слева бежит река Камышенка, текущая Камышенка, текущая к западу... На другой стороне Камышенки сооружали крепость, окруженную земляным валом, над коими и теперь работали, но сооружение это плохо продвигалось вперед, потому что рабочие не выносили тяготы работ по причине дурного здешнего климата*» [10, с. 156-157]. Старожилы впоследствии вспоминали, что жизнь на новом месте спорилась семь лет, затем начались беды и напасти и город начал чахнуть [5, с. 248].

Гораздо меньшее заинтересовал К. де Бруина Царицын: «*Город Царицын построен на невысокой горе, объемом не велик и, как мне показалось, расположен четырехугольником и обнесен деревянною стеной, снабженной башнями. Предместье его раскинуто по берегу реки и частью вокруг города. Главная церковь каменная, но не достроена еще; остальные церкви деревянные и едва видны*» [3, с. 69].

Петр I, по меткому замечанию Павла Николаевича Милюкова, вздыбил и перенапряг Россию. Налоговый гнет, резкое увеличение разных повинностей и жестокие наказания за их неисполнение привели к массовому бегству людей из центральной России на Волгу, Дон, Днепр, Терек, Яик в казаки. Последовала череда народных восстаний в Нижнем Поволжье. Первыми в июле 1705 г. поднялись против злоупотреблений астраханского воеводы Тимофея Ивановича Ржевского и бритья бород «за старую веру» стрельцы, посадские, работные и гулящие люди Астрахани. Выступление охватило Терки, Гурьев, Красный Яр, Черный Яр. Приступали повстанцы к Царицыну, но были отбиты.

Камышинские старожилы вспоминали, что и в их город приехал чиновник с приказом царя брить бороды, резать полы кафтанов и «поругать старую веру». Узнав об этом, восстали казаки станиц Бурлуцкой, Невреевской, Черкасовской, Семь дней воевода Я. Буш и камышинцы держались, не пускали казаков, но те подкупили караульных и ворвались в город. Бритых и в камзолах нещадно казнили: рубили головы, топили, расстреливали. Воеводу Я. Буша

¹ Брюйн де Корнелис (ок. 1652, Гаага-ок.1727, Уtrecht, Нидерланды) – нидерландский путешественник, художник и писатель. Совершил два путешествия в Малую Азию и через Россию в Персию с Индией и описал их в двух книгах «Путешествие Корнелиса де Бруина в знаменитейшие части Малой Азии» (1698) и «Путешествие через Москвию в Персию и Индию» (1711).

поймали на острове с уже отросшей бородой. Это позволило горожанам умолнить казаков отпустить воеводу. Горожане поклялись казакам, что уйдут с ними на Кубань, но как только донцы покинули город, закрыли ворота, зарядили пушки и приготовились оборонять город. Не солоно хлебавши казаки отступили от города. Воспоминания старожилов свидетельствуют, что в Дмитриевске тоже были какие-то народные выступления, которые в их памяти слились с захватом города булавинцами [5, с. 247]. Царь направил против повстанцев фельдмаршала Б. П. Шереметева и калмыцкого хана Аюку, которые штурмом взяли Астрахань и отправили в Москву на расправу 365 повстанцев. Восстание было подавлено восстание к марта 1706 г.

Новые беды у дмитриевцев и царицынцев случились в 1708 г. во время восстания Кондратия Булавина. В 1707 г. Петр Великий прислал на Верхний Дон сыскивать беглых солдат, посадских и крестьян кн. Юрия Владимировича Долгорукова с отрядом регулярных войск, что было грубым нарушением древнего посталтыта «с Дону выдачи нет». В ответ бахмутский атаман Кондратий Булавин и без того обиженный на петербургские власти за передачу казачьих соляных варниц солдатам Слободского полка, поднял восстание. Булавинцы разбили карательей у Айдара и убили кн. Ю. В. Долгорукова. Затем К. Булавин захватил столицу Войска Донского Черкасск и провозгласил себя войсковым атаманом.

Восстание К. Булавина поставило Петра Великого в очень трудное положение накануне решающей Полтавской битвы со шведами. Весной 1708 г. отряд булавинцев под командованием Луки Михайловича Хохлача пытался захватить Тамбов, но был разбит на реке Битюг и ушел в казачьи станицы в верховьях Дона. Собравшись с силами, он неожиданно подступил подступил к Дмитриевску. В городе началась неразбериха. В ночь с 12 на 13 мая солдаты подняли бунт и впустили булавинцев в город. Комендант полковник Даниил Титова укрылся на острове. Повстанцы захватили и казнили нескольких офицеров. Два дня спустя был созван казачий круг, избрали атаманов солдат Трошку Трофимова, Ивана Земина и старшину. Новые власти снизили цены на соль и некоторые другие товары, сформировали отряд в тысячу человек, который должен был влиться в булавинское войско. Когда все приготовления были завершены, Лука Хохлач и дмитриевский атаман Трофимов пошли к Саратову на стругах. Взять город не удалось. Л. Хохлач вернулся на Дон, где был убит казачьей старшиной. Появление у стен Дмитриевска правительственные войск во главе с новым астраханским воеводой кн. П. И. Хованским по прозвищу Змей вызвало восстание горожан против булавинцев. Атаман и его сторонники были взяты под стражу. Правительственные войска беспрепятственно вошли в город.

Вскоре выяснилось, что сразу же после захвата Дмитриевска булавинцами, саратовский и царицынский воеводы донесли Петру I, что дмитриевцы ему изменили и примкнули к «ворам». Царь приказал кн. П. И. Хованскому примерно наказать крамольников. Три дня дмитриевцы умоляли воеводу простить их, наконец добились своего. Казней не было, но воевода заявил, что город в военном отношении построен неудачно и заставил перенести его на правый берег Камышенки в болотистое предместье «Малой» крепости. Дмитриевцам пришлось покинуть насиженные места и начинать все сначала. «Южный Санкт-Петербург» явно превращался в рядовой город-крепость на Волге [5, с. 248].

Месяц спустя утром 7 июня 1707 г. другой булавинский отряд во главе с атаманами Игнатом Некрасовым и Иваном Павловым подошел к Царицыну и после лихой атаки с трех сторон, ворвался в «старый город». Царицынцы с радостью встречали повстанцев. Комендант Афанасий Турченин с 500 солдат гарнизона сели в осаду в Царицынской крепости, по периметру окруженнной крутыми обрывами берегов рек Волги, Царицы и двух оврагов. Стены крепости были деревянными, но там имелись пушки, достаточно боеприпасов и продовольствия. Первые приступы А. Турченин и его солдаты отбили [4, с. 436-439].

Воевода кн. П. И. Хованский послал на выручку царицынскому гарнизону из Астрахани полковника Ивана Павловича Бернера¹ с солдатским полком. Казаки встретили их на подступах к Царицыну на Сарпинском острове. Правительственный полк одержал победу, истребив «800 воров» и потеряв 46 солдат убитыми и 143 человека ранеными (из них 7 офицеров). Увидев подавляющее число врагов в Царицыне и опасаясь за Черный Яр, полковник И. П. Бернер, несмотря на одержанную победу, отступил в эту крепость. Узнав о произшедшем, кн. П. И. Хованский отправил в подкрепление И. П. Бреннеру полковника Левингстона² с 1 тыс. солдат. Но эта задержка с помощью имела трагические последствия для осажденных в Царицынской крепости. Согнав с судов и рыбных тоней работных людей, некрасовцы засыпали овраги землей,

¹ Бернер Иван Павлович в 1678 г. был поручиком полка Александра Левистона (уб. в 1696 г.) в Киеве, в 1696 г. был под Азовом подполковником одного из солдатских полков, затем в 1700–1705 гг. полковником регулярного пехотного полка, набранного из «детей боярских низовых городов» и состоявшего в дивизии кн. Репнина Никиты Ивановича. 13 мая 1704 г. Бернер со своим солдатским полком в составе 681 чел. был в генеральстве кн. Н. И. Репнина. С 21 июля 1706 г. полковником полка И. П. Бернера упоминается полковник Шнеберг. В начале июля 1706 г. по указу Петра I полковник И. П. Бернер был назначен в Астрахань командовать полком Московских новоприборных солдат вместо умершего в этом году командаира этого полка подполковника Василия Полочанинова. В 1708 г. полковник Бернер ходил с полком из Астрахани к Царицыну против Булавинцев\ В 1711 г. по царскому указу велено из Астрахани из Бернерова полка выслать в армию урядников и солдат. См.: <http://adjudant.ru/petr/zezulinsky04-22.htm>; <http://adjudant.ru/petr/zezulinsky04-19.htm>.

² Там же.

сожгли деревянный палисад и взяли крепость. А. Турченин с подьячим, пушкарем и двумя стрельцами казнили, а остальных пленных офицеров и солдат отдали «за приставы»¹. Царицынский архив «сожгли и рассыпали». В городе был также созван казачий круг, избраны атаманы и казачья старшина.

Вскоре Дмитриевск вновь был захвачен булавинским отрядом атамана Кондратия Носкова. В городе был вновь создан казачий круг и избран старшина. Администрацию города возглавили атаман Семен Каморный и отставной солдат Макар Терентьев.

Власть булавинцев продержалась в Царицыне и Камышине недолго. Узнав о гибели К. Булавина в Черкасском городке, И. Некрасов срочно ушел со своим отрядом на Дон. К Царицыну подошли регулярные войска. Повстанцы оказали отчаянное сопротивление, но удержать город не смогли и ушли на Дон на соединение с И. Некрасовым, ставшим предводителем восстания вместо К. Булавина.

Затем наступила очередь Дмитриевска. Вновь, как и в мае весть о приближении правительственного войска вызвала замешательство среди населения города. Булавинцы спешно его покинули и ушли на Дон, Оставшиеся жители впустили в город воеводу Д. Титова и принесли повинную царю.

Вскоре восстание К. Булавина было потоплено в крови. Атаман И. Некрасов со своими приверженцами в августе 1608 г. ушел на Кубань, где помог создать подвластное Турции и враждебное России Кубанское казачье войско.

После победоносного разгрома шведского короля Карла IX и изменника украинского гетмана Ивана Мазепы в Полтавской битве 27.06 (8.07) 1709 г. Петр Великий почувствовал себя хозяином в Северном Причерноморье и попытался отвоевать его у Османской Турцией. Прутский поход 1711 г. едва не закончился полным разгромом русского войска и плenением царской четы. С большим трудом П. П. Шафирову удалось подкупить командовавшего турецким войском визиря и подписать крайне невыгодный России Прутский договор. Вырвавшись из западни, Петр I отказался выполнять большинство пунктов этого договора, за исключением нескольких: город и крепость Азов вернули

¹ Бернер Иван Павлович в 1678 г. был поручиком полка Александра Левистона (уб. в 1696 г.) в Киеве, в 1696 г. был под Азовом подполковником одного из солдатских полков, затем в 1700–1705 гг. полковником регулярного пехотного полка, набранного из «детей боярских низовых городов» и состоявшего в дивизии кн. Репнина Никиты Ивановича. 13 мая 1704 г. Бернер со своим солдатским полком в составе 681 чел. был в генеральстве кн. Н. И. Репнина. С 21 июля 1706 г. полковником полка И. П. Бернера упоминается полковник Шнеберг. В начале июля 1706 г. по указу Петра I полковник И. П. Бернер был назначен в Астрахань командовать полком Московских новоприборных солдат вместо умершего в этом году командира этого полка подполковника Василия Полочанинова. В 1708 г. полковник Бернер ходил с полком из Астрахани к Царицыну против Булавинцев\ В 1711 г. по царскому указу велено из Астрахани из Бернерова полка выслать в армию урядников и солдат. См.: <http://adjudant.ru/petr/zezulinsky04-22.htm>; <http://adjudant.ru/petr/zezulinsky04-19.htm>.

туркам, а построенный русскими город и порт Таганрог уничтожили. Православное русское, греческое и армянское население Азова и Таганрога перевели в Царицын и, вероятно, в Дмитриевск. Пришлось сжечь с таким трудом только что построенный Черноморский флот.

Последующие годы показали, что на южном русском пограничье в междуречье Дона и Волги образовалась большая брешь, через которую кубанские татары, ведомые казаками-некрасовцами, стали совершать дерзкие набеги на южные уезды России. Особенно разорительным и гибельным для населения оказался набег 1717 года, когда кубанские татары, прорвавшись через Переволоку, достигли Пензы и Симбирска. Этот набег надолго запомнился как царицынским, так и дмитриевским сторожилам. У дмитриевцев даже возникла благочестивая легенда о явлении св. Дмитрия Селунского внезапно ослепшему предводителю войска кубанских татар, который предупредил разбойника, что он прозреет только тогда, когда уйдет от Дмитриевска. Так заступничество святого будто бы спасло город и жителей [8, с. 46], [5, с. 248]. 15 ноября 1717 г. Правительствующий Сенат издал указ о строительстве сторожевой линии от Дмитриевска по Камышенке и Иловле к Дону или от Царицына до Паньшина городка. Генерал-майору Гавриле Семеновичу Кропотову¹.

Проведенное Г. С. Кропотом обследование показало, что сторожевую линию лучше провести между Царицыном и Паньшином. Возможно, на выбор повлияло стремление защитить Волго-Донской канал, имеющий стратегическое значение для отвоевания Азова и возрождение Черноморского флота, в надежде на возобновление его постройки. Строительство линии продолжалось три года и было завершено в 1720 г. Укрепления состояли из рва глубиной 4-6 метров, шириной 12–13 метров и вала. В стратегически важных участках линии располагались крепости: Царицынская, Мечетная, Грачевская, Оскорская, Донская и 25 форпостов. Для несения службы на линии сюда были переведены четыре полка из Пензенского уезда [7]. В результате принятых мер проход для набегов кочевников через Переволоку на юг России был надежно закрыт. Однако для Царицына это имело серьезные последствия. В следствии переноса южной границы России к реке Царице, начавший было развиваться новый торговый поволжский город был законсервирован в своем развитии как крепость вплоть до конца XVIII века.

¹ Кропотов Гаврила Семенович (7-1730) – дворянин, сын полковника С. И. Кропотова (уб. 1705) и брат А. С. Кропотова. В мае 1708 г. командовал полком в боях с булavinцами на Дону. С 27 января 1709 г. командир grenадерского полка. В Полтавском сражении командовал кавалерийской бригадой, после чего произведен в бригадиры. В 1711 г. принимал участие в Прутском походе. 15 марта 1719 г. произведен в генерал-майоры и направлен на строительство сторожевой линии на Переволоке. В 1722 г. в составе Низового корпуса принял участие в Персидском походе. В 1725 г. участвовал в походе против шамхала Тарковского Адиль-Гирея. 6 января 1726 г. награжден орденом Александра невского [7].

Во второй раз Петр Великий с супругой Екатериной Алексеевной посетил Дмитриевск и Царицын летом 1722 г., направляясь в Персидский поход. Император, по воспоминаниям городских старожилов, был очень недоволен тем, что его планы строительства Волго-Донского канала и города Дмитриевска сорваны, а все оставшиеся в городе жители переведены местными властями на жительство в небольшую Дмитриевскую крепость. В гневе он спросил дмитриевцев, почему они перешли с прежнего хорошего места на болотистое. Горожане рассказали о своих бедах во время восстания К. Булавина и распоряжениях кн. П. И. Хованского. Государь будто бы спросил:

– Жив ли тот князь?

Дмитриевцы ответили ему:

– Его в живых нет.

На это царь будто бы сказал:

– Жалко, если бы он был жив, то приказал бы его повесить!

Петр Великий, судя по рассказу Дж. Перри Дж. Белю (1715), выбору трассы сторожевой линии генерал-майором Г. С. Кропотовым (1717) явно не оставлял мысли возобновить строительство Волго-Донского канала и был сильно раздосадован увиденным в Дмитриевске. Как до того в Саратове, а затем в Царицыне он приказал разделить Дмитриевский полк на две части: солдат городского гарнизона и казаков сторожевой службы [5, с. 249]. Дмитриевск явно деградировал в число обычных низовых городов-крепостей.

По местному преданию дмитриевцы радушно встречали императора и его супругу и среди прочего угостили их знаменитыми камышинскими арбузами, которые так понравились Петру Первому, что он распорядился выковать медный арбуз и укрепить его на крыше магistrата как символ города.

В Царицыне жители, по воспоминаниям старожилов, устроили Петру Великому и его супруге торжественную встречу. Переходя реку Царицу по мосткам, царь заявил супруге, что, поскольку название крепости говорит о ее принадлежности царице, то он с удовольствием ей дарит этот город. Затем Петр на коне объехал с инспекцией укрепления Царицынской крепости, слушал обедню в Троицкой церкви, где сам читал Апостол, а, после обедни говорил с жителями об их прошлом и настоящем [8, с. 46].

В третий раз император побывал в Царицыне в 1723 г., возвращаясь из Персидского похода. Вышедшие 13 декабря из Астрахани струги царской флотилии были скованы льдом в 113 верстах от Царицына, поэтому Петру I пришлось добираться до Царицына по берегу Волги зимним путем. Стужи и метели, по всей видимости, заставили царя сменить треуголку на простой крестьянский шерстяной картуз, а трость – на простую палку-посох [8, с. 46].

Прибыв в город 20-го декабря 1722 г. царь и его спутники отслужили благодарственный молебен. Как в предыдущий раз император и императрица

остановились в большом каменном доме на перекрестке улиц, одна из которых в честь пребывания царя получила название Петровской, а другая по находящейся на ней Спасской церкви – Спасской¹.

Перед тем как покинуть Царицын 28 декабря 1722 г., император встретился с жителями. Бывшие жители Азова и Таганрога, переведенные в Царицын после Прутского похода 1711 г., обратились к царю и царице с мольбами никуда их больше не переводить и оставить жить в Царицыне. Император в благодарность жителям за теплый прием передал им крестьянский картуз, который покрывал его голову по дороге от замерзших стругов к городу и дорожный посох со словами:

– Как никто не смеет тот картуз с головы Его Величества снять, так никто не смеет их из Царицынской крепости выводить!

Отдавая посох, он произнес:

– Вот Вам трость, как я управлялся ею с друзьями, так Вы оброняйтесь ею с врагами!

В память о пребывании императора в Царицыне в соборной Иоанно-Предтеченской церкви был сооружен предел апостолов Петра и Павла. Одна из улиц Старого города была названа в честь царя Петровской. На углу Петровской и Спасской улиц находился двухэтажный каменный дом, в котором по преданиям Петр I квартировал. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г. этот дом был до основания разрушен и не был восстановлен. В настоящее время решается вопрос об установлении памятной доски на месте, где ранее этот дом находился [8, с. 46].

Петровские реликвии сначала находились в Царицынском цейхаузе, затем были переданы на хранение в Царицынскую Думу, а оттуда в созданный в 1916 г. Царицынский музей краеведения. Все попытки губернских властей забрать царские реликвии в Саратов неизменно наталкивались на сопротивление царицынских властей и жителей. Во время Сталинградской битвы царские реликвии были в числе немногих экспонатов, которые удалось спасти от гибели. В настоящее время они занимают центральное место в экспозициях Волгоградского областного краеведческого музея.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Perry D. The state of Russia under the present czar. – London, 1716. – 280 p.
2. Белль Дж. Путешествие через Россию в разные азиатские земли (1716–1722) // Царицын XVI–XIX вв. в записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в. – 1917 г.). – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005.

¹ Астафьев Е. В. К вопросу о местоположении в Царицыне дома, в котором в 1722–1723 годах останавливались император Петр Великий и императрица Екатерина Алексеевна. (В печати).

3. Бруин де К. Путешествие через Московию (1703–1707) // Царицын в записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в. – 1917 г.). – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005.
4. Булавинское восстание 1707–1708 гг. – М., 1935.
5. Камышинская летопись (источниковедческий анализ, текст и комментарии / Публ. О. А. Горбань и И. О. Тюменцева // Стрежень. Вып. 1. – Волгоград: Издатель, 2000.
6. Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования: монография. – Волгоград: Издатель, 2012. – 95 с.: карты.
7. Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования. – Волгоград: Издатель, 2012. – 96 с.
8. О начале заведения города Царицына и о древних случайностях онаго по изустному уверению старожилов, получивших сведения от их отцов и дедов / Сост. З. А. Дьяченков и голова Бочкарев // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928). – Волгоград: Издатель, 2010.
9. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. – М., 1871.
10. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлении к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края / Пер. О. М. Дондуковой-Корсаковой // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. – № 1. – М., 1871.
11. Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1989.
12. Рябов С. И. История родного края XVI–XIX. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1988.
13. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. – СПб., 1858.
<https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/251042959>
14. Ф. Лефорт: сборник материалов и документов / Российский гос. архив древних актов, Посольство Швейцарии в Москве; [сост. Лаптева Т. А., Соловьева Т. Б.]. – М.: Древлехранилище, 2006.

REFERENCES

1. Perry D. *The state of Russia under the present czar.* – London, 1716. – 280 p.
2. Belle J. *Puteshestvie cherez Rossiju v raznye aziatskie zemli* (1716–1722) [Journey through Russia to different Asian lands (1716–1722)]. *Caricyn v zapiskah, dnevnikah i memuarah souremennikov* (konec XVI v. – 1917 g.) [Tsaritsyn in notes, diaries and memoirs of contemporaries (end of the 16th century – 1917)]. Volgograd, Volgograd Scientific Publishing House, 2005.
3. Bruin de K. *Puteshestvie cherez Moskoviju* (1703–1707) [Travel through Muscovy (1703–1707)]. *Caricyn v zapiskah, dnevnikah i memuarah souremennikov*

(konec XVI v. – 1917 g.). [Tsaritsyn in notes, diaries and memoirs of contemporaries (late 16th century - 1917)]. Volgograd, Volgograd Scientific Publishing House, 2005.

4. Bulavinskoe vosstanie 1707-1708 gg. [Bulavin uprising 1707-1708]. Moscow, 1935.

5. Gorban O. A., Tjumencev I. O., publ. Kamyshinskaja letopis' (istochnikovedcheskij analiz, tekst i kommentarii) [Kamyshin Chronicle (source analysis, text and commentary)]. Strezhen. Issue 1. Volgograd, Publisher, 2000.

6. Lavrinova T. I. Caricynskaja linija: istorija stroitel'stva v 1718–1720 i pervye gody sushhestvovanija : monografija [Tsaritsyn line: history of construction in 1718 - 1720 and the first years of its existence: monograph]. Volgograd, Publisher, 2012. 95 p., maps.

7. Lavrinova T.I. Caricynskaja linija: istorija stroitel'stva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushhestvovanija [Tsaritsynskaya line: the history of construction in 1718-1720 and the first years of existence]. Volgograd, Publisher, 2012. 96 p.

8. Dyachenkov Z. A. and the town head Bochkarev. O nachale zavedenija goroda Caricina i o drevnih sluchajnostjah onago po izustnomu uvereniju starozhilov, poluchivshih svedenija ot ih otcov i dedov [About the beginning of the establishment of the city of Tsaritsyn and about it's ancient accidents according to the oral assurances of old-timers who received information from their fathers and grandfathers]. Caricynskij i Kamyshinskij uezdy v opisanijah kraevedov (1727–1928). [Tsaritsyn and Kamyshinsky districts in the descriptions of local historians (1727–1928)]. Volgograd, Izdatel', 2010.

9. Perry D. Sostojanie Rossii pri nyneshnem care. [The state of Russia under the present tsar]. Moscow, 1871.

10. Perry D., author, Dondukova-Korsakova O. M., transl. Sostojanie Rossii pri nyneshnem care. V otnoshenii mnogih velikih i zamechatel'nyh del ego po chasti prigotovlenii k ustrojstvu flota, ustanovenija novogo porjadka v armii, preobrazovaniya naroda i raznyh uluchshenij kraja [The state of Russia under the present tsar. With regard to many great and remarkable deeds in terms of preparing for the organization of the fleet, establishing a new order in the army, transforming the people and various improvements in the region]. Readings of the Imperial Society of Russian History and Antiquities. No. 1. Moscow, 1871.

11. Rossija XVIII v. glazami inostrancev. [Russia of the 18th century through the eyes of foreigners]. Leningrad: Lenizdat, 1989.

12. Ryabov S. I. Istorija rodnogo kraja XVI–XIX. [History of the native land XVI–XIX]. Volgograd, Nizhne-Volzhsky book publishing house, 1988.

13. Ustryalov N. Istorija carstvovanija Petra Velikogo. [History of the reign of Peter the Great]. – Saint-Petersburg, 1858. <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/251042959>

14. Lapteva T. A., Solovieva T. B., comp. F. Lefort: sbornik materialov i dokumentov / Rossijskij gos. arxiv drevnih aktov, Posol'stvo Shvejcarii v Moskve [F. Lefort: collection of materials and documents]. Moscow: Drevlehranische, 2006.

УДК 902.21. 94(47).05

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
НА ТЕРРИТОРИИ ПАМЯТНИКА ФОРТИФИКАЦИИ XVIII В.
«ВАЛ ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ» В 2020 ГОДУ¹**

Андрей Сергеевич Лапшин, Ирина Юрьевна Лапшина
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается описание итогов археологических разведок, проведенных на участках расположения крепостей Донская и Осокорская Царицынской сторожевой линии, а также проводится их предварительный анализ. Разведками зафиксирован участок сторожевой линии, который являлся ее краем, который доходил до левого берега р. Дон. Археологические разведки проводились также в месте расположения крепостей Донская и Осокорская в Иловлинском районе Волгоградской области. В результате работ установлено, что, наземные элементы этих крепостей Царицынской сторожевой линии, в настоящее время практически полностью уничтожены, строительной и хозяйственной деятельностью в середине-второй половине XX в. Для установления наличия или отсутствия в месте расположения крепостей культурного слоя XVIII в., проведена разведочная шурфовка. На месте крепости Донской зафиксированы остатки неглубокого крепостного рва, а в разведочных шурфах выявлен стратиграфический слой, который может быть датирован XVIII в. В результате сопоставления планов XVIII в., современных картографических материалов и данных космосъемки, установлено месторасположение крепости Осокорская, которое ранее не было точно локализовано. В ходе археологических работ обнаружены остатки вала крепости, а в разведочных шурфах найдены керамика, железные и другие предметы, связанные с периодом строительства крепости. Также в 2020 г. выполнена топографическая съемка участков местности с определенными границами крепостей Донская и Осокорская.

Ключевые слова: Царицынская сторожевая линия, Осокорская крепость, Донская крепость, вал, ров, археологические разведки, шурф, культурный слой, керамика.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42009 («Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музееификации и туристического использования»).

UDC 902.21. 94(47).05

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
AT THE FORTIFICATION SITE OF THE XVIII-th CENTURY
«FORTIFICATION TSARITSYN GUARD LINE» IN 2020**

Andrey S. Lapshin, Irina Y. Lapshina
Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article describes the results of archaeological surveys conducted at the sites of the Donskaya and Osokorskaya fortresses of the Tsaritsyn guard line, as well as their preliminary analysis. Intelligence recorded a section of the guard line, which was its edge, which reached the left Bank of the don river. Archaeological reconnaissance was also conducted at the location of the Donskaya fortresses and Osokorskaya fortresses in Ilovlynsky district of the Volgograd region. As a result of the work, it was established that the ground elements of these fortresses of the Tsaritsyn guard line are now almost completely destroyed by construction and economic activities in the mid-second half of the XX century. To establish the presence or absence of the cultural layer of the XVIII century in the location of fortresses, an exploration pit was carried out. At the site of the Donskaya fortress, the remains of a shallow moat were recorded, and a stratigraphic layer that can be dated to the XVIII century was revealed in exploration pits. As a result of comparing the plans of the XVIII century, modern cartographic materials and space survey data, it was possible to establish the location of the Osokorskaya fortress, which was not previously accurately localized. During the archaeological work, the remains of the fortress wall were discovered, and in the exploration pits, ceramics, iron and other items related to the period of construction of the fortress were found. In 2020, a topographic survey of areas with certain boundaries of the don and Osokorskaya fortresses was carried out.

Key words: Fortification Tsaritsyn guard line, Osokorskaya fortress, Donskaya fortress, rampart, trench, archaeological exploration, pit, cultural stratum, pottery.

В 2020 г. отрядом Волго-Ахтубинской археологической экспедиции под руководством А. С. Лапшина проведены археологические разведки на объекте культурного наследия «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)». Археологические исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ, в рамках реализации научного проекта: «Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеификации и туристического использования».

Основной целью археологических работ, являлось уточнение сведений об объекте культурного наследия и планирования мероприятий по обеспечению его сохранности. Для археологических разведок были выбраны участки сторожевой линии, в местах, где располагались укрепленные фортификационные пункты – крепости. По имеющимся историческим источникам и топографическим планам XVIII в. их было 5 (Царицынская, Мечетная, Грачевская, Осокорская (Осокорский редут) и Донская). Они являются наиболее перспективными для обнаружения находок, связанных с периодом строительства и функционирования сторожевой линии. В 2020 году археологические разведки проводились в месте расположения крепостей Донская и Осокорская или Осокорский редут в Иловлинском районе Волгоградской области. Эти крепости были построены в 1720 г. Первичными задачами археологических изысканий, в рамках первого года работ по проекту, являлись осмотр, оценка и описание их современного состояния.

В мае был проведен визуальный осмотр сохранившихся участков земляного вала, рва и мест расположения крепостей Мечетная, Грачевская, Осокорская и Донская. В результате этого было установлено, что, наземные элементы этих крепостей Царицынской сторожевой линии, располагавшихся в современных границах Городищенского и Иловлинского районов, в настоящее время практически полностью уничтожены, прежде всего, строительной и хозяйственной деятельностью в середине-второй половине XX в. В этой связи следует отметить, что на аэрофотоснимках периода Великой отечественной войны, сделанных в 1942–43 гг., хорошо видны контуры Грачевской и Мечетных крепостей и, судя по ним, данные крепости относительно неплохо сохранились до этого времени. В июле-августе 2020 г. также было осмотрено место расположения участка Царицынской сторожевой линии, к северо-западу от ст. Качалинской. По топографическим планам XVIII в. участок сторожевой линии здесь сооружен на острове Качалинском, образованном протокой (рукавом р. Дон). Данный участок, согласно данным паспорта на памятник «Царицынская линия» от 14.12.2006 г., ранее не обследовался [4, вклад. № 8]. В результате проведенной здесь археологической разведки, были выявлены остатки рва, проходящего по линии юго-восток – северо-запад от озера Стоялое, по направлению к руслу протоки Быстрый Проток. Земляная насыпь вала, очевидно, полностью размыта в результате многолетнего затопления данной территории. Сохранившаяся протяженность рва составляет 790 м. Ров расположен на пойменном участке протоки, дно его задерновано, его зафиксированная ширина на различных участках колеблется от 5 до 8 м, глубина от современной поверхности от 0,5 до 1 м. Этот участок сторожевой линии является ее окончанием, здесь ее край доходил до левого берега р. Дон. Необходимо отметить, что в результате природных русловых процессов, плановые очертания русла р. Дон и протоки Быстрый Проток на данном участке достаточно сильно изменились с XVIII в.

Сопоставив современные картографические материалы, планы XVIII в. и данные космосъемки местности, можно с большой долей уверенности предположить, что русло р. Дон в XVIII в. располагалось в пределах, современного течения протоки Быстрый Проток, а озеро Стоялое это остатки протоки, существовавшей во время строительства Царицынской сторожевой линии. Остатки ее рва зафиксированы и на окраине ст. Качалинской от современного края берега оз. Стоялого до дороги по ул. Бухтурова. Далее по направлению к крепости Донской, остатки сторожевой линии сегодня уже полностью заняты современной застройкой станицы.

В июле и августе 2020 г. проведены археологические разведки с шурфовками в месте расположения крепостей Донская и Осокорская или Осокорский редут в Иловлинском районе. Для установления наличия или отсутствия в месте расположения крепостей культурного слоя, содержащего археологические находки, в ходе проведения работ, были заложены разведочные шурфы площадью до 4 квадратных метров. Данная археологическая методика позволяет определить мощность культурных напластований, насыщенность их находками, установить датировку и площадь изучаемого памятника. Кроме этого, была проведена топографическая съемка участков расположения этих крепостей и зафиксированы остатки их фортификационных элементов в виде земляных ровов и валов.

Место расположения крепости Донская находится на юго-восточной окраине станицы Качалинской Иловлинского района. Крепость занимала участок высокой надпойменной террасы Быстрого Протока – протоки, являющейся частью русла р. Дон и образующей в этом месте русловой остров, напротив ст. Качалинской. Надпойменная терраса прорезана здесь двумя глубокими балками Лисья и Вшивая, между которыми, на правом берегу балки Лисья, находилась крепость Донская. В ходе визуального осмотра, было установлено, что данный участок был частично занят жилыми и хозяйственными постройками станицы Качалинской. По материалам аэрофотоснимков 1942–43 гг. и картографии этого же времени, здесь располагались одна из улиц станицы. В настоящее время от построек сохранились многочисленные задернованные ямы, западины, остатки фундаментов. Вся площадь на данном участке изрыта ямами различной величины и мелкими вкопами, оставленными т.н. «черными копателями» и «любителями приборного поиска», занимающими противозаконным поиском антикварных предметов из металла и монет. На поверхности повсеместно обнаружены фрагменты гончарной красноглиняной поливной керамики, обломки фаянсовой и фарфоровой посуды, фрагменты железных гвоздей, оконного стекла, обломков красноглиняных кирпичей, гильз от винтовочных патронов. Судя по обнаруженным клеймам фабрик Кузнецова на фарфоровой и фаянсовой посуде, часть материала может быть датирована концом XIX в. или первой четвертью XX в.

Судя по имеющемуся картографическим материалам XVIII в., крепость Донская была четырехугольной в плане формы, имела ров и земляной вал по своему периметру. По проекту и чертежу, датированному нач. 70-х гг. XVIII в., по углам крепости располагались полубастионы [5]. В ходе визуального осмотра в 2020 г., зафиксированы остатки задернованного, заплывшего, неглубокого рва с юго-восточной стороны крепости. Длина сохранившейся его части около 25 м., ширина 4–5 м (рис. 10). Центральная часть крепости занята котлованами и навалами грунта заброшенных жилых и хозяйственных построек, современным мусором, а также отдельными деревьями (рис. 1; 2). По устному сообщению местного жителя, данное домовладение, располагавшееся здесь, было заброшено в начале 90-х гг. XX в.

Для установления наличия или отсутствия в месте расположения крепости культурного слоя XVIII в., заложены 3 разведочных шурфа. Шурф 1 заложен в месте предполагаемой внутренней площади крепости, а шурфы 2 и 3 за ее пределами. Шурф 1 имел размеры 2×2 м, а шурфы 2 и 3 – 2×1 м. Разборка почвенных напластований производилась вручную, по условным пластам толщиной 0,2 м с последующей зачисткой дна шурфа после снятия каждого пласта и уровня материка. После завершения археологических исследований проведена рекультивация поверхности шурфов.

Шурф 1 заложен на относительно ровном участке, поверхность которого была задернована и покрыта степной травой (рис. 3). В ходе работ выявлена следующая стратиграфия почвенных отложений. Под тонким (2–3 см) гумусным слоем, залегал слой супеси темно-серого цвета, рыхлого сложения, мощностью 40–42 см, который постился тонкой прослойкой (1–2 см) древесных углей. В самом слое также фиксировались отдельные древесные угли, обломки жженых кирпичей и глиняной обмазки. Ниже залегал слой однородной серой супеси уплотненного сложения мощностью 20–25 см, разделенный горизонтальной прослойкой темно-серой плотной супеси. Еще ниже залегал материковый слой супеси серо-коричневого цвета плотного сложения. В профилях южной и восточной стенок шурфа зафиксирован профиль хозяйственной ямы, которая копалась практически с верхнего уровня современной поверхности. Заполнение ее состояло из наклонно залегавших слоев рыхлой серо-коричневой супеси, с включениями мелких фрагментов глиняной обмазки, а также древесной золы светло-серого цвета и углей (рис. 4–6). Границы между слоями ровные, отчетливые.

В процессе разборки 1 и 2 пластов в слое рыхлой темно-серой супеси найдено 18 фрагментов гончарной керамики, 5 фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды, 5 обломков костей животных (мелкий рогатый скот – 3; крупный рогатый скот – 2). Керамика представлена фрагментами, имеющими хороший обжиг, в изломе глина имеет красный, серый, бежевый цвета. Многие

обнаруженные фрагменты керамики покрыты ангобом светло-коричневого цвета или бесцветной поливой. Формы посуды представлены фрагментами неглубоких мисок (плошек), а также горшковидных сосудов, верхний край венчика которых уплощен и оформлен в виде утолщения-манжеты. Длина фрагментов керамики от 2,5 до 10,5 см (рис. 12). На уровне 1 пласта была найдена заготовка под прядильце из стенки гончарного сосуда. Наружная сторона была украшена росписью в виде серии горизонтальных тонких линий коричневого цвета, а внутренняя покрыта желтой поливой (рис. 13, 1). Кроме этого, на уровне 1 и 2 пласта были обнаружены фрагмент оселка (точильного камня), бронзовая круглая бляшка, небольшая бронзовая ременная пряжка в виде прямоугольной рамки со штампованным орнаментом в виде завитков, железный гвоздь, две латунных гильзы от винтовочных патронов (рис. 13). Все эти находки из слоев 1 и 2 пласта шурфа 1 могут быть датированы концом XIX – первой четвертью XX в. и связаны с жилыми постройками окраины станицы Качалинской этого времени. В заполнении ямы, зафиксированной в шурфе 1, также найдены фрагменты аналогичной гончарной поливной керамики, обломки стекла, фарфоровой и фаянсовой посуды (рис. 12, 9, 10).

Со временем строительства (XVIII в.) и функционирования непосредственно крепости Донской, судя по стратиграфическим наблюдениям в стенках шурфа 1, связан слой плотной супеси серого цвета, залегавший на уровне 3-4 пластов. Он характеризуется однородной структурой, отсутствием большого количества находок, но в этом слое, у его основания, практически на уровне материка, был обнаружен железный, кованый крючок. Он изготовлен из тонкого, прямоугольного в сечении прута, концы его симметрично изогнуты, а их окончания оформлены в виде округлых петелек. Длина его 6 см (рис. 13, 6).

Отсутствие массового количества находок, следует, очевидно, объяснить тем, что крепость не была предназначена для какого-то длительного проживания или пребывания в ней гарнизона.

Шурф 2 заложен на ровном участке надпойменной террасы у края прорезающей ее узкой промоины, по дну которой проходит грунтовая дорога. Шурф располагался в месте примерного расположения северо-восточного угла рва и вала крепости. Поверхность участка задернована и покрыта степной травой (рис. 7). В ходе работ выявлена следующая стратиграфия почвенных отложений. Под тонким (2–3 см) гумусным слоем, залегал слой супеси серого цвета, рыхлого сложения, мощностью 25–27 см, под которым залегал слой легкого, светло-коричневого суглинка перемешанного с фрагментами белой штукатурки, обломков сырцовых кирпичей или глиняной обмазки, с включением обломков жженых красноглиняных кирпичей. Мощность этого слоя 18–20 см. Ниже залегал слой однородной серой супеси уплотненного сложения мощно-

стью около 10 см, который подстипался горизонтальной прослойкой коричневой супеси толщиной 3–5 см. Еще ниже залегал материковый слой, состоявший из пластов супеси темно-серого и коричневого цветов. Он имел плотное сложение, однородную структуру, в нижней части фиксировались прослойки супеси черного цвета (рис. 8; 9). Границы между слоями ровные, отчетливые.

В процессе разборки 1 и 2 пластов в слоях рыхлой серой супеси и пестрого, мешанного светло-коричневого суглинка найдено 9 фрагментов гончарной керамики, 10 фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды, 1 кость мелкого рогатого скота. Керамика представлена фрагментами, имеющими хороший обжиг, в изломе глина имеет красный, бежевый цвета. Все фрагменты керамики покрыты бесцветной поливой или ангобом светло-коричневого цвета. Реконструируется форма только фрагмента неглубокой миски с широким, отогнутым краем. Длина фрагментов керамики от 2 до 8 см (рис. 14, 1-9). Кроме этого на уровне 1 и 2 пласта были обнаружены: фрагмент печного красноглиняного лицевочного кирпича, 4 фрагмента стеклянных сосудов, бронзовая округлая бляшка от конской сбруи, бронзовое кольцо с напаянным окружным щитком, фрагмент костяной накладки на рукоятку бритвы, несколько железных кованых гвоздей различного размера, латунная гильза от винтовочного патрона с маркировкой 1941 г. (рис. 14, 10-14). Все эти находки и слой 1 и 2 пласта шурфа 1 могут быть датированы концом XIX-первой половины XX в. и связаны с жилыми постройками окраины станицы Качалинской этого времени. На одном из фрагментов фаянсовой керамики имеется фрагмент клейма фабрики М. С. Кузнецова в Тверской губернии (рис. 14, 9). Известно, что данная фабрика начала выпуск посуды с таким клеймом только после 1870 г. [8, с. 84, таб. XVIII]. Со временем строительства и функционирования непосредственно крепости Донской (XVIII в.), судя по стратиграфическим наблюдениям в стенах шурфа 2, связан слой плотной супеси серого цвета, залегавший на уровне 3 пласта. Он характеризуется однородной структурой, отсутствием находок, но в этом слое, были обнаружены мелкие фрагменты истлевших деревянных плах и тонких кольев (?).

Шурф 3 был заложен на более низком участке местности за предполагаемыми границами расположения вала и рва крепости. Никаких находок и стратиграфических наблюдений, связанных с периодом строительства или функционирования Царицынской сторожевой линии шурф не дал. В шурфе обнаружены лишь единичные фрагменты гончарной красноглиняной и фаянсовой керамики конца XIX – первой половины XX вв. Кроме локальных земляных работ была выполнена топографическая съемка данного участка местности с определенными границами крепости Донской.

Точное место расположения крепости Осокорской до настоящего времени не было определено. В паспорте на памятник «Царицынская линия» от

14.12.2006 г., его составителями в отношении крепости указано, что предполагаемое место крепости находится близ р. Сакарка и в настоящее время крепость не сохранилась. Предполагалось, что она была разрушена размывом правого берега р. Сакарка [4, вклад. № 8]. Однако, на плане 1724 г., данная крепость расположена на достаточно большом (около 1 км) удалении от русла р. Осакорки (Сакарки, совр. Паньшинка) [2, л. 27, изобр. 84]. Необходимо также отметить, что крепость Осокорская, судя по известным планам XVIII в., была встроена в оборонительную линию вала, представляя с ним единое фортификационное сооружение [2, изобр. 9; 5]. Данное конструктивное решение предполагало наличие в линейной части вала и рва участка, где эти элементы не сооружались, а в этом месте располагалась площадь крепости (рис. 15). Учитывая это обстоятельство, сопоставив план 1724 г., с материалами современных топографических карт различных масштабов и материалов аэрофотосъемки и космосъемки местности, было определено два предполагаемых места расположения Осокорской крепости, где имелись «разрывы» линии насыпи вала и рва. При этом на всем остальном своем протяжении линия вала и рва на этом участке является непрерывной.

В 0,5 км к северо-западу от русла р. Паньшинки (Сакарки) в линии вала и рва имеется участок, где они прерываются. Ширина этого участка около 40 м. В процессе археологической разведки и осмотра этого места, было установлено, что вал и ров здесь срезаны землеройной техникой при сооружении грейдера заброшенной в настоящее время, грунтовой дороги между ст. Качалинской и хут. Паньшино. Для установления наличия или отсутствия в данном месте культурного слоя XVIII в., в центральной части площадки, где вал и ров отсутствуют, был заложен 1 разведочный шурф размером 2×1 м. Никаких археологических находок шурф не дал. Под слоем серо-коричневой супеси толщиной 15–17 см, залегал стерильный материковый слой легкого суглинка желто-коричневого цвета.

Другой участок, где прерывается линия вала и рва расположен в 0,9 км к северо-западу от русла р. Паньшинки (Сакарки), на ее правом берегу. Следует отметить, что топографически он наиболее соответствует месту расположения Осокорской крепости, нанесенному на план 1724 г., где также обозначены отроги безымянной балки, совпадающие с их современными контурами. В процессе археологической разведки и осмотра этого места, было установлено, что этот участок размыт неглубокой балкой, проходящей по линии север-юг. Русло балки извилистое, разделяется на отдельные рукава и образовано стоком талых вод в пойму р. Паньшинки. Берега имеют пологие склоны, по большей части задернованы, но имеются и береговые обнажения.

В этом месте зафиксирован участок вала длиной около 20 м, отличающийся по высоте от остальных его частей. Он вписан в общую линию земляной

насыпи, но имеет высоту на 1,5–1,7 м ниже, чем высотные отметки вершины основной линии вала (рис. 16; 17). Наиболее вероятно, что это сохранившийся элемент обваловки юго-западной стороны крепости. Кроме того, ее конфигурация, основные габаритные размеры и положение в общей линии оборонительного вала, указанные на плане 1724 г. и чертеже 1769–1772 гг. соответствуют этому предположению (рис. 15). Валы и ров крепости с остальных сторон, а также вся ее внутренняя часть, очевидно, полностью уничтожены прошедшим через них руслом балки. На ее дне, в месте расположения середины рва и вала юго-восточной стороны крепости, обнаружено скопление мелких и средних (13×10×7 см) необработанных камней известняка. Камни лежали в 1 слой, длина скопления 12 м ширина 7 м (рис. 15; 18). Еще два, более крупных, подтесанных с нескольких сторон камня известняка обнаружены на дне промоины у разрушенной северо-западной стороны крепости. Не исключено, что известняковые камни использовались при строительстве или реконструкции крепости, но это не больше чем предположение. По заключению доктора географических наук, профессора ВГСПУ В. А. Брылева, осмотревшего образцы, эти камни, являются привозным материалом, т.к. ближайшие месторождения известняка находятся в 70-80 км (карьер у х. Шуруповский) от данного места или в 50–60 км (Новогригорьевский карьер), на противоположном берегу р. Дон.

В процессе осмотра территории предполагаемого места крепости, на поверхности и в выкидах нор землероев, обнаружены фрагменты гончарной керамики, обломки костей животных, а также створки раковин речных двустворчатых моллюсков (*Unio pictorum*). Вся керамика тонкостенная, в большинстве своем белоглиняная с примесью мелкозернистого песка. Некоторые фрагменты имеют роспись ангобом в виде горизонтальных линий (рис. 24, 1-7). Почти все находки были обнаружены в месте расположения юго-восточной стороны крепости на склоне берега балки, а также на ровном участке, примыкающем к этому месту, т.е. сразу за крепостным валом и рвом. Здесь же зафиксированы две ямы, окружной в плане формы, диаметром около 8 м. Территория на данном участке изрыта мелкими вкопами, оставленными т.н. «черными копателями», занимающихся противозаконным поиском монет и антикварных предметов из металла. На поверхности одной из площадок, образованной и ограниченной узкими отрогами балки, с северо-восточной стороны вала, в 60 м к северо-западу от примерной северо-западной границы крепости, была найдена серебряная монета периода правления Петра I. Это т.н. «чешуйка», копейка, отчеканенная из серебряной проволоки. На лицевой стороне монеты изображен всадник на коне, вправо, в руке опущенное вниз копьё, под конем год буквами *АФВ. На обратной стороне – надпись в 4 строки: ЦРЬ ПЕТРЪ АЛЕѢѢ ВИЧЪ (рис. 24, 14). Монета датируется 1702 г., отчеканена на Када-

шевском монетном дворе (определение научного сотрудника Института Востоковедения РАН Е. Ю. Гончарова).

Для установления наличия или отсутствия в месте расположения крепости культурного слоя XVIII в., были заложены 4 разведочных шурфа.

Шурф 1 был заложен на ровном участке, примыкающем к валу сторожевой линии и предполагаемому краю крепостного рва. Шурф 1 имел размеры 2×2 м. Поверхность участка задернована и покрыта густой степной травой. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия почвенных отложений. Под тонким (2–4 см) гумусным слоем, залегал слой гумусированной супеси серого цвета, рыхлого сложения, мощностью 10–12 см, который залегал на прослойке коричневой супеси толщиной 5–7 см. Ниже залегал материковый слой легкого суглинка светло-серо-коричневого цвета с карбонатными новообразованиями точечной и округлой форм (рис. 19; 20). Границы между слоями ровные, отчетливые.

В процессе разборки 1 пласти в слоях рыхлой серой и коричневой супеси найдено 11 фрагментов гончарной керамики, 2 обломка костей мелкого рогатого скота. Керамика представлена фрагментами, в основном белоглиняной посуды, поверхность их закопчена. Формы посуды представлены фрагментами стенок и венчиков тонкостенных горшковидных сосудов. Фрагменты в большинстве своем мелкие, их длина от 2 до 7,5 см (рис. 24, 8, 9). На уровне 1 пласти было найдено рыболовное грузило, изготовленное, судя ровным боковым граням, из обломка красноглиняного кирпича. На предмете проточен круговой желобок для крепления грузила. Глина в изломе плотная, красно-коричневого цвета, с примесью мелкозернистого песка и мелких частиц шамота (рис. 25, 1). Рядом с ним найдено плоское дно стеклянного сосуда в виде окружной в плане толстостенной ножки. Стекло прозрачное, зеленоватого цвета, с мелкими пузырьками, сильно патинизировано. Диаметр дна 4,3 см (рис. 25, 2). Также в этом слое были обнаружены несколько железных предметов, один из них, возможно, является деталью ружейного замка (рис. 24, 11), а еще один фрагментом столярного инструмента (долото?) с узким лезвием и стержнем. Примечательной находкой является железный подковный гвоздь (ухналь). Это плоский кованый гвоздь, имеет «Т»-образную форму и короткий прямоугольный в сечении штифт (рис. 24, 13). Аналогичные по типу подковные гвозди известны в материалах раскопках средневековых и позднесредневековых памятников северо-западных регионов России, а также Старогригорьевского казачьего городка (первой четверти XVIII в.) в Иловлинском районе Волгоградской области. По мнению некоторых исследователей гвозди «Т»-образной формы датируются в пределах XVI–XVIII вв. [1, с 169]. Поэтому данная находка может выступать одним из хронологических маркеров обнаруженного в шурфе материала. Друг-

гим характерным датирующим артефактом является и керамика, обнаруженная в шурфе и подъемном материале. Эта, в основном тонкостенная белоглиняная керамика, орнаментированная росписью, полностью аналогична керамическому комплексу из раскопок Старогригорьевского казачьего городка, где имеется его надежная датировка, в том числе и монетами 1699–1722 гг. [6, с. 105; 7, с. 209–214].

На склоне балки, у юго-восточной стороны предполагаемой внутренней площади крепости, было зафиксировано скопление золы, мелких углей и обломков кальцинированных костей животных. Здесь был заложен шурф 4, который имел размеры 2×1 м (рис. 15). В ходе работ выявлена следующая стратиграфия почвенных отложений. Под гумусным слоем темно-серого цвета толщиной 4-6 см, залегал слой светло-коричневой супеси рыхлого сложения, мощностью 18-22 см, который был изрыт норами землероев. Ниже залегал материкиовый слой легкого суглинка желто-серо-коричневого цвета с карбонатными новообразованиями точечной и округлой форм (рис. 23). Границы между слоями ровные и отчетливые. В южной половине шурфа зафиксировано обширное пятно ямы, заполненной очень рыхлой, золистой супесью серого цвета (рис. 22). В связи с тем, что в шурфе выявлена хозяйственная яма или котлован иного назначения, границы которого уходили за пределы шурфа, раскопки, в целях сохранения целостности объекта, были прекращены. В процессе разборки 1 пласти в слое светло-коричневой супеси найдено 7 фрагментов гончарной керамики, 4 обломка костей животных. Фрагменты керамики из шурфа 4 полностью аналогичны керамике из шурфа 1 и подъемного материала.

Разведочные шурфы 2 и 3, в целях уточнения площади распространения культурного слоя, заложены за пределами предполагаемых границ крепости с ее северо-восточной и северо-западной сторон соответственно (рис. 15). Никаких археологических находок и стратиграфических наблюдений, связанных с периодом строительства или функционирования Царицынской сторожевой линии шурфы не дали, что позволило более точно определить периметр места расположения Осокорской крепости. Также была выполнена топографическая съемка данного участка с определенными границами крепости (рис. 15).

Таким образом, в результате проведенных работ, удалось установить, что обнаруженные в шурфах 1 и 4 и подъемном материале находки датируются в пределах первой половины XVIII в. и связаны с периодом строительства и функционирования Царицынской сторожевой линии. Обнаруженные культурный слой и находки, а также остатки вала крепости, встроенной в общую линию земляной насыпи, позволяют говорить об установлении, в результате археологической разведки, местонахождения и определения примерных границ крепости Осокорской. Основная площадь и все внутреннее пространство крепости оказалось уничтоженной (смытой) в результате эрозийных процессов и прошедшим через площадь крепости руслом балки.

Отсутствие массового количества находок в шурфах заложенных на Донской и Осокорской крепостях, в первую очередь объясняется тем, что крепости не использовались для проживания или длительного постоянного пребывания в них гарнизона или других постоянных жителей [3, с. 41]. Однако обнаруженные в местах расположения крепостей находки и выявленные культурные напластования, даже на небольшой площади разведочных шурfov, датируются XVIII в., временем функционирования Царицынской сторожевой линии, свидетельствуют о том, что определенная перспектива и целесообразность дальнейшего археологического изучения этих объектов для специалистов, изучающих историю России этого периода, присутствует. Это положение в целом относится к памятникам XVII–XVIII вв., этапа активного освоения и заселения Волго-Донского региона, еще и по той причине, что объекты этого времени (прежде всего, т.н. казачьи городки и поселения) в настоящее время подвергаются просто тотальному разорению и уничтожению незаконными раскопками «черными копателями».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бельский, С. В., Герасимов, Д. В., Липатов, А. А., Михайлова, Е. Р., Мурзенков, Д. Н., Соболев, В. Ю., Федоров, И. А., Шмелев, К. В. Королевская дорога между Кексгольмом и Кронбергом: результаты исследований исторической дороги в северо-западном Приладожье / С. В. Бельский, Д. В. Герасимов, А. А. Липатов, Е. Р. Михайлова, Д. Н. Мурзенков, В. Ю. Соболев, И. А. Федоров, К. В. Шмелев // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 13. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), СПб. 2013. – С. 153-173.
2. Карты, планы и чертежи к II части материалов для истории инженерного искусства в России, Соч. Ф. Ласковского, военного инженера, генерал-майора. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1861. – 36 л. карт., схем.
3. Лавринова, Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования / Т. И. Лавринова. – Волгоград: Издатель, 2012. – 95 с.
4. Паспорт. Царицынская линия. Сост. Искакова, Р. Г., Захаров П. Е., Полуэктова И. В. – Волгоград, 2006 // Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области.
5. Планы крепостей Царицынской линии // Архив НИОР БАН. Осн. оп. карт. ед. хр. 837.
6. Скворцов, Н. Б. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятник археологии) Старогригорьевский казачий городок в 2015 году / Н. Б. Скворцов. – Волгоград, 2016. – 247 с. // Архив ВООО «ВДАО».

7. Скворцов, Н. Б. Монетная коллекция с места раскопок казачьего (Старогригорьевского?) городка / Н. Б. Скворцов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология» № 3 (107). Волгоград, 2016. – С. 209-214.

8. Фарфор и фаянс Российской империи. Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. Сост. А. В. Селиванов. Изд. Владим. Губ. Учен. Архивн. Комиссии. Владимир, 1903. – 175 с., 25 л. ил.

REFERENCES

1. Bel'skij S.V., Gerasimov D.V., Lipatov A.A., Mixajlova E.R., Murzenkov D.N. Sobolev V.Yu., Fedorov I.A., Shmelev K.V. *Korolevskaya doroga mezhdu Keksgol'mom i Kronbergom: rezul'taty` issledovanij istoricheskoy dorogi v severo-zapadnom Priladozh'e* [Royal Road between Kexholm and Kronberg: Research Results of a Historic Road in the North-West Ladoga Region]. *Materialy` polevy`x issledovanij MAE` RAN. Vy`p. 13. Muzej antropologii i e`tnografii im. Petra Velikogo RAN (Kunstkamera)* [Field research materials Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 2013, iss. 13, pp. 153-173.
2. *Karty`, plany` i chertezhi k II chasti materialov dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii, Soch. F. Laskovskogo, voennogo inzhenera, general-majora* [Maps, plans and drawings for part II of materials for the history of engineering in Russia, Op. F. Laskovsky, military engineer, major General]. Saint Petersburg, 1861, sh. 13.
3. Lavrinova T.I. *Czaricynskaya liniya: istoriya stroitel'stva v 1718–1720 i pervy`e gody` sushhestvovaniya* [Tsaritsyn line: the history of construction in 1718-1720 and the first years of its existence]. Volgograd, 2012. 95 p.
4. *Pasport. Czaricynskaya liniya. Sost. Iskakova, R.G., Zaxarov P.E., Poluektova I.V.* [Passport. Tsaritsyn line. Comp. Iskakova, R.G., Zakharov P.E., Poluektova I.V.]. *Arxiv Komiteta gosudarstvennoj ohrany` ob``ektov kul'turnogo naslediya Volgogradskoj oblasti* [Archive of the Committee for state protection of cultural heritage of the Volgograd region]. Volgograd, 2006.
5. *Plany` krepostej Czaricynskoj linii* [Plans for fortresses of the Tsaritsyn line]. *Arxiv nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej biblioteki akademii nauk* [Archive research Department of manuscripts of the Library of the Academy of Sciences]. Op. 837.
6. Skvorcov N.B. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skix arxeologicheskix rabot (raskopok) na ob``ekte kul'turnogo naslediya (pamyatnik arxeologii) Starogrigrigor`evskij kazachij gorodok v 2015 godu* [Report on the conduct of research

and archaeological work (excavations) at a cultural heritage site (monument of archeology) Starogrigoryevsky Cossack town in 2015]. Volgograd, 2016. 247 p.

7. Skvorcov N.B. *Monetnaya kollekciya s mesta raskopok kazach`ego (Starogrigrigor`evskogo?) gorodka* [Coin collection from the excavations of the Cossack (Starogrigorievsky?) town]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Istoricheskie nauki i arxeologiya»* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series «Pedagogical Sciences. Philological science. Historical Sciences and archeology»]. Volgograd, 2016, pp. 209-214.

8. *Farfor i fayans Rossijskoj imperii. Opisanie fabrik i zavodov s izobrazheniyami fabrichnyx klejm. Sost. A.V. Selivanov* [Porcelain and faience of the Russian Empire. Description of factories and factories with images of factory brands. Comp. A. V. Selivanov]. Vladimir, 1903, 175 p., sh. 25.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. «Крепостца Донская». Общий вид места расположения крепости. Вид с В.

Рис. 2. «Крепостца Донская». Общий вид места расположения крепости. Вид с СЗ.

Рис. 3. «Крепостца Донская». Шурф 1 до начала работ. Вид с В.

Рис. 4. «Крепостца Донская». Шурф 1 после окончания работ. Вид с В.

Рис. 5. «Крепостца Донская». Южная стенка шурфа 1. Вид с С.

Рис. 6. «Крепостца Донская». Западная стенка шурфа 1. Вид с В.

Рис. 7. «Крепостца Донская». Шурф 2 до начала работ. Вид с Ю.

Рис. 8. «Крепостца Донская». Шурф 2 после окончания работ. Вид с Ю.

Рис. 9. «Крепостца Донская». Восточная стенка шурфа 2. Вид с З.

Рис. 10. «Крепостца Донская». Остатки оборонительного рва с восточной стороны крепости. Вид с С.

Рис. 11. Ров и вал Царицынской сторожевой линии в месте расположения «Крепостцы Донской». Вид с СЗ.

Рис. 12. «Крепостца Донская». Шурф 1.
Гончарная красноглиняная керамика (1-9), фаянсовая керамика (10, 11).
1-5 - пласт 1; 6-8 - пласт 2; 9-10 - заполнение ямы.

Рис. 13. «Крепостьца Донская».

- 1 - пряслице керамическое (подъемный материал);
2 - фрагмент оселка каменного (шурф 1, пл. 1); 3 - гвоздь железный (шурф 1, пл. 2);
4 - пуговица бронзовая (шурф 1, пл. 1); 5 - пряжка бронзовая (шурф 1, пл. 2);
6 - крючок железный (шурф 1, пл. 3).

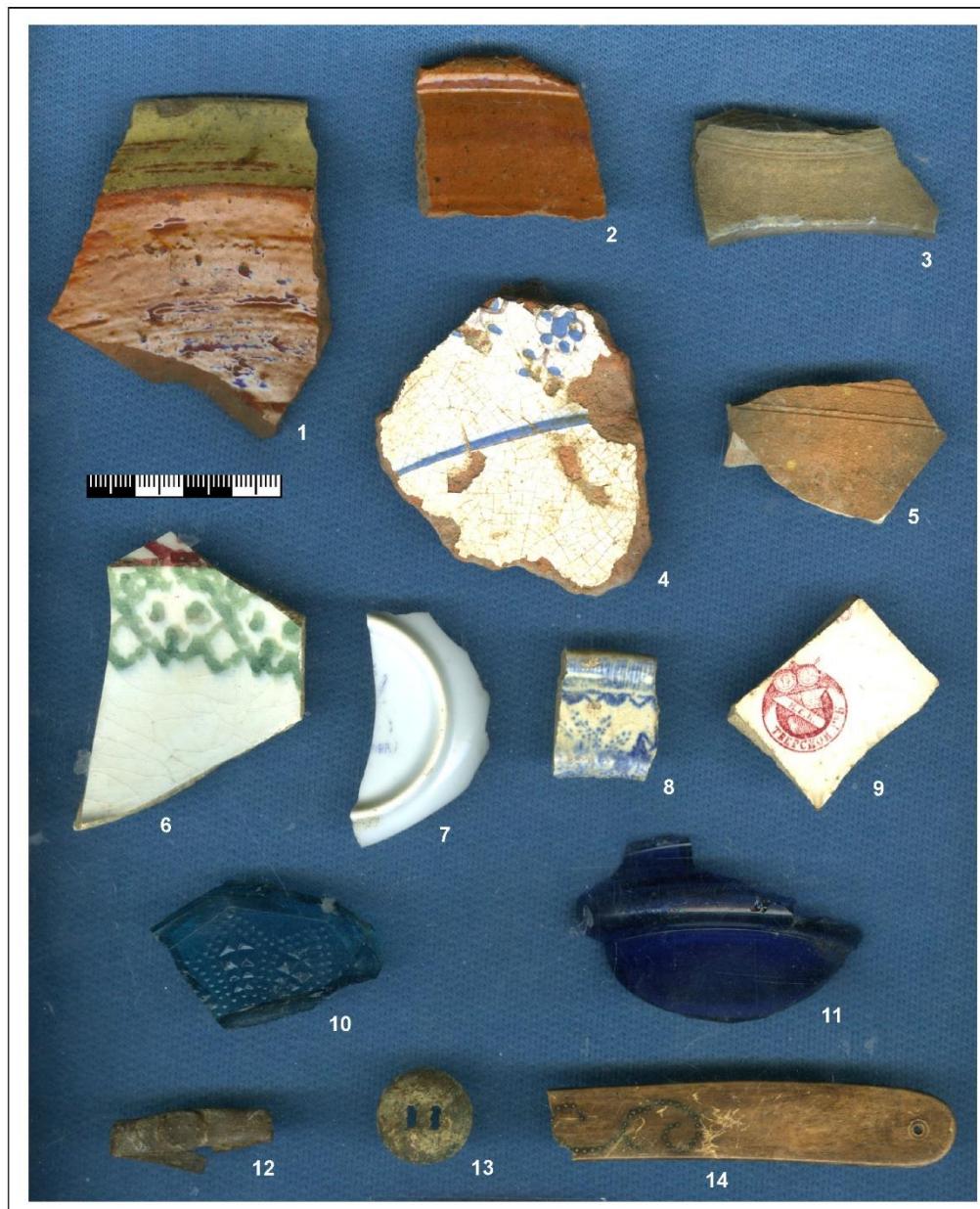

Рис. 14. «Крепостца Донская». Шурф 2.
Гончарная красноглиняная керамика (1-3, 5), изразец керамический (4),
фаянсовая керамика (6, 8, 9), фарфоровая керамика (7), стекло (10, 11),
бронзовое кольцо (12), бронзовая бляшка (13), костяная накладка (14).

1, 2, 6, 7, 10, 11 - пласт 1; 3-5, 8, 9, 12-14 - пласт 2.

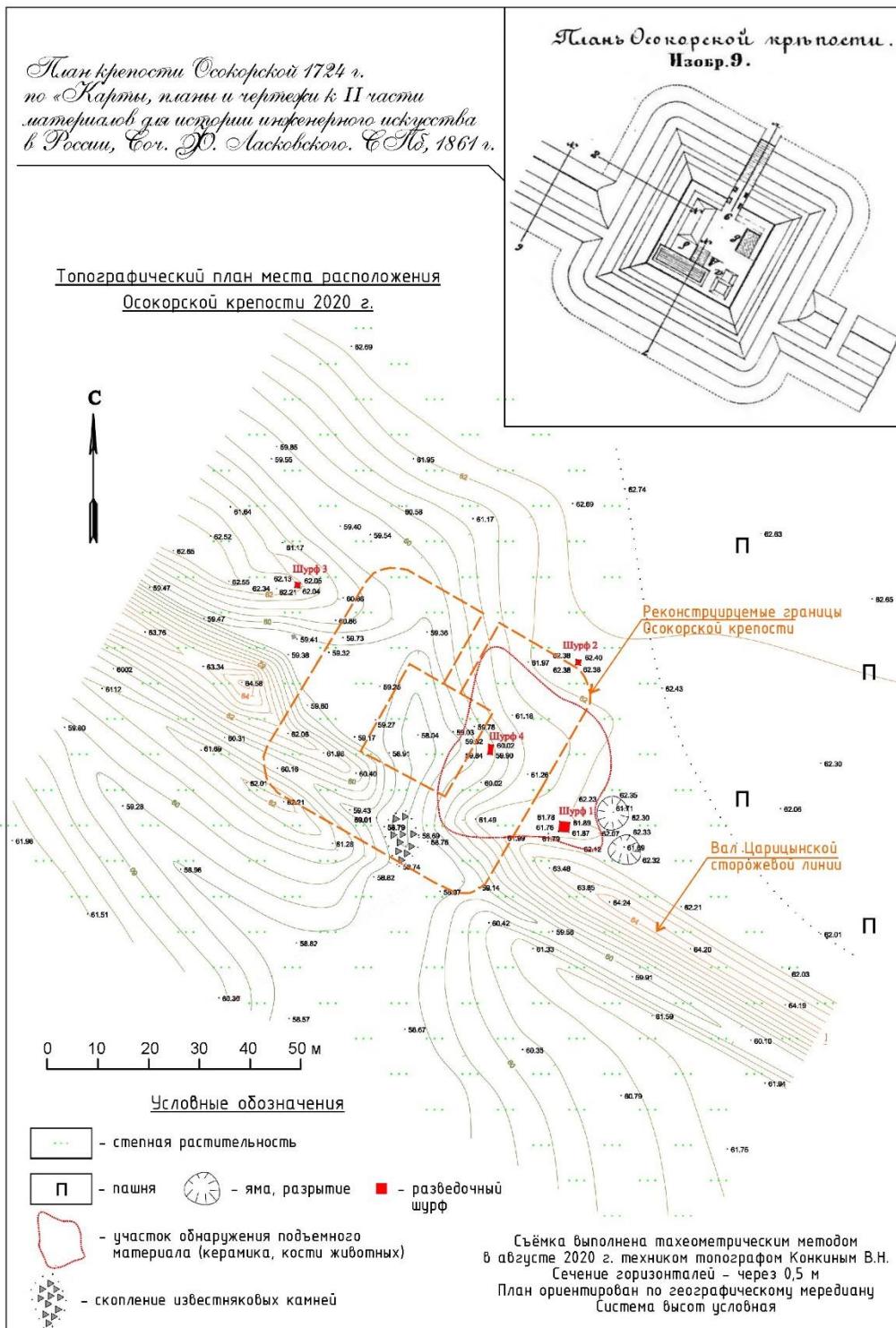

Рис. 15. План места расположения крепости Осокорская.

Рис. 16. «Крепостца Осокорская». Общий вид места расположения крепости.
Вид с ЮВ.

Рис. 17. «Крепостца Осокорская». Общий вид центральной части крепости. Вид с В.

Рис. 18. «Крепостца Осокорская». Камни в месте расположения ЮЗ стороны вала и рва крепости. Вид с ЗСЗ.

Рис. 19. «Крепостца Осокорская». Шурф 1 после окончания работ на уровне материка. Вид с В.

Рис. 20. «Крепостца Осокорская». Северная стенка шурфа 1. Вид с Ю.

Рис. 21. «Крепостца Осокорская». Шурф 4 после окончания работ на уровне материка. Вид с З.

Рис. 22. «Крепостца Осокорская». Дно шурфа 4 на уровне материка. Вид с З.

Рис. 23. «Крепостца Осокорская». Восточная стенка шурфа 4. Вид с З.

Рис. 24. «Крепостца Осокорская».

Гончарная керамика белоглиняная (1, 2, 5, 6, 8), сероглиняная (3, 4, 9), красноглиняная (7), железные предметы (10-13), монета серебряная (14).
1-7, 14 - подъемный материал; 8-13 - шурф 1, пласт 1.

Рис. 25. «Крепостца Осокорская». Шурф 1, пласт 1.
Грузило рыболовное, керамическое (1), фрагмент стеклянного сосуда (2)

УДК 94(47)

ГРАЧЁВСКАЯ КРЕПОСТЬ «ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ»¹

Евгений Владимирович Астафьев
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье кратко рассматриваются некоторые вопросы истории проектирования, строительства и эксплуатации Царицынской линии в комплексе с другими пограничными оборонительными сооружениями, приводится описание расположения, назначения и характеристика особенностей её отдельных элементов, проведён анализ и сделана поправка нескольких популярных заблуждений, связанных с линией, рассматривается история существования и уничтожения центральной крепости линии – Грачёвской, прилагаются снимки места бывшего расположения Грачёвской крепости из космоса, сделанные в 2011 и 2020 гг., фото ряда сохранившихся флеши и находок, сделанных местными жителями вдоль вала и на месте Грачёвской крепости, выдвигается ряд предложений по сохранению и музеефикации уцелевших элементов линии (флеши), фрагментов вала и рва, строительству новой смотровой площадки на месте сохранившейся флеши (редана) на въезде в г. Волгоград, воссозданию точного макета Грачёвской крепости из бетона и брёвен в хут. Грачи, Городищенского р-на Волгоградской обл. и установке памятника автору первого проекта линии, царицынскому сыну боярскому И. И. Бакунину.

Ключевые слова: Царицынская линия, Грачёвская крепость, вал Петра Великого, вал Анны Иоанновны, флеши, редан, император Пётр I, императрица Екатерина Алексеевна, И. И. Бакунин, И. Балцер (Бальцер).

UDC 94(47)

GRACHEVSKAYA FORTRESS OF THE "TSARITSYN'S WATCHLINE"

Evgeny Astafyev
Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article briefly discusses some issues of the history of the design, construction and operation of the Tsaritsyn line in combination with other border defensive structures, describes the location, purpose and characteristics of

¹ Автор этого краткого обзора выражает искреннюю благодарность к.и.н. И. Н. Плешакову за замечания, сделанные в ходе работы над материалом.

the features of its individual elements, analyzes and makes an amendment to several popular misconceptions associated with the line, considers the history of existence and the destruction of the central fortress of the line – Grachevskaya, photographs of the site of the former location of the Grachevskaya fortress from space, taken in 2011 and 2020, are attached, photographs of a number of surviving flashes and finds made by local residents along the rampart and at the site of the Grachevskaya fortress, a number of proposals are put forward for the preservation and museumification of the surviving elements of the line (flashes), fragments of the rampart and ditch, construction of a new observation deck on the site of the preserved flash (redan) at the entrance to Volgograd, recreation of the exact model of the Grachevsky fortress from concrete and logs in the hut. Grachi, Gorodishchensky district, Volgograd region and the erection of a monument to the author of the first draft of the line, the tsaritsyn son of the boyar I. I. Bakunin.

Key words: Tsaritsyn line, Grachevskaya fortress, Peter the Great shaft, Anna Ioannovna shaft, flash, redan, Emperor Peter I, Empress Ekaterina Alekseevna, I. I. Bakunin, I. Baltser (Balzer).

«... рѣчка, которая ниже Трехъ-Островянской станицы вливается слѣва въ Донъ, называется въ подробной карти №54 - Сакарка.

Не Саркела-ли? При Петре еще тутъ неподалеку находился высокій и крутой валъ, будто-бы изъ глины (terre glaise).

Существуетъ-ли онъ еще? И какъ называется? Какая его фигура? Точно-ли онъ сдѣланъ просто изъ глины, или можетъ-быть изъ кирпичей? Не находится-ли здѣсь, какъ обыкновенно на правомъ берегу Дона, известковая земля?»

А. С. Грибоедов
Desiderata¹, 1824 г.

Волгоградцы и гости города, когда-либо проезжавшие по трассе Москва – Волгоград², на участке между поворотом к ст. Качалинская и переездом у пос. Самофаловка, недалеко от поворота на хут. Паньшино наверняка обращали внимание на смотровую площадку, расписанные мозаикой бетонные плиты, чугунную пушку и макет профиля разреза вала Царицынской сторожевой линии – памятник грандиозному оборонительному комплексу, построенному в донских степях в начале XVIII в. по указу Петра I для защиты южных рубежей от набегов кочевников. До наших дней от этого фортификационного сооружения, неплохо, но весьма фрагментарно, на всём его расстоянии от Волги к Дону, сохранились участки глиняного вала и полузасыпанного рва перед ним. В обиходе его называют «валом Петра Великого», или иногда «валом

¹ Desiderata (лат.) – желаемое (желание, намерение). В данном случае – желаемое/необходимое к более подробному изучению (Прим. – Аст.).

² Входит в состав федеральной трассы М-6 «Каспий».

Анны Иоанновны», поскольку уже в период её правления происходило решение основных организационных вопросов, связанных с несением службы на линии донских казаков совместно с регулярными войсками [14. С. 16-35].

Основатели будущего Царицынского генеалогического общества на смотровой площадке Царицынской сторожевой линии. Май, 2006 г.
Именно на этой встрече было принято решение о создании ЦГО.
Слева направо: Е. В. Астафьев, А. Н. Афанасьев, А. П. Высоцкий.
Фото: О. А. Филимонов, А. А. Чуйкин.

Первый проект будущего вала был предложен за три с половиной десятилетия до начала его строительства. Его автором стал сын боярский Иван Иванович Бакунин¹, который ещё в 1682 г. по указу царя Фёдора Алексеевича был вызван в Казанский приказ в Москве, где составил «валовый чертёж от Царицына через степь до Дону до Паншина городка»², в котором обозначил,

¹ Отец царицынского коменданта М. И. Бакунина и прапрапрадед известного идеолога анархизма М. А. Бакунина.

² Паншин городок располагался на южной оконечности большого острова на Дону (т. н. Качалинский о-в), на северной оконечности которого располагался Качалин (Воровской) городок. В районе северной оконечности острова течение Дона имеет крутой изгиб, и удобнее было бы построить вал именно к этому месту, чтобы не создавать лишнее «колено» на линии, но топология оврагов, заболоченный берег, а также мощные весенние разливы Дона по-видимому не позволяли реализовать такой проект. Участие паншинских и качалинских казаков в Булавинском восстании 1707-1708 гг. повлекло за собой образцово-показательное уничтожение правительственные войсками обоих городков в числе прочих «непокорных» донских поселений, однако они вновь упоминаются уже в 1711 г. Впоследствии, ввиду постоянного размыва острова, жить на нём становилось всё неудобнее, и со временем казачьи жилища были перенесены на левый берег в район Донской крепости (совр. ст. Качалинская). См. подробнее: [3. С. 9-10], [24. С. 78], [25. С. 124-162] и др.

«где пристойно быть в котором месте каким крепостям». За этот «валовый чертёж» недовольные донские казаки грозились убить новоиспечённого архитектора, причём угрозы были настолько реальными, что из Москвы был прислан новый царский указ, воспрещающий отправлять И. И. Бакунина на Дон с любыми поручениями, дабы «от казаков убиту не быть» [9. С. 161-163].

Примечательно, что окончательное решение о направлении вала было принято лишь к моменту начала его строительства: так, в указе от 13.02.1718 г. ещё говорится о «строении от Царицына к Дону и к Паншину или к Голубым линий вала и рва», и уже в письме Я. В. Брюса от 4.09.1718 г. в качестве конечной точки строительства упомянут именно Паншин городок [11. С. 220-221].

Несмотря на то, что летом 1718 г. под Царицыным уже стоял бригадир Г. С. Кропотов с полками, находившимися в готовности приступить к работам, начало строительства задержалось до осени из-за отсутствия инженера, которого не могла предоставить Артиллерийская канцелярия. «Трофейный инженер» майор Лепинас отказывался ехать, ссылаясь на болезнь и полную отработку им «срока капитуляции»; инженер полковник Кулон именным указом был задействован на работах в Шлотбурге; инженер капитан Дегранж сидел под арестом в Ревеле; инженер поручик Конвенант (Коффенант) находился в Финляндии; других инженеров не было. Я. В. Брюс требовал от канцелярии скорейшего решения этого вопроса и предлагал всячески мотивировать майора Лепинаса: «И вы ему скажите, что там будет он жить на одном месте. И дадутся ему помощники. Такожде обещайте ему оклад секунд-майорский от артиллерии <...> и гораздо домогайтесь, чтоб его туда отправить. <...> Ежели он никоими мерами ехать не похочет, то доложите <...> чтоб послать капитана Дегранжа, который в Ревеле сидит за арестом» [11. С. 221-222]. В итоге, в междуречье Волги и Дона всё-же был направлен инженер де Коффенант [15. С. 15].

Весь комплекс работ по возведению линии был осуществлён в рекордные сроки: уже к осени 1719 г. было завершено строительство вала и рва по всей их длине, а к осени 1720 г. было завершено строительство линии в целом. Общая численность солдат, казаков и рабочих, привлечённых к строительству, составляла ок. 15 тыс. человек на начальном этапе, и ок. 10 тыс. – на завершающем [15. С. 15-16].

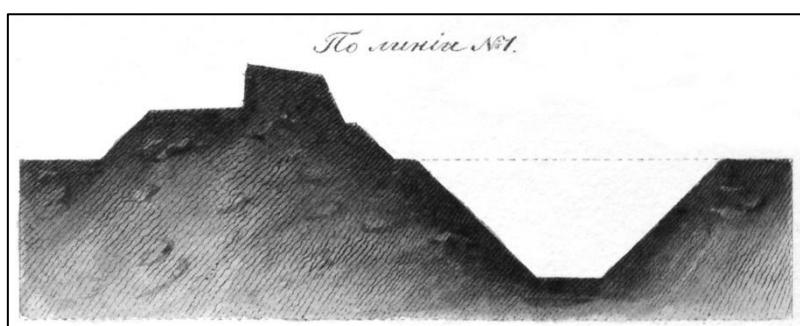
На протяжении вала, помимо уже существовавшей Царицынской крепости на р. Волге¹, было построено ещё четыре крепости: Мечётная (у речки Мечётки (Мокрой Мечётки)), Грачёвская (у речки Грачи, притока речки Сакарки), Осокорская (у речки Сакарки (Осокорка, Осакорка)) и Донская (у Дон-

¹ При этом сама Царицынская крепость, от которой начинался, и к которой примыкал вал – административно оставалась самостоятельным укреплением, лишь конструктивно входившим в комплекс Царицынской оборонительной линии.

ской протоки, напротив южной оконечности острова, на котором некогда располагались Паншин и Качалин городки). Три из крепостей имели замкнутую форму с сильно выдающимися в разные стороны бастионными выступами, отчего в народе их до сих пор называют «звёздами». Это не совсем справедливо, поскольку пятиугольной¹ (и самой крупной из четырёх) была только Грачёвская крепость. Мечётная и Донская крепости были четырёхугольными, а Осокорская выступов вообще не имела².

План Грачёвской крепости, рва и вала [18. Л. 27, фрагмент]. Внутрь можно было попасть только по деревянному мостку, построенному через ров с обратной стороны крепости (показан в нижней части чертежа, между двух бастионов).

Профиль разреза бастионного выступа Грачёвской крепости и рва перед ним (см. предыдущее изобр.).

¹ Пятиугольная бастионная крепость с ретраншементом, окружавшим жилые строения. См. подробнее: [16. С. 487].

² Зачастую именовалась редутом.

В 1720 г. были утверждены первоначальные штаты крепостей: в Грачёвской крепости – 500 человек, в Донской и Мечётной – по 300 человек [16. С. 487].

7 декабря 1722 г., по дороге во время возвращения в Москву из «Персидского похода», Грачёвскую крепость посетила императрица Екатерина Алексеевна, супруга императора Петра Великого¹.

С 1724 г., после смерти калмыцкого хана Аюки, по прошению его вдовы, ханши Дарма-Балы, за Царицынской линией, под её защитой, было дозволено кочевать части калмык. Первое такое кочевье продолжалось с марта по ноябрь 1724 г. Впоследствии, для контроля калмык внутри линии, на расстоянии от р. Волги до р. Изнаир были поставлены форпосты, с дежурившими на них казаками Донского войска и городовыми казаками (набранными от Самары до Чёрного Яра), находившимися в подчинении «состоящего при калмыцких делах при астраханском губернаторе»² В. П. Беклемишева³. Для несения караула на самой линии, с 1724 г. было назначено 4 драгунских полка и от 2 до 3 тыс. донских казаков [5. С. 42]⁴.

Учитывая размер гарнизона Грачёвской крепости и её центральное расположение на валу, со временем при ней вырос хутор, получивший одноимённое название: Грачи (Грачёвский). Сейчас довольно сложно было бы составить список офицеров, на протяжении всех лет эксплуатации линии командовавших гарнизоном этой крепости; на текущий момент нам удалось установить, что в кон. 1720-х гг. эти функции выполнял подполковник Троицкого драгунского полка Иван Балцер (Бальцер)⁵:

A handwritten signature in cursive Russian script, appearing to read "Иван Балцер".

Факсимиле подполковника И. Балцера. 1729 г. [1. Л. 88об.].

¹ Сам Пётр I, судя по сохранившимся дорожным и расходным записям, выехал из Царицына в Москву несколькими днями ранее. См. подробнее: [19. С. 145], [23. С. 146].

² Ведомства коллегии иностранных дел (КИД).

³ В разное время занимал должность самарского, царицынского коменданта, саратовского воеводы; «состоял при калмыцких делах» с 1721 г. (официально назначен в 1722 г.), с некоторыми перерывами, по 1737 г. В нач. 1734 г. принял от генерал-майора А. И. Тараканова командование полками Царицынской линии, как старший из офицеров. Подробнее: [4], [13. С. 45], [26. С. 299] и др.

⁴ Здесь, говоря о численности донцов, В. М. Бакунин, вероятно, имел в виду не только сиюминутно находившихся в карауле казаков, но и назначенные им на смену партии, приводя их общее число.

⁵ Подполковник Троицкого драгунского полка с 16.04.1726, полковник Московского драгунского полка с 29.12.1731. Ум. до 1737 г. См. подробнее: [7. С. 123].

Принято считать, что система Царицынской линии ограничивалась исключительно 60-вёрстным участком вала от р. Волги до р. Дона и пятью уже перечисленными крепостями. Но наивно было бы полагать, что этот вал был задуман как самостоятельное, одиноко стоящее в степи укрепление, единственной задачей которого было контролировать узкое место между реками Волгой и Доном¹. В действительности этот вал был очень грамотно и умело вписан между двух естественных преград, препятствующих нападению с юга на российские территории (участок р. Дона и участок р. Волги в местах их течения с востока на запад), объединяя их в гораздо более масштабный оборонительный комплекс. Вниз от Царицына по течению р. Волги, цепь крепостей вала Царицынской линии продолжали как уже существовавшие к этому времени крепости и форпосты (Чёрноярская, Красноярская, и др.), так и построенные позднее (Енотаевская (1742), и др.) [27. С. 48-52]; вверх по течению р. Дона, начиная от вала, уже с 1724 г. также были учреждены форпосты с дежурившими на них драгунами², донскими казаками и частями Воронежского гарнизона. Некоторые из этих форпостов даже были укомплектованы пушками [5. С. 42]. Начиная с 1731 г., Царицынская линия была продолжена строительством Украинской линии, протянувшейся от Дона до Днепра [10. С. 33-35]. Общий маршрут этих пограничных линий был намечен ещё в середине 1720-х гг. сигнальными маяками, построенными согласно указа Военной коллегии от 1723 г., предписывавшего иметь «во всей Украине³, начав от Волги у Царицына до Днепра, для осторожности от набегов татарских, из сухих дерев пирамид, для зажигания оных» [8. С. 76].

Благодаря Царицынской линии, в Российской степи стало значительно спокойнее, линия защищала от набегов кочевников, ограничивала передвижение разбойных шаек, дала возможность безопасного заселения и освоения земель, развития сельского хозяйства. С ростом Российского государства расширялись и его южные границы, заселялись новые территории, возникали новые

¹ Одна из т. н. «переволок».

² Косвенным доказательством справедливости понимания линии в более широком, нежели вал и несколько крепостей, масштабе, могут служить несколько документов, сохранившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Один из них – письмо командующего полками Царицынской линии генерал-лейтенанта Ф. Г. Чекина, отправленное им 3 марта 1729 г. из Царицына в Саратов полковнику И. И. Бахметеву во время одного из срочных усилений дежурства войск на линии в связи с поступившим донесением о возможной переправе части калмык через Дон, в котором Ф. Г. Чекин сообщает: «и я к Царицынской линии еду и буду стоять при Усть Медведице». [1. Л. 140об.]. Несколько других документов – датированные февральём-мартом 1729 г. письма и донесения офицера Троицкого драгунского полка И. Д. Дэслена, нёсшего со своей командой дежурство на форпосте у Поповицкого Яра (совр. с. Райгород, Волгоградской обл.) [1. Л. 117 об., 118, 128].

³ Под Украиной понимались все пограничные, «окраинные» территории.

поселения. Донские казаки исправно несли службу на линии до 1777 г., когда, по предложению Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора кн. Г. А. Потёмкина, Царицынская линия была оставлена за ненадобностью [22. № 14607]. Хутор Грачёвский, располагавшийся на «Московском» тракте, в удобном месте при небольшом озере, дававшем начало речке Грачи¹, после упразднения Царицынской линии продолжил своё существование уже в качестве дорожной и почтовой станции².

Примечательно, что из всех крепостей, построенных на Царицынской линии, дольше всех просуществовала именно Грачёвская: лишь в 1970-х гг., по рассказам местных жителей, крепость сровняли с землёй с целью постройки на её месте коровника³. Но ещё долгое время на месте бывшей крепости и вдоль линии местные жители находили российские монеты 1700-х – 1760-х гг. (от серебряной «чешуи» и полушек Петра I с аббревиатурой ВРП⁴, до копеек Елизаветы Петровны), обломки нательных образцов и крестики, дутые пуговицы, пряжки, полусломанный старинный курковый пистолет, свинцовые пули большого калибра, и др. предметы. К сожалению, к моменту нашего визита большинство находок были уже либо давно утеряны, либо подарены более любознательным родственникам, поэтому сфотографировать нам удалось немногое (см. фото на цв. вкладке).

Помимо крепостей, на Царицынской линии были предусмотрены угловые выступы – флеши (реданы) с расположенными в них караульнями. Флеши были спроектированы на всех точках прорезывания вала оврагами, для их контроля, а также на протяжённых участках для дежурства казачьих разъездов. Караульни с внутренней стороны линии были огорожены частоколом из брёвен⁵, примыкавшим к её брустверу. Дно оврагов в местах прорезывания

¹ Являющейся одним из основных притоков речки Сакарки, отчего на некоторых старых картах она тоже иногда была обозначена как Сакарка (Осокарка).

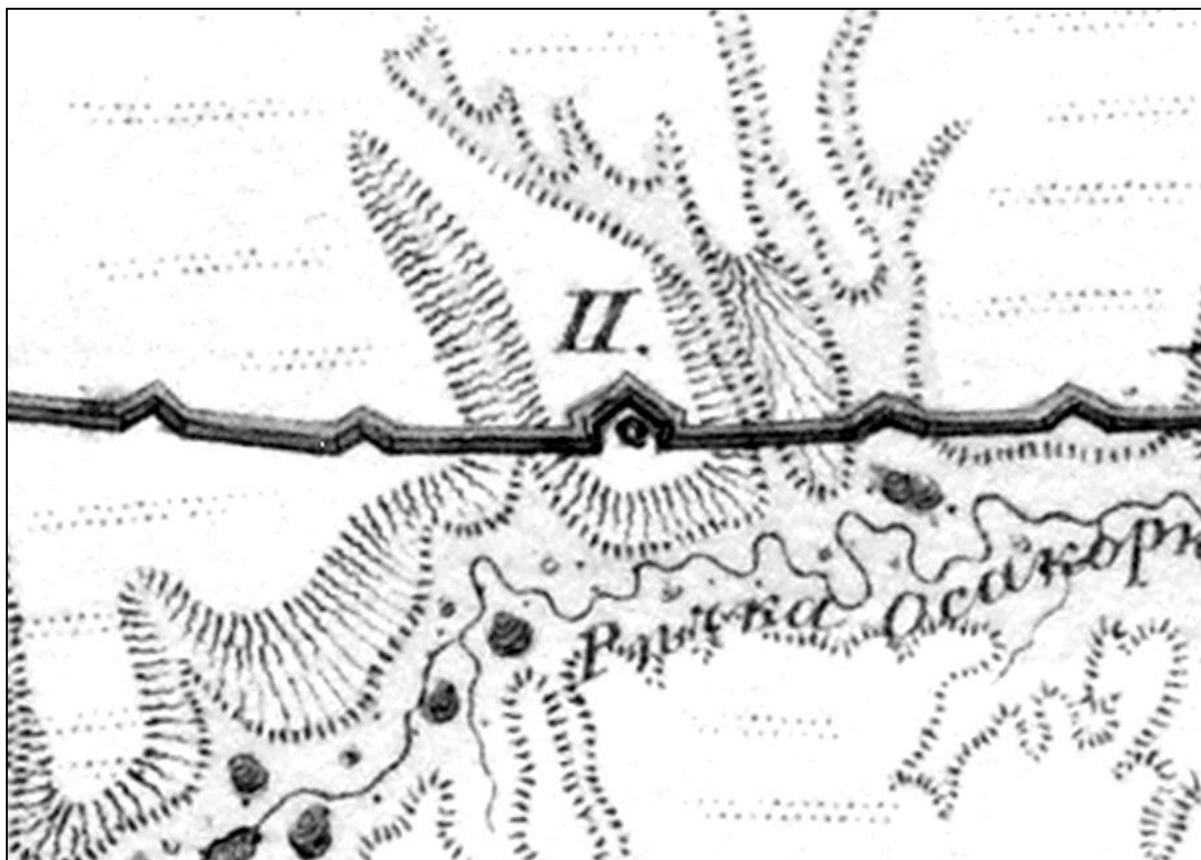
² Совр. хут. Грачи, Городищенского р-на Волгоградской обл. Старая «Московская» дорога, некогда проходившая вдоль Царицынской линии, давно заменена новым шоссе, расположенным теперь в 5 км южнее этого хутора, который из военного и транспортного пункта со временем превратился в исключительно сельскохозяйственное поселение.

³ В середине 2000-х – начале 2010-х гг. на этом месте располагались водонапорная башня, остатки строений разрушенной фермы, и в изобилии разбросанный строительный и бытовой мусор. К счастью, на момент запуска интернет-сервисов обзора поверхности планеты из космоса (Google, Yandex), на земле ещё просматривались очертания крепости и рва вокруг неё, не уничтоженные строителями (см. снимок со спутника на цв.вкладке). Но в последние годы с досадной точностью прямо на месте Грачёвской крепости оказались воздвигнуты новые сельскохозяйственные строения и ангары, окончательно уничтожившие этот памятник истории начала XVIII века (см. снимок со спутника на цв.вкладке).

⁴ «Всех Руси Пётр» (Прим. – Аст.).

⁵ Распространённая легенда о том, что не только караульни, но вся Царицынская линия на протяжении целых 60 вёрст имела сплошной частокол из брёвен, возникла вследствие издания приказа канцелярии главной артиллерии и фортификации, предписывавшего «постановку палисада по всей линии на поверхности вала». В действительности такой дорогостоящий проект едва ли логично было пытаться реализовать в степном регионе, где нет своего дерева

ими вала было перегорожено бревенчатыми барьерами и обрубами. Ряд флеший сохранился до наших дней; наиболее приметные из них – у р.п. Городище (рядом с трассой Москва – Волгоград), у пос. Кузьмичи (в полях), несколько у пос. Котлубань (у кладбища и воинской части), несколько у хут. Грачи (в полях, в обе стороны), и др. Большой участок вала и рва на отрезке от р. Сакарки до ст. Качалинской располагался на территории, выделенной в конце 1990-х гг. под нужды питомника «Сады Придонья» и был частично уничтожен бульдозерами.

Грачёвская крепость и ближайшие к ней флеши по плану 1724 г.

не только для строительства настолько протяжённого ограждения, но и для его последующих неизбежных и частых ремонтов и обновлений. Уже сам по себе это «шалисад», в случае его постройки – должен был бы немедленно явиться объектом воровства в местности, куда лес доставлялся издалека и стоил весьма недёшево. Косвенным подтверждением этому могут служить рапорты царицынских воевод и комендантов, регулярно докладывавших о недостатке дерева и средств для ремонта стен и башен деревянной Царицынской крепости (и это даже при условии расположения Царицына непосредственно на Волге, по которой лес сплавлялся из центральных областей). В результате, уже в 1750 г., когда царицынской инженерной командой был составлен проект исправления линии, строительство частокола, до тех пор ещё не начатое, было охарактеризовано как «работа, сопряжённая с большими издержками и трудами и вовсе излишняя», поэтому канцелярией главной артиллерии и фортификации было отменено. Аналогичным образом и скончавший к тому времени частокол на валах крепостей решено было не восстанавливать. См. подробнее: [17. С. 127-128] и др.

Флешь в р-не хут. Грачи (в сторону пос. Котлубань от бывшей Грачёвской крепости). Вид со стороны рва. За три столетия склоны вала и флеши заметно осыпались и округлились. Фото: Е. В. Астафьев. 2007 г.

Флешь в р-не хут. Грачи (в сторону пос. Кузьмичи от бывшей Грачёвской крепости). Вид сбоку вдоль вала. Фото: Е. В. Астафьев. 2007 г.

Изгиб вала и рва. Вид с верхней точки углового выступа флеши в р-не пос. Котлубань. Фото: Е. В. Астафьев. 2007 г.

На последнем снимке, в его правой части, вдоль рва, хорошо видны стрелковые ячейки, выкопанные в период Гражданской войны и Сталинградской битвы. Таким образом, вал Петра Великого, как фортификационное сооружение, сыграл свою роль не только в XVIII в., для отражения набегов кочевников и во время боёв с отрядами Е. И. Пугачёва, но и дважды – уже в XX в.

На крайних верхних точках наиболее протяжённых сохранившихся участков вала некогда были установлены гранитные стелы с надписью: «Исторический вал. Памятник истории, построенный в 1718–1722 гг., протяжённостью 60 км. Царицынская сторожевая линия. Крупнейшее фортификационное сооружение Европы XVIII века. Охраняется государством». Одна из таких стел была обнаружена нами на земле внутри второй флеши от хут. Грачи в сторону пос. Котлубань, когда-то сброшенной вандалами со своего фундамента и за годы уже основательно вросшей в землю. Участниками ЦГО в 2009 г. она была поднята и установлена на своё место:

Е. В. Астафьев и Е. А. Юрин верёвками поднимают стелу по склону флеши.
Фото: Н. П. Воронова. 2009 г.

Слева направо: Е. А. Юрин, Н. П. Воронова с детьми Вероникой и Александром, Е. В. Астафьев. 2009 г.

Несколько лет назад нам довелось побывать на некоторых из упоминаемых здесь флешней: две из них «чёрными копателями» меньше, чем за десять

лет оказались срытыми почти на треть¹. То, что пощадило время – не щадят вандалы, несмотря на предупреждающие гранитные стелы. Поэтому считаем своим долгом заметить, что для сохранения исторической памяти для будущих поколений наших потомков, а также в целях привлечения туристов, помимо существующей смотровой площадки на месте пересечения Царицынской сторожевой линии с трассой Москва – Волгоград в районе поворота на хут. Паньшино, очень неплохо было бы освободить от новых строений и возвести на историческом месте Грачёвской крепости – её точный макет из бетона и брёвен, а также оборудовать памятную смотровую площадку прямо на въезде в Волгоград – вдоль трассы М-6, в шаговой доступности от ближайшей к нему, сохранившейся флеши в районе р.п. Городище, пока от неё ещё хоть что-то осталось:

В нескольких километрах от Волгограда, в непосредственной близости от федеральной трассы М-6 «Каспий», и всего в нескольких десятках метров от мемориала памяти Второй Мировой войны «Солдатское поле»: флесть и уходящий в сторону города фрагмент вала, построенного вдоль оврага естественного происхождения.

Фото: Е. В. Астафьев. 2007 г.

Кроме того, здесь вполне уместно было бы установить памятник автору первого проекта линии, И. И. Бакунину.

В заключение хочется сказать: вокруг древнего Царицына до сих пор можно обнаружить много интереснейших мест и находок, которые пока ещё не успели разрушить время, вандалы и потребности современной «цивилизации», нужно только внимательно смотреть по сторонам и знать, что ищешь.

¹ Для защиты от раскопок эффективно было бы рассеять по всей длине вала свинцовую дробь или мелко нарубленную алюминиевую проволоку, чтобы затруднить использование металло-детекторов для поиска предметов из цветных металлов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. – 706 л.
2. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. – 495 л.
3. Астафьев Е. В. 1722 году скаски города Царицына разныя о душах мужеска полу. – Волгоград, 2016. – 304 с.
4. Астафьев Е. В. Новые материалы к списку царицынских воевод и комендантов петровского времени (рукопись).
5. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. – Элиста, 1995. – 160 с.
6. Батмаев М. М. В. М. Бакунин и его «Описание калмыцких народов» // В. М. Бакунин. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. – Элиста, 1995. – С. 7-14.
7. Генералы и штаб-офицеры Русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. Справочник в 2-х томах. – Том 1: А-М / Составление, вступительная статья, комментарии К. В. Татарникова. – М., 2019. – 1396 с.
8. Дополнение к действиям Петра Великого, к 1723, 1724 и 1725 годам, и до кончины Его Величества. Том 14. – М., 1794. – 406 с.
9. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 10. – СПб, 1867. – 504 с.
10. Журавский Д. Н. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. – СПб, 1859. – 228 с.
11. Исторический очерк инженерного искусства в России. Составил Ал. Савельев. – СПб, 1879. – 322 с.
12. Исторический очерк инженерного управления в России. Часть II. Составил генерал-лейтенант А. И. Савельев. – СПб, 1887. – 432 с.
13. Клушкин А. А. Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589-1862) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. – Выпуск 8. – Волгоград: Изд-во ЦГО, 2015. – С. 14-46.
14. Курышев А. В. Волжское казачье войско (1730-1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. – Волгоград, 2011. – 352 с.
15. Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования. Автореферат дисс. канд. ист. н. – Воронеж, 1990. – 22 с.
16. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. – СПб, 1861. – 642 с.

17. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. – СПб., 1865. – 1016 с.
18. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Карты, планы и чертежи ко 2-й части. – СПб, 1861. – 36 л.
19. Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. – Санкт-Петербург, 2010. – 178 с.
20. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сборник документов в 2-х томах. – Том 1 / Составление, вступительная статья, оформление К. В. Татарникова. – М.: «Старая Басманная», 2017. – 1292 с.
21. Плешаков И. Н., Васильева Е. Н. Казачество в период колонизации и становления административного устройства Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. – Т. 24, № 4. – С. 20-33.
22. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Том XX (1775–1780). – СПб, 1830. – 1046 с.
23. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. – Т. 2. – М., 1872. – 408 с.
24. Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского, 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества. Авт.-сост. В. А. Гусев. – Выпуск XII. – Волгоград, 2019. – 392 с.
25. Сыскные дела о донских казаках XVII–XVIII века: материалы по истории и генеалогии казачества. Авт.-сост. В. А. Гусев. – Выпуск X. – Волгоград, 2017. – 400 с.
26. Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. – 366 с.
27. Торопицын И. В. В. Н. Татищев: «В Чёрном Яру, Енотаевской и Кизлярской крепостях... иметь крепкую предосторожность». Строительство и реконструкция укреплений в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в 1740-х гг. // Военно-исторический журнал. – № 3, 2013. – С. 48-52.

REFERENCES

1. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya (NARK) [National Archives of the Republic of Kalmykia (NARK)]. F. 36. Op. 1. D. 34. 706 p.
2. NARK. F. 36. Op. 1. D. 72. 495 p.
3. Astafyev E. V. 1722 godu skaski goroda Tsaritsyna raznuya o dushakh muzheska polu [In 1722, the revision census of the city of Tsaritsyn are different about of a male mans]. Volgograd, 2016. 304 p.

4. Astafyev E. V. Novyye materialy k spisku tsaritsynskikh voyevod i komendantov petrovskogo vremeni [New materials to the list of Tsaritsyn's governors and commandants of the Peter's time]. (rukopis').
5. Bakunin V. M. Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda. [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout peoples, and the actions of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista, 1995. 160 p.
6. Batmayev M. M. Bakunin i yego «Opisaniye kalmytskikh narodov» [V. M. Bakunin and his "Description of the Kalmyk peoples"]. V. M. Bakunin. Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda. [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout peoples, and the actions of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista, 1995. Pp. 7-14.
7. Generaly i shtab-ofitsery Russkoy regulyarnoy armii 1729–1796 gg. Svedeniya o sluzhbe iz spiskov po starshinstvu [Generals and staff officers of the Russian regular army of 1729-1796. Information about the service from the lists by seniority]. Spravochnik v 2-kh tomakh. Tom 1: A-M / Sostavleniye, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii K. V. Tatarnikova. M., 2019. 1396 p.
8. Dopolneniya k deyaniyam Petra Velikago, k 1723, 1724 i 1725 godam, i do konchiny Yego Velichestva [Supplement to the deeds of Peter the Great, by 1723, 1724 and 1725, and until the death of His Majesty]. Tom 14. M., 1794. 406 p.
9. Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey [Supplements to the Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Tom 10. SPb, 1867. 504 p.
10. Zhuravskiy D. N. Statisticheskoye obozreniye raskhodov na voyennyye potrebnosti s 1711 po 1825 god [Statistical review of military expenditures from 1711 to 1825]. SPb, 1859. 228 s.
11. Istoricheskiy ocherk inzhenernogo iskusstva v Rossii [Historical sketch of engineering art in Russia]. Sostavil Al. Savel'yev. SPb, 1879. 322 p.
12. Istoricheskiy ocherk inzhenernogo upravleniya v Rossii [Historical sketch of engineering art in Russia]. Chast' II. Sostavil general-leytenant A. I. Savel'yev. SPb, 1887. 432 p.
13. Klushin A. A. Tsaritsynskiye voyevody, komendaty i gorodnichiye (1589-1862) [Tsaritsyn governors, commandants and governors (1589–1862)]. Nizhne-Volzhskiy istoricheskiy sbornik Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva [Low-Volga historical collection of the Tsaritsyn genealogical society]. Vypusk 8. Volgograd: Izd-vo TSGO, 2015. Pp. 14-46.
14. Kuryshev A. V. Volzhskoye kazach'ye voysko (1730–1804): sozdaniye, razvitiye i preobrazovaniye v lineynyye kazach'i polki [Volga Cossack Host (1730–1804): creation, development and transformation into linear казачьи полки]. Elista: Elista University Press, 2018. 224 p.

1804): creation, development and transformation into linear Cossack regiments]. Volgograd, 2011. 352 p.

15. Lavrinova T. I. Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitel'stva v 1718–1720 gg. i pervyye gody sushchestvovaniya [Tsaritsyn line: the history of construction in 1718–1720. and the first years of existence]. Avtoreferat diss. kand. ist. n. Voronezh, 1990. 22 p.

16. Laskovskiy F. F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Materials for the history of engineering art in Russia]. Chast' II. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva v tsarstvovaniye Imperatora Petra Velikogo [Research experience in engineering during the reign of Emperor Peter the Great]. SPb, 1861. 642 p.

17. Laskovskiy F. F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Materials for the history of engineering art in Russia]. Chast' III. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva posle Imperatora Petra I do Imperatrity Yekateriny II [Research experience in engineering after Emperor Peter I to Empress Catherine II]. SPb, 1865. 1016 p.

18. Laskovskiy F. F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Materials for the history of engineering art in Russia]. Karty, plany i chertezhi ko 2-y chasti. SPb, 1861. 36 p.

19. Maksimov E. K., Mezin S. A. Goroda Saratovskogo Povolzh'ya petrovskogo vremeni [Cities of the Saratov Volga region of Peter the Great's time]. Sankt-Peterburg, 2010. 178 p.

20. Ofitserskiye skazki pervoy chetverti XVIII veka. Otstavnyye i zapoloshnyye chiny [Officers' tales of the first quarter of the 18th century. Retired and zapoloshnye ranks]. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh. Tom 1. Sostavleniye, vstupitel'naya stat'ya, oformleniye K. V. Tatarnikova. M.: «Staraya Basmannaia», 2017. 1292 p.

21. Pleshakov I. N., Vasil'yeva E. N. Kazachestvo v period kolonizatsii i stanovleniya administrativnogo ustroystva Saratovskogo Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII veka [Cossacks in the period of colonization and the formation of the administrative structure of the Saratov Volga region in the second half of the XVII - early XVIII century]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships]. 2019. T. 24, № 4. Pp. 20-33.

22. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye 1. Tom XX (1775–1780). SPb, 1830. 1046 p.

23. Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom [Collection of extracts from archival papers about Peter the Great]. T. 2. M., 1872. 408 p.

24. Sluzhba donskikh kazakov. Otstavnyye kazaki Voyska Donskogo, 1777 god: materialy po istorii i genealogii kazachestva [Service of the Don Cossacks. Retired Cossacks of the Don Army, 1777: materials on the history and genealogy of the Cossacks]. Avt.-sost. V. A. Gusev. Vypusk XII. Volgograd, 2019. 392 p.
25. Sysknyye dela o donskikh kazakakh XVII-XVIII veka: materialy po istorii i genealogii kazachestva [Investigative cases about the Don Cossacks of the XVII–XVIII centuries: materials on the history and genealogy of the Cossacks]. Avt.-sost. V. A. Gusev. Vypusk X. Volgograd, 2017. 400 p.
26. Tepkeyev V. T. Ayuka-khan i yego vremya [Ayuka-khan and his time]. Elista: KalmNTS RAN, 2018. 366 p.
27. Toropitsyn I. V. V. N. Tatishchev: «V Chornom Yaru, Yenotayevskoy i Kizlyarskoy krepostyakh... imet' krepkuyu predostorozhnost'». Stroitel'stvo i rekonstruktsiya ukrepleniya v Nizhnem Povolzh'ye i na Severnom Kavkaze v 1740-kh gg. [VN Tatishchev: "In the Black Yar, Enotaevskaya and Kizlyar fortresses ... have a strong precaution." Construction and reconstruction of fortifications in the Lower Volga region and in the North Caucasus in the 1740s.]. Voyenno-istoricheskiy zhurnal [Military history journal]. № 3, 2013. Pp. 48-52.

УДК 725.945.1:

**ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ И РАЗВИТИЯ
ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕКТА
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
ЦАРИЦЫНСКАЯ СТОРОЖЕВАЯ ЛИНИЯ¹**

Сергей Александрович Иванюк
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Созданная в 20-х гг. XVIII в. в Волго-Донском междуречье Царицынская сторожевая линия, которая протянулась от стен Царицына до излучины Дона надежно защитила эту местность от систематических набегов кочевников и дала толчок к активному развитию края. Доклад посвящен перспективам музеификации этого исторического памятника, комплексному решению вопросов по популяризации объекта, широкому введению в научный оборот, развитию его как культурной, так и социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: Петр Великий, Царицын, туризм, фортификация, музеификация, оборонительная линия.

UDC 725.945.1:

**PERSPECTIVES MUSEUMIFICATION AND DEVELOPMENT
OF THE TOURIST ATTRACTION OF THE CULTURAL HERITAGE
SITE PETER THE GREAT'S ERA TSARITSYN DEFENCE LINE¹**

Sergey A. Ivanyuk
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Created in the 20s. XVIII century in the Volga-Don interflue, the Tsaritsyn defence line, which stretched from the walls of Tsaritsyn to the bend of the Don, reliably protected this area from systematic raids of nomads and gave impetus to the active development of the region. The report is devoted to promising museumification of this historical monument, comprehensive solutions to issues of popularization of objects, widespread adoption in scientific circulation, the development of both cultural and social infrastructure.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42009 «Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеификации и туристического использования».

Key words: Peter the Great, Tsaritsyn, tourist, fortification, museumification, defence line.

В январе 2020 г. Президент РФ Владимир Путин посетил г. Усмань Липецкой области, где на встрече с представителями общественности при обсуждении различных аспектов жизни региона обратил внимание на перспективы развития памятного объекта российской истории Белгородской засечной черты. По итогам этой встречи Президент дал поручения соответствующим органам по выявлению, изучению, охране и использованию объектов культурного наследия, связанных с Белгородской чертой. В настоящее время силами рабочей группы сформированной Российским историческим обществом идет поэтапная работа по выявлению и формированию полного списка регионов, на территории которых располагаются памятные объекты непосредственно связанные с темой оборонительных линий [3].

Очень важно, что Президент отметил значение оборонительных линий в истории Российского государства в год 300-летия окончания работ по строительству одного из таких фортификационных сооружений – Царицынской сторожевой линии («линейная работа и по ней четыре крепости прошедшего августа 15 дня сего 1720 году с помощью божией и всемерными трудами щасливо окончалась») [1, л. 202]. Ведь наряду с наиболее знаковыми памятниками Волгоградской области, связанными с историей Сталинградской битвы, она является не менее значимым объектом культурного и военно-исторического наследия в регионе.

Уникальность этого военно-инженерного сооружения заключается в том, что для XVIII в. это было самое протяженное земляное укрепление в Европе. К тому же инженеры, имевшие к тому времени значительный опыт по созданию Большой засечной черты, Белгородской и Изюмской черты, впервые полностью создали оборонительную линию по новой бастионной фортификационной системе.

Причина создания Царицынской сторожевой линии была типичной для таких фортификационных объектов – это обеспечение безопасности от регулярных набегов кочевых народов, а также создание буферной зоны для дальнейшего развития края. Решение о строительстве Царицынской сторожевой линии было принято Петром I в конце 1717 г., после осуществленного в этом году масштабного набега крымских и кубанских татар [6, с. 35-37]. Строительные работы начались в 1718 г. в наиболее узком месте Волго-Донского междуречья – между крепостью Царицын и казачьим городком Паншин. Это была, как сейчас сказали бы «общероссийскаястройка», в которой участвовали 4 регулярных драгунских полка, донские, слободские и гетманские казаки, гарнизонные

войска и работные люди Воронежской, Казанской и Астраханской губерний. В кратчайший срок, через какие-то два года удалось построить основные укрепления этого фортификационного сооружения [2, с. 241].

Создание новой оборонительной линии имело для России важное как внешне-, так и внутриполитическое значение. В первую очередь, была обеспечена безопасность в регионе, подготовлен плацдарм для продвижения на Кавказ. Сразу же после окончания строительства началось интенсивное заселение региона и его экономическое развитие.

Вначале XVIII в. Царицынская сторожевая линия, протянувшаяся от стен Царицына на берегу Волги до излучины Дона представляла собой 60 километровый ров с валом и опорными точками на нем – одной пяти бастионной крепостью, двумя четырех бастионными крепостями, редутом и многочисленными реданами [4, л. 44]. Усиленная в период правления Анны Иоанновны Царицынская линия активно функционировала до середины XVIII века. Только после присоединения Крыма к России и обеспечения полной безопасности региона служба на линии была упразднена, а ее оборонительные сооружения переставшие выполнять охранные функции постепенно утратили вид полноценного фортификационного объекта [2, с. 242]. Но стоит отметить, что в период Гражданской войны на Юге России вначале XX в. и во время Сталинградской битвы остатки ее укреплений вновь использовались в военных целях.

За три столетия укрепления Царицынской сторожевой линии пришли в упадок. Больше всего пострадали остатки располагавшихся на ней крепостей, которые постепенно были поглощены населенными пунктами, интенсивно развивавшимися рядом с ними. В настоящее время сохранилась и хорошо прослеживается на отдельных отрезках Городищенского и Иловлинского районов Волгоградской области линия вала и рва, а также следы 16 реданов.

Если же говорить о сохранении исторической памяти о Царицынской сторожевой линии в Волгограде и области, то ее остатки включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, как памятник истории и культуры регионального значения и находятся под защитой государства. К тому же, на территории Волгоградской области присутствуют памятные знаки, связанные с историей Царицынской сторожевой линии. Это:

- комплекс на федеральной трассе «Каспий», в месте, где остатки линии пересекают автомагистраль;

- гранитные столбы с памятной надписью, расположенные в местах прямого доступа к остаткам вала линии.

Последний из памятных знаков установлен в 2010 г. у остатков одного из реданов в поселке Опытная сельхоз станция Городищенского района Волгоградской области. Причиной его создания стало то, что строительство линии считается отправной точкой для заселения этого населенного пункта.

У такого объекта культурного и исторического наследия как Царицынская сторожевая линия очень хорошие перспективы развития. Особенно актуальным и знаковым это становится в преддверии праздничных мероприятий 2022 г. посвященных 350-летнему юбилею Петра Великого, которого по праву можно считать «отцом» Царицынской линии. Соответственно перед российскими и региональными историками, краеведами, представителями профильных общественных организаций и музейного сообщества стоит задача по исследованию и популяризации, введению в научный и социокультурный оборот, созданию условий для развития как музейной, так и социальной инфраструктуры этого памятника истории и культуры. Возвращение и усиление памяти об этом объекте могло бы стать прорывным проектом, который позволит поднять на качественно новый уровень подходы в решении вопросов гражданского и патриотического воспитания, повысить инвестиционную и туристическую привлекательность Волгограда и Волгоградской области.

В настоящее время группа волгоградских историков под руководством д.и.н., профессора Игоря Олеговича Тюменцева и при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований реализует научный проект: «Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеификации и туристического использования». В результате, которого к 2022 г. исследовательская группа должна достигнуть следующих результатов: изучить историю Царицынской сторожевой линии как фортификационного сооружения и историко-культурного памятника, разработать проект и практические рекомендации по ее музеификации и туристическому использованию.

Первыми такими рекомендациями по музеификации и создание новых памятных мест связанных с историей Царицынской сторожевой линии стало предложение ООО «НПО архитектуры, градостроительства и дизайна» по благоустройству бульварной части проспекта им. Г.К. Жукова (Дзержинский район, г. Волгоград), где следы оборонительного вала линии сохранились вдоль трамвайных путей. Согласно разработанной концепции в благоустроенной зоне предлагается воссоздать часть оборонительного вала в натуральную величину, с интерактивной информационной зоной по истории полевой фортификации [5, с. 21-22]. Таким образом познакомиться с Царицынской сторожевой линией можно было бы не только на территории области, но и непосредственно в Волгограде.

Дальнейшее комплексное решение этих вопросов видится через создание военно-исторического музея-заповедника «Царицынская сторожевая линия» и формирование достопримечательного места в соответствии с существующей нормативно-правовой базой. Это конечно сложный, но наиболее правильный путь в деле сохранения и развития объекта и среды, в которой он находится. Основными объектами этого комплекса могли бы стать:

- обновленные и реконструированные памятные места, связанные с историей Царицынской линии на территории Городищенского и Иловлинского районов Волгоградской области;

- интерактивный объект – восстановленная по историческим чертежам одна из крепостей Царицынской линии (например, Грачевская), где с помощью 3d mapping (звука и изображения) и VR технологий (дополненной реальности) посетители музейного комплекса могли бы погрузиться в историю Петровской эпохи и увидеть своими глазами службу на линии;

- досугово-туристический центр, включающий: военно-исторический клуб с визит-центром и конференц залом, представительства региональных туристических фирм, кафе и торговые точки, размещенные в стилизованных зданиях крепостной архитектуры образца XVII–XVIII вв.

Вновь созданный музейный комплекс стал бы центром не только научной и исследовательской работы историков и археологов, связанных с темами военно-исторического прошлого нашей страны, но и местом проведения мероприятий патриотической направленности, связанных со становлением, развитием и укреплением российской государственности.

Такими мероприятиями могли бы стать: работа общероссийского летнего лагеря волонтеров и молодежного археологического лагеря; создание на базе музея-заповедника молодежного движения «Царицынская линия» и «Школы юного фортификатора»; организация международных научно-практических конференций по истории фортификации и ежегодных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике «Зашитники южного рубежа Отчизны»; регулярное проведение тематических праздников, общероссийского фестиваля «Лето на Царицынской линии», военно-исторических реконструкций.

В заключении хотелось бы сказать, что в результате реализации масштабного проекта «Царицынская сторожевая линия» федеральный центр и непосредственно Волгоградская область могли бы получить мощный политический, экономический, социальный, образовательный и культурный ресурсы, которые обеспечат:

- сохранение уникального исторического памятника фортификационного искусства Петровской эпохи Царицынской сторожевой линии, как символа укрепления Российской государственности на Юге России;

- введение этого памятника в научный и культурный оборот;
- реализацию на его базе крупных федеральных программ и проектов, связанных с сохранением военной истории России;
- появление крупного опорного центра в Волгограде, отражающего через историческое наследие его традиционный геополитический и стратегический вектор развития в южном секторе;
- повышение инвестиционной и туристической привлекательности Волгограда и области, развитие туристической сферы города;
- возвращение Волгограду-Царицыну былой славы Форпоста на Юге государства Российского;
- реализацию других, в том числе международных, программ и проектов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Доношение генерала-майора Г. С. Кропотова в Сенат, 13 сентября 1720 г. // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 248. – Оп. 3. – Кн. 101. – Д. 1.
2. Иванюк, С. А. Памятники военной истории Петровской эпохи на территории Волгограда и области / С. А. Иванюк // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: международная научно-практическая конференция (2019; Волгоград): [материалы]. – Волгоград : Сфера, 2019. – С. 238–245.
3. Изучение засечных черт. Выявление объектов культурного наследия [Электронный ресурс] URL: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya.html> (дата обращения: 28.10.2020).
4. Карта-план оборонительной линии между Волгой и Доном (от города Царицына до Донского пролива четыре крепости), профилями крепостей, 1-я половина XVIII в. // Отдел рукописей Библиотеки Академии наук. – Ф. 266. – Т. 3.
5. Клейтман, А. Л., Сена, С. Л. Фортifikacionnoe chudo (к 300-летию Царицынской сторожевой линии) / А. Л. Клейтман, С. Л. Сена // Журнал «Частная территория». – № 6 (78). – 2020 г. – С. 18–22.
6. Лавринова, Т. И. Татарский набег 1717 г. на юго-восток России / Т. И. Лавринова // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. – Вып. 1. – Волгоград : Ротапrint Волгоградского ЦНТИ, 1991. – С. 35–37.

REFERENCES

1. Donosheniye generala-mayora G. S. Kropotova v Senat. 13 sentyabrya 1720 g. [Report of Major General G.S. Kropotov to the Senate, September 13, 1720]. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 248, Op. 3, Book 101, D. 1.

2. Ivanyuk S. A. Pamyatniki voyennoy istorii Petrovskoy epokhi na territorii Volgograda i oblasti [Monuments of the military history of the Petrine era on the territory of Volgograd and the region]. *Voyenno-istoricheskiye aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeifikatsii: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Military-historical aspects of life in the South of Russia of the 17th – 21st centuries: questions of study and museumification: international scientific and practical conference], Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 238–245.

3. *Izuchenie zasechnyh chert. Vyyavlenie ob'ektov kul'turnogo naslediya* [The study of the defense line. Identification of cultural heritage sites]. Available at: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya.html> (accessed 28 October 2020).

4. Karta-plan oboronitelnoy linii mezhdu Volgoy i Donom (ot goroda Tsaritsyna do Donskogo proliva chetyre kreposttsy). profilyami krepostey [Map-plan of the defensive line between the Volga and the Don (four fortresses from the city of Tsaritsyn to the Don Strait), fortress profiles]. *Otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk* [Manuscript Division of the Library of the Academy of Sciences]. F. 266, vol. 3.

5. Klejtmann A. L., Sena S. L. Fortifikacionnoe chudo (k 300-letiyu Caricynskoj storozhevoj linii) [Fortification miracle (to commemorate the 300th anniversary of the Tsaritsyn defence line)]. *Chastnaya territoriya* [Private territory], 2020, no. 6 (78), pp. 18–22.

6. Lavrinova T. I. Tatarskiy nabeg 1717 g. na yugo-vostok Rossii [Tatar raid of 1717 on the South-East of Russia]. *Voprosy krayevedeniya: materialy krayevedcheskikh chteniy* [Questions of local history: materials of local history readings], Volgograd, Rotaprint of the Volgograd Central research Institute Publ., 1991, no. 1, pp. 35–37.

ДОКУМЕНТЫ О КОМАНДИРОВАНИИ НА ЦАРИЦЫНСКУЮ ЛИНИЮ ИНЖЕНЕРА ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПЛАНА И ПРОЕКТА ЕЁ УКРЕПЛЕНИЯ. 1723 Г.¹

Вступительная статья, подготовка к публикации и комментарии
Александр Леонидович Клейтман
ГБУ «ВОНПЦ по охране памятников»

К публикации подготовлены указы Военной коллегии, которые были направлены в канцелярию Главной артиллерии и фортификации в июне – октябре 1723 года. Данные документы отложились в фонде «Канцелярии Главной артиллерии и фортификации» в научном архиве Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Публикуемые документы дополняют сформировавшиеся в историографии представления о пребывании Петра I в Царицыне во время Персидского похода в 1722 году и о строительстве Царицынской линии.

Так, например, Т. А. Лавринова, автор единственного на сегодняшний день специального исследования, посвященного истории строительства Царицынской линии, отмечала, что документальных подтверждений тому, что Петр I, находясь в Царицыне в 1722 г., делал конкретные предложения по укреплению Царицынской крепости, не существует, и этот сюжет следует рассматривать как одно из многочисленных устных преданий, посвященных Петру [1, с. 48-49]. При этом в публикуемом нами указе Военной коллегии в канцелярию Главной артиллерии от 18 июня 1723 г. прямо упоминается указ, данный в 1722 г. Петром I царицынскому коменданту Селиванову о строении на Царицыне цитадели и об укреплении крепостей на сторожевой линии.

Сюжет о направлении инженера Бреклина на Царицынскую линию в 1723 г. был известен ещё Ф. Ф. Ласковскому, который в своем классическом исследовании по истории фортификации ссылался на донесение Бреклина, написанное после этой поездки [2, с. 488]. Однако публикуемые нами документы дают возможность восстановить, что послужило конкретной причиной отправки инженера Бреклина в Царицын в 1723 г., как проходило принятие решения о его направлении на Царицынскую линию.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-09-42009 «Памятник фортификации Петровской эпохи "Царицынская сторожевая линия": история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования».

Как следует из указов Военной коллегии, направленных в канцелярию Главной артиллерии летом 1723 г., находясь в Царицыне в 1722 г., Петр I на плане Царицынской линии собственноручно отметил, как следовало её укрепить и оставил этот подписанный им план Царицынскому коменданту Селиванову. По-видимому, это произошло на обратном пути Петра из Персидского похода, когда он провел в Царицыне две недели – с 20 ноября до 4 декабря 1722 г. Комендант составил копию с этого плана, а оригинал направил в Военную коллегию. Для реализации намеченного Петром плана укрепления Царицынской крепости в Военной коллегии было необходимо получить более точную информацию о её состоянии, необходим был её детальный план и подробная смета, сколько и каких потребуется материалов и «мастеровых людей» для её укрепления. Для составления плана и сметы на Царицынскую линию планировали отправить или инженера полковника Бреклина, или майора Колонге. Поскольку Колонге в это время был занят на строительстве крепости в Ревеле, выбор был сделан в пользу полковника Бреклина.

Орфография и пунктуация публикуемых документов в основном приведены в соответствие с современными правилами русского языка. Написание слов, передающих стилистические особенности языка эпохи, оставлено без изменения.

Научный архив Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 261. Л. 363-363 об.

№ 33 июня 19 числа

Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского и Военной коллегии в Артиллерию сего июня 15 дня. По его Императорскому Величеству указу Военная коллегия, слушав присланного во оную коллегию при письме кабинет секретаря господина Макарова полковника и Царицынского коменданта Селиванова¹ доношение, каково он подал на Царицыне Его Императорскому Величеству, приговорили учинить следующее. Каковы Его Императорского Величества господин Полковник Селиванов имеет о строении на Царицыне цытодели и прочия внешние крепостей по укреплению указ, с того указа копию, тако же и план Царицынской, на котором его Величество изволил подписывать своею рукою, или списав с него от слова до слова копию же, за своею ему Полковнику Селиванову рукою, прислать в Военную коллегию с нарочным немедленно. И при том ведомость со мнением своим, что к тому строению по укреплению линии надобно каких материалов, инструментов и всех

¹ Комендант Царицына Селиванов -

иных припасов, и на сваи лесу, тако ж и фашин¹, и прочего, а для лучшего уверения послать ныне на Царицын из артиллерии инженера доброго, которому велеть по силе того его Императорского Величества указа и на основании подписанного Его Императорского Величества собственною рукою плана, сделать вновь план с масштапом и профиль всему тому строению, какое по тому плану строить, и каким образом Царицынскую линию укрепить надлежит, и учинить всему смету, сколько к тому строению и по укреплению Царицынской линии ко обретающимся на Царицыне наличным надобно каких инструментов, материалов и всяких припасов и на полисад² и прочие строения лесу и в каких местах, тако ж и фашин, и прочего, и какое число мастеровых всяких чинов и работных людей. И со всем тем тому инженеру велеть быть в Санкт-Петербурх кончая в августе месяце нынешняго 1723 года. А о удовольствии Царицынской артиллерии артиллерийскими служителями учинить определении в артиллерию и о вышеписанном о всем в Артиллерию и Полковнику Селиванову послать Его Императорского Величества Указы и в Артиллерию учинить о том по сему его Императорского Величества указ, а к Полковнику Селиванову о том указ послан июня в 15 день 1723 года.

[Подписи]:

Иван Михалев

Иван Караполов

Секретарь Илья [неразборчиво]

Канцелярист Иван Пешков

* * *

Там же. Л. 584-584 об.

Дубликат

Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского и Государственной военной коллегии в Артиллерию, прошедшего июня «18» дня сего 1723 года. В указе Его Императорского Величества и Военной коллегии в Артиллерию писано, чтоб для лутчаго уверения послать ныне на Царицын из Артиллерии инженера доброго, которому по силе Его Императорского Величества Указу и на основании подписанного Его Величества Собственною рукою плана

¹ Фашина – связка хвороста, вязанка прутьев, использовались для преодоления топких мест, засыпания рвов, оврагов.

² Палисад – препятствие или стена из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю.

сделать вновь план с маштапом и профиль всему строению, как по тому плану строить и каким образом Царицынскую линию укрепить надлежит и учинить всему смету, сколько к тому строению и ко укреплению Царицынской линии ко обретающимся на Царицыне наличным надобно каких инструментов, материалов и всяких припасов и на полисады и прочие строении лесу и в какую меру, тако же и фашин и прочего и какое число всяких чинов и работных людей и со всем тем том инженеру велеть быть в Санкт-Петербурге, кончая в августе месяце нынешняго 1723 года, а в присланном из Артиллерии репорте написано, что для вышепомянутого дела в Царицын послать инженера некого, понеже де при Санкт-Петербурге в команде главных инженеров не обретаетца, ибо все командированы к нужнейшим делам, а пристойнее де быть к тому делу из Астрахани полковнику инженеру Бреклину¹, которой тамо обретается при гарнизоне или майору Колонге², которой ныне при строении крепостей в Ревеле³, и того же августа 24 дня по Его Императорского Величества указу и по приговору Военной коллегии о немедленной посылке на Царицын инженера из вышепомянутых двоих, которого Артиллерия за благо разсудит для учинения оного тамо плана с маштапом и профиля послан в Артиллерию указ того же августа 26 дня и по тому указу, кто из оных инженеров на Царицын отправлен ли и что учинено о том из Артиллерии в Военную коллегию не ответствовано и в Артиллерию учинить по прежде посланному и сему Его Императорского Величества Указом сентября 24 дня 1723 года.

[Подписи:] князь Григорий Юсупов⁴, [неразборчиво], Иван Караполов.

Секретарь Илья Кунков.

Регистратор Василий Мартынов.

Подал Царицынского батальона прапорщик Петр Веденяпин сентября 24 числа в 1 часу.

* * *

Там же. Л. 628-629.

¹ Бреклин Иван – инженер, строитель укреплений в Азове, Киеве, Полтаве, Астрахани, Царицыне и других местах. На русской службе с 1705 г. В 1709 г. пожалован в полковники.

² Вероятно имеется в виду Александр Клапье де Колонг, в 1712 г. перешедший на русскую службу. Однако в историографии упоминается, что в 1719 г., будучи уже полковником, он был назначен начальником Инженерной школы в Санкт-Петербурге.

³ Ревель – старое название г. Таллин. Ревель, как и территория современной Эстонии, в целом, был присоединен к России в конце 1710-х гг. в результате Северной войны.

⁴ Князь Григорий Дмитриевич Юсупов (1676-1730 гг.) – государственный деятель, полководец Петровской эпохи. Принимал участие в Азовских походах, Северной войне. С 1719 г. – член Военной коллегии.

Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского и Государственной Военной коллегии в Артиллерию в нынешнем 1723 году июня 18 дня. В указе Его Императорского Величества и Государственной Военной коллегии писано, чтоб для лучшаго уверения послать на Царицын из Артиллерии инженера доброго, которой по силе Его Императорского Величества Указа и на основании подписанного Его Величества собственноручно плана сделать вновь план с маштапом и профиль всех строений, как по тому плану строить, тако же и о прочем, о чём в том указе объявлено пространно, а в присланном из Артиллерии репорте написано, что де для вышепомянутого дела в Царицын послать инженера некого, понеже при Санкт-Петербурге в команде главных инженеров не обретаетца, а пристойнее де бы к тому дело из Астрахани полковнику инженеру Бреклину, которой тамо обретаетца при гарнизоне или майору Колонге, которой ныне при строении крепостей в Ревеле и сего октября де кого Императорского Величества указу и Государственной Военной коллегии приговорили с прежнего отпуску сего 1723 года июня 18 числа послать в Артиллерию Его Императорского Величества указ, по которому велеть немедленно отправить из Астрахани на Царицын Полковника инженера Бреклина, которой ныне обретаетца в Астрахань и велеть ему при приезде своем на Царицын учинить вновь план с маштапом и профилем всего строения, на основании Царицынского плана, которой подписан Его Императорского Величества собственною рукою и прислан в Военную коллегию, а на Царицыне оставлена с него копия и как по тому плану строить и каким образом Царицынскую линию крепить надлежит учинить ему всему тому смету, сколько к тому строению и ко укреплению Царицынской линии ко обретающимся на Царицыне наличным надобно каких инструментов и материалом и всяких припасов и на полисады и прочие строении лесу и в какую меру тако же и фашин и прочаго и какое число мастеровых и работных людей и то все учинив велеть тот план купно с выше помянутою сметою прислать в Санкт-Петербург немедленно и чтоб оной Бреклин был немедленно прислан, не упустя время, того ради к Астраханскому губернатору и Царицынскому коменданту о даче ему Бреклину с вышеупомянутого плана копии и о всяком в том деле вспоможении послать указы через присланного ис Царицына прaporщика Петра Венедятина [так в тексте – А.К.] и солдата и дать им **двести** ямские подводы и о даче тех подвод в Канцелярию ямских дел послать промеморию, а о выдаче на них прогонных денег указ к казначею Квашнину-Самарину¹, а таковые указы в Астрахань и Царицын послать на почте и в Артиллерию учинить о том по Его Императорского

¹ Квашнин-Самарин Пётр Андреевич (1671–1740-е гг.) – в 1720-х гг. – обер-кригс-комиссар (казначей) Военной коллегии. В 1686–1692 гг. стольник царицы Прасковии Федоровны. Принимал участие в Азовских походах. О службе в 1720–1722 гг. сведений не сохранилось. Ушел в отставку в 1740 г. Благодаря стихам, которые писал в конце 1690-х гг., считается первым русским лирическим поэтом. См.: Телетова Н. К. Первый русский лирический поэт П. А. Квашнин-Самарин // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 47. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1993. С. 293–307.

Величества указу, а к астраханскому губернатору и к царицынскому коменданту и к Военной коллегии указы посланы октября 8 дня 1723 года.

[Подписи:] Peter Lacy¹, Иван Жихарев, Иван Караулов.
Секретарь Илья Кунов.
Справил Богдан Иванов.

* * *

Там же. Л. 681-681 об.

Указ Его Величества и Самодержца Всероссийского и Государственной Военной коллегии в Артиллерию, сего октября 23 дня. По Его Императорского Величества указу Государственная Военная коллегия приговорили по прежнему приговору сего ж октября 3 дня, по которому велено немедленно отправить из Астрахани на Царицын полковника инженера Бреклина, которой ныне обретаетца в Астрахани и велеть ему учинить вновь план с маштапом и профиль всем строению на основании Царицынского плана, которой подписан Его Императорского Величества собственною рукою и прислан в Военную коллегию, а на Царицыне оставлена с него копия, и как по тому плану строить и каким образом оную линею укрепить надлежит, и учинить всему тому смету, сколько к тому строению и ко укреплению той линеи по обретающимся на Царицыне наличным надобно каких инструментов, материалов и всяких припасов и на полисады и ротчие строении лесу и в какую меру тако ж и фашин и протчаго и какое число мастеровых и работных людей, и то все учиня, тот план нужно с вышепомянутою сметою прислать в Санкт-Петербург немедленно и чтоб оной Бреклин был немедленно отправлен не упустя времени того ради при Царицыне для усочинения того плана оному ж полковнику Инженеру Бреклину, а инженерного майора Колонга из Ревеля для того сюда отправлять не велеть, понеже между Ревелем и Царицыным имеетца расстояние дальнее да и для того, что в нынешнюю распутицу за далним проездом будет чинитца немалая остановка, также и в даче прогонов лишние убытки, с вышеписанного полковнику инженеру Бреклину при отправлении оного дела на Царицыне быть пристойнее и безубыточнее, и о немедленном отправлении на Царицын оного полковника Бреклина в Артиллерию послать Его Императорского Вели-

¹ Ласси Пётр Петрович (? – 1751 г.) – один из выдающихся полководцев России первой половины XVIII в. По происхождению ирландец. Поступил на русскую службу в 1700 г. Был одним из активных участников, полководцев Северной войны. В 1723-1725 гг. – член Военной коллегии. Принимал активное участие в Войне за польское наследство, Русско-Турецкой войне (1735-1739 гг.), Шведской войне (1741-1743 гг.).

чества указ, а что будет учинено, о том в Военную коллегию подать репорт немедленно, и в Артиллерию учинить о том по сему Его Императорского Величества указу октября 29 дня 1723 году.

[Подписи:] Peter Lacy, князь Григорий Юсупов, Иван Жихарев.

Секретарь Илья Кунков.

Правил Богдан Иванов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования: монография. Волгоград: Издатель, 2012.
2. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Петра Великого. СПб., 1861.

REFERENCES

1. Lavrinova T. I. *Caricynskaja linija: istorija stroitel'stva v 1718–1720 i pervye gody sushhestvovanija: monografija [Tsaritsyn line: the history of construction in 1718–1720 and the first years of its existence: monograph]*. Volgograd: Izdatel', 2012.
2. Laskovsky F. F. *Materialy dlja istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. II. Opyt issledovanija inzhenernogo iskusstva v carstvovanie Petra Velikogo. [Materials for the history of engineering art in Russia. Part II. Research experience of engineering art during the reign of Peter the Great]*. Saint-Petersburg, 1861.

ЮГО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

**МАТЕРИАЛЫ О ВОССТАНИИ К. БУЛАВИНА
В СБОРНИКЕ КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА
(РНБ. ЭРМИТАЖНОЕ СОБРАНИЕ № 559)¹**

Алексей Иванович Алексеев
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается сборник исторического содержания из состава Эрмитажного собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, принадлежащий князю М. М. Щербатову. Сборник был скопирован по заказу князя из дел Кабинета Петра Великого, в котором отразились документы за подписями консилиума министров за 1707–1709 гг. Значительная часть этих документов посвящена борьбе правительственные отрядов с восстанием на Дону под предводительством Кондратия Булавина. Большая часть этих документов не введена в научный оборот, но представляет ценность для исследователей донских событий в 1707–1709 гг.

Ключевые слова: Петр I, восстание К. Булавина, исторические сборники князя М. М. Щербатова.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42025 «Петровская эпоха в документах и материалах отдела рукописей Российской национальной библиотеки».

**MATERIALS ABOUT THE UPRISING OF K. BULAVIN
IN THE COLLECTION OF PRINCE M. M. SHCHERBATOV
(RNB. HERMITAGE COLLECTION № 559)**

Alexey Ivanovich Alekseev

Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article considers a collection of historical content from the Hermitage collection of the Department of manuscripts of the Russian national library, belonging to Prince M. M. Shcherbatov. The collection was copied by order of the Prince from the Affairs of the Cabinet of Peter the Great, which reflected the documents signed by the Council of Ministers for 1707–1709. A significant portion of these documents dedicated to fighting government troops since the uprising on the don, under the leadership of Kondraty Bulavin. Most of these documents have not been put into scientific circulation, but they are valuable for researchers of the don events in 1707-1709.

Key words: Peter I, the revolt of K. Bulavin, historical collections of Prince M. M. Shcherbatov.

Князь М. М. Щербатов (22.06.1733 – 12.12.1790) имел большую библиотеку, приблизительно 15 000 томов, богатое собрание рукописей, коллекцию монет и разных редкостей. Императрица Екатерина II поручила ему разбор бумаг Петра Великого и открыла ему доступ в архивы. Немедленно после смерти кн. Щербатова императрица Екатерины приказала московскому главнокомандующему кн. А. А. Прозоровскому, приобрести от наследников покойного все его манускрипты, хотя бы со всей библиотекой [5, с. 551]. В собственность императрицы поступило до 5000 книг из библиотеки Щербатова.

Большая часть рукописей Эрмитажного собрания поступила в Императорскую Публичную библиотеку в 1852 г. С тех пор к рукописям собрания обращалось несколько поколений исследователей. Широко привлекал сборники из Эрмитажного собрания А. Ф. Бычков для описания сборников, содержащих письма и документы по истории царствования Петра Великого [8]. Д. Н. Альшиц выделял в составе Эрмитажного собрания две части: коллекцию исторических рукописей и материалы личного и государственного архива императрицы Екатерины II, он считал неосуществимой задачу выделения коллекции Щербатовских рукописей в составе Эрмитажного собрания [1, с. 7].

Американская исследовательница Д. Афферика привела веские доказательства в пользу принадлежности М. М. Щербатову порядка 234 рукописей из русской части Эрмитажного собрания [2, с. 376–393]. Специальный интерес к истории эпохи Петра Великого был отмечен в историографии [4, с. 91–

106], отразился он и в содержании исторических сборников [14, с. 59–84]. Всего тематика петровской эпохи прослеживается в содержании 58 рукописей. Их можно условно разделить на несколько групп. Во-первых, это сочинения, посвященные истории Петра Великого и России. Сюда относятся «История Петра Великого» в изложении генерала Н. Л. Алларта (Эрм. 314), и барона Генриха Гюйссена (Эрм. 333, 334), «Воспоминания» графа А. А. Матвеева (Эрм. 436) и его же «Записки» (Эрм. 460), списки сочинений Г. Ф. Миллера (Эрм. 362, 438, 453, 532) «История Петра Великого» Феофана Прокоповича (Эрм. 496) «Ядро российской истории А.И. Манкиева» (Эрм. 563) история Украины в «Летописе Грабянки» (Эрм. 372) и «Летописец в Малороссии прежде Хмельницкого бывших гетманов и при них действиях с 134 по 1734 го.» (Эрм. 408, 411). Сюда же следует отнести и обзор политического состояния Лифляндии Годебуша, переведенный с немецкого Иваном Акимовым (Эрм. 484). В ряде случаев кн. Щербатов следовал за Г. Ф. Миллером, заказывая копии его сборников (Эрм. 348).

Первостепенный интерес представляют так называемые «сборники исторические», в которых в копиях представлен весьма разнообразный материал для истории Петровского времени. Приоритетным вниманием пользовались Журналы Петра и подготовительные материалы к ним. Таковы Эрм. 348 «Журнал действ и походов государя императора Петра Великого», представляющий собой список с рукописи Г. Ф. Миллера, положенный в основу публикации [6]. Также следует указать рукопись Эрм. 349 под заглавием «Журнал его величества Петра Первого императора и самодержца всероссийского, когда он своею высокой особой изволил ходить при свите посольской за море в 7206 г. (1698)».

Авторский замысел князя М. М. Щербатова отразился в сборниках материалов, непосредственно использованных им в его трудах. Следствием работы князя М. М. Щербатова в государственных архивах являются два тома «Регистра разобранным в архиве... императора Петра Великого, писанным и правленным собственною е.и.в. рукою и другими неизвестными руками делам и письмам» (Эрм. 506. Ч. 1 и Ч. 2). Императрица Екатерина предоставила князю возможность пользоваться материалами государственных архивов. Об этом свидетельствует «Копия собственноручного письма Екатерины II к гр. Н. И. Панину о предоставлении кн. М. М. Щербатову копий с архива старой Коллегии Иностр. дел. 1770 г.» (Эрм. 364. Л. 25). По заказу князя М. М. Щербатова копировались документы из Московского архива Государственной Коллегии иностранных дел, из других государственных, провинциальных и частных архивов.

Сборник Эрм. 559 был изготовлен путем копирования сборника документов с одной из книг Кабинета Петра [13]. Сборник был очень поверхностно описан в описании Эрмитажного собрания и в машинописной описи. Путем

сплошного просмотра удалось установить, что в рукописи находятся копии 128 документов. Большая их часть касается Булавинского восстания 1707–1708 г. Кроме того, здесь помещены документы по измененному делу гетмана Мазепы, а также документы по восстанию башкир и татар в Казанском уезде. Наш сборник был очень мало задействован при публикации документов по восстанию Булавина [10, с. 120–142]. Подавляющее количество документов из сборников РГАДА и ОР РНБ не было использовано в публикациях документов и исследований, посвященных восстанию Булавина [3, 7, 11, 12, 15]. Между тем привлечение рукописи Эрм. 559, наряду с оригиналами из РГАДА позволило бы расширить наши знания не только по истории этого восстания, но и по истории функционирования аппарата государственного управления в эпоху Петра Великого.

Дело в том, что со второй половины 1707 г. утвердилась практика подписывания боярских приговоров «министерскими руками». Начало этой практике было положено известным царским указом на имя «князя-кесаря» Ф. Ю. Ромодановского: «Изволь объявить при съезде в палате, вели министрам, которые в конзилию съезжаются, чтоб они великие дела, о которых советуют, записывали и каждый бы министр своею рукой подписывал, что зело нужно надобно» [9, с. 49, 298–299]. В числе подписантов этих приговоров в нашем сборнике фигурирует до полутора десятков министров, часть из них в марте 1711 г. вошло в число первых сенаторов. Особый интерес для нас представляет возможность заглянуть в творческую лабораторию князя М. М. Щербатова. Документы сборника Эрм. 559 очень выразительно и красочно изображают отчаянное внутреннее положение России в 1708 г.: страну, подвергшуюся вторжению доселе непобедимой армии Карла XII, сотрясали восстание Булавина на Дону, восстание татар и башкиров в Казанской губернии, измена гетмана Мазепы и присоединившихся к нему запорожских казаков.

Документы, относящиеся к восстанию К. Булавина, укладываются в хронологический промежуток между 1 февраля и 19 августа 1708 г. В сборнике эти документы расположены с нарушением хронологии и перебиваются документами о восстании башкир в Казанской губернии, а также с документами следствия по доносу Кочубея на Мазепу и фрагментами измененного дела украинского гетмана. В начальной части сборника помещены отписки воевод князя П. И. Хованского и князя Г. Волконского о боевых действиях против булавинцев в августе и сентябре 1708 г. (лл. 2–6 об.). К ним примыкают «разпросные речи», которые присланые из Воронежа булавинцы говорили в застенке (лл. 6 об.–10 об.). Далее следуют отписки князя В. В. Долгорукова о борьбе с булавинцами в ноябре – декабре 1708 г., а также два письма от имени атамана Петра Емельянова и «всего войска Донского» к царю Петру (лл. 11–22 об.). Сле-

дующий документ – отписка Ф. М. Апраксина о борьбе с «воровскими казаками» с приложением донесения коменданта Царицына Василия Заозерского, датируется 12 мая 1709 г. (лл. 22 об.–24 об.). В нарушении темы Булавинского восстания далее помещены документы о стрелецком бунте 1698 г. (лл. 25–39) и об Астраханском восстании 1705 г. (лл. 39–41 об.). Тема событий на Дону снова возникает в письме князя В. В. Долgorукова кабинет-секретарю Петра А. В. Макарову от 19 сентября 1724 г., в котором князь вспоминает о гибели брата майора князя Ю. В. Долгорукова и о своем участии в борьбе с восставшими (лл. 41 об.–43). Следом помещена ведомость от азовского губернатора И. А. Толстого о подступах булавинцев к Азову 5 июля 1708 г. Далее в сборнике переписаны документы, связанные со следствием по делу Кочубея и изменой Мазепы (лл. 45–69). Затем в виде таблицы приведен перечень документов по Астраханскому восстанию, восстанию К. Булавина, волнений среди Башкирцев (лл. 70–74 об.), а в следующей таблице приведен перечень документов по восстанию Булавина (лл. 75–83 об.). На следующих листах (лл. 84–113 об.) помещен комплекс документов, относящихся к волнениями среди татар и башкир в Казанской губернии в 1707–1708 гг. Далее документы, связанные с восстанием Булавина перемежаются с документами по усмирению башкир и действиями калмыков и правительственные войск на Волге в период с июня 1708 г. по июль 1709 г. (лл. 113 об.–146). Заключительную часть сборника составляют документы посвященные исключительно борьбе правительственные войск с булавинцами в период с февраля по сентябрь 1708 г. (лл. 146–256 об.).

Большинство документов озаглавлены «Доношение из Разряду», в начальной части помещены отписки воевод или других начальствующих лиц, излагающих отчет о действиях подчиненных за период от нескольких дней до 2-х недель. Далее следует боярский приговор, отстоящий от даты донесения на срок от одного до 5–7 дней. Заключительную часть документов составляют «скрепа» дьяка и «справа», принявшего документ подьячего. В качестве дьяка чаще всего фигурирует Иван Чередеев, иногда его заменяет Федор Дубасов. В документах января – февраля 1708 г. встречается помета о том, что список с боярского приговора, «заверенный думного дворянина и печатника Никиты Моисеевича Зотова¹ понес боярину Тихону Никитичу в ближнюю канцелярию» тот или иной подьячий (лл. 85, 92 об., 94, 96 об., 98 об.). В ряде случаев после боярского приговора сообщается об отправке документа царю. Количественный состав бояр, поставивших свои подписи под приговором, варьируется от трех до

¹ Зотов Никита Моисеевич (ум. 1718), с 1690 г. – думный дьяк, с 1711 г. – граф, в 1700–1713 гг. возглавлял Печатный приказ.

девяти лиц. В числе министров фигурируют: И. И. Бутурлин¹, князь М. П. Гагарин², князь Л. Ф. Долгоруков³, Л. Домнин⁴, А. И. Иванов⁵, князь П. Л. Львов⁶, И. А. Мусин-Пушкин⁷, Ю. С. Нелединский-Мелецки⁸, Г. А. Племянников⁹, князь Ф. Ю. Ромодановский¹⁰, Т. Н. Стрешнев¹¹, Н. Хитрово¹², князь М. А. Черкасский¹³.

По сути, боярские комиссии стали предшественницами Сената. Первые сенаторы получили свои назначения именно из участников боярских комиссий. Постоянное пребывание царя Петра вне Москвы создавало ситуацию, когда все решения боярской комиссии или министров, пусть и снабженные ссылкой на царские указы, воспринимались как исходящие из действительного центра принятия окончательных решений. Для традиционалистски настроенного князя Щербатова это могло служить аргументом в пользу преимущества аристократического правления. Стремление князя Щербатова отыскать в документах Петровского царствования подобные аргументы следует признать тенденциозным и не находящим опоры в известных документах.

Хотя из тех же материалов следует, что мнения министров с большой осторожностью можно считать самостоятельными. Характерный пример касается реакции министров на получении известия о гибели атамана Булавина. «1708 июля в 18 день получили мы ведомость о воре Булавине, что он вор милостью божией и молитвами государя нашего и счастием, он вор и товарищи побиты, и воровство его уже прииде ко искоренению, и сего ради должны воздати благодарственный молебен и пушечной стрельбе быть» (л. 234 об.). Далее все сенаторы высказываются по очереди: Иван Мусин-Пушкин: «Должно быти благодарение приясти Богу и пушечной стрельбе быть должно для того, дабы о том уведомились многие для нынешнего случая ведали зане сия воров-

¹ Бутурлин Иван Большой Иванович (ум. 1710), член консилии министров в 1708 г.

² Гагарин Матвей Петрович (уб. 1721), князь, в 1707–1708 гг. комендант Москвы, в 1708–1719 гг. генерал-президент Сибири.

³ Долгоруков Лука Федорович (ум. 1710), князь, судья Казенного приказа в 1703–1708 гг.

⁴ Домнин Любим Алферьевич, думный дьяк в 1689–1708 гг.

⁵ Иванов Автомон Иванович (ум. 1709), думный дьяк.

⁶ Львов Петр Лукич (ум. 1715), окольничий с 1688 г.

⁷ Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (ум. 1729), с 1698 г. боярин, с 1700 г. глава Монастырского приказа,graf с 1710 г. с 1711 г. – сенатор.

⁸ Нелединский-Мелецкий Юрий Степанович (ум. до 1755), товарищ боярина Т. Н. Стрешнева.

⁹ Племянников Григорий Андреевич (1658–1713), президент Адмиралтейского приказа, сенатор в 1711–1713 гг.

¹⁰ Ромодановский Федор Юрьевич (1640–1717), князь, боярин, с 1697 г. глава Преображенского приказа, князь-кесарь.

¹¹ Стрешнев Тихон Никитич (ум. 1719), с 1686 г. боярин, в 1708 г. губернатор Москвы, в 1711–1719 гг. – сенатор.

¹² Хитрово Никита Саввич, думный дворянин.

¹³ Черкасский Михаил Алегукович (ум. 1721), князь, боярин.

ство произошло в слухи многим людем». Матвей Гагарин: «Последую вышеписанным». Князь Петр Львов и Автомон Иванов: «Благодарение Богу воздать должно, а надобно справитца, как такие воры воровали, а именно, Разин как был» (л. 235). «Сему Автомону Ивановичу реченному, последую, – Григорий Племянников». «Должно благодарение Богу воздать за такую ево превышшую милость», – Матвей Головин. «Завышереченное должно благодарение Богу возсылати», – Любим Домнин. «Благодарение Богу должно воздати, однако надлежит о прежде бывших бунтовщиках также ему подобных вписать в доношение», – Юрий Нелединской Мелецкой. Далее читаем: «Сие писание рук министерских по указу его величества государя царевича боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин отдал на больварке своем дьяку Ивану Чередееву июля 19. И по оном разсуждении благодарного молебна с объявлением всенародным в соборной церкви також и пушечной стрельбою. А в 20 числе в ближней канцелярии господа министры говорили, что то молебствование и всенародное объявление с воли великого государя его царского величества, а им без указу того чинить невозможно, а мочно и в то время учинить, то как возвратится курьер, посланной к его царскому величеству с оным о Булавине доношением, а до тово времени велят они напечатать о том листы» (л. 235).

Представляется, что указанный сборник № 559 из Эрмитажного собрания вместе с его оригиналом из Российского государственного архива древних актов может послужить ценным источником для изучения многих перипетий восстания Кондратия Булавина и практики функционирования государственных структур России в эпоху крутых перемен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Альшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI–XVII вв. М., 1968.
2. Афферика Д. Вопрос о определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1980. Т. XXXV. С. 376–393.
3. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935.
4. Вальденберг В. Э. Щербатов о Петре Великом // Петр Великий. СПб., 1903. С. 91–106.
5. Екатерина II. Письмо князю А. А. Прозоровскому от 20.12.1790 г. // Русский архив. 1872. Год 10-й.
6. Журнал или поденная записка императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира. 2 Ч. СПб., 1770–1772.
7. Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967.

8. Письма Петра Великого, хранящиеся в императорской публичной библиотеке. Изданы А. Ф. Бычковым. СПб., 1872.
9. Письма и бумаги Петра Великого. Т. VI. СПб., 1912. С. 49, 298, 299.
10. Подъяпольская Е. П. Новое о восстании К.Булавина // Исторический архив. № 6. 1960. С. 120–142.
11. Подъяпольская Е. П. Крестьянская война 1707–1709 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966.
12. Пронштейн А. П., Минников Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д, 1983.
13. РГАДА. Разряд 9. Кабинет Петра. Отд. 1. Кн. 18.
14. Свердлов М. Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. № 4 (2016). С. 59–84.
15. Чаев Н. С. Булавинское восстание (1707–08 гг.). Труды историко-археографического института АН СССР. – М., 1935.

REFERENCES

1. Al'shic D. N. Istoricheskaya kollekciya Ermitazhnogo sobraniya rukopisej. Pamyatniki XI–XVII vv. [Historical collection of the Hermitage collection of manuscripts. Monuments of the XI–XVII centuries]. Moscow, 1968.
2. Afferika D. Vopros o opredelenii russkih rukopisej M.M. Shcherbatova v Ermitazhnom sobranii Publichnoj biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina [Question of determining the Russian manuscripts Of M. M. Shcherbatov in the Hermitage collection of the Saltykov-Shchedrin Public library]. Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. [Proceedings Of the Department of ancient Russian literature] Leningrad, 1980. Vol. XXXV. P. 376–393.
3. Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.). [Bulavinskoe revolt (1707–1708)] Moscow, 1935.
4. Val'denberg V. E. Shcherbatov o Petre Velikom [Shcherbatov about Peter the Great]. Petr Velikij [Peter the Great]. Saint-Petersburg, 1903. Pp. 91–106.
5. Ekaterina II. Pis'mo knyazyu A. A. Prozorovskomu ot 20.12.1790 g. [Catherine II. Letter to Prince A. A. Prozorovsky from 20.12.1790]. Russkij arhiv. [Russian archive]. 1872. Year 10.
6. Zhurnal ili podennaya zapiska imperatora Petra Velikogo s 1698 g. dazhe do zaklyucheniya Nejshtadskogo mira. [Journal or daily note of the Emperor Peter the Great from 1698 even before the conclusion of the peace of Neustadt]. 2nd part. Saint-Petersburg, 1770–1772.
7. Lebedev V. I. Bulavinskoe vosstanie (1707–1708) [Bulavinskoe revolt (1707–1708)]. Moscow, 1967.

8. *Pis'ma Petra Velikogo, hranyashchiesya v imperatorskoj publichnoj biblioteke. Izdany A. F. Bychkovym. [Letters of Peter the Great, stored in the Imperial public library. Published By A. F. Bychkov].* Saint-Petersburg, 1872.
9. Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and papers of Peter the Great]. Vol. VI. Saint-Petersburg, 1912.
10. Pod'yapol'skaya E. P. Novoe o vosstanii K. Bulavina [New about the uprising of K. Bulavin]. *Istoricheskij arhiv. [Historical archive]*. № 6. 1960. P. 120–142.
11. Pod'yapol'skaya E.P. Krest'yanskaya vojna 1707–1709 gg. [The Peasant war of 1707–1709]. *Krest'yanskie vojny v Rossii XVII–XVIII vv. [Peasant wars in Russia of the 17th – 18th centuries]*. Moscow-Leningrad, 1966.
12. Pronshtejn A. P., Mininkov N. A. *Krest'yanskie vojny v Rossii XVII–XVIII vv. i donskoe kazachestvo. [Peasant war in Russia in 17th – 18th centuries and the don Cossacks]*. Rostov-on-Don, 1983.
13. Russian State Archive of the Ancient Acts. Razryad 9. Kabinet Petra. Otd. 1. Kn. 18.
14. Sverdlov M. B. Chto chital molodoj aristokrat v 1750-e gg.: M. M. Shcherbatov [What a young aristocrat read in the 1750s: M. M. Shcherbatov]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal. Issledovaniya po rossijskoj i vseobshchej istorii. [Petersburg historical magazine. Research on Russian and universal history]*. 2016. № 4. P. 59–84.
15. Chaev N. S. *Bulavinskoe vosstanie (1707–08 gg.). Trudy istoriko-arheograficheskogo instituta AN SSSR. [Bulavinskoe revolt (1707–08). Proceedings of the historical and Archeographic Institute of the USSR Academy of Sciences]*. – Moscow, 1935.

УДК 94(470+571)+929[Витсен+Вольтер]

**ЗАВОЕВАНИЕ, ОСВОЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ
В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙСКИХ
СОВРЕМЕННИКОВ (ОТ Н. ВИТСЕНА ДО ВОЛЬТЕРА)¹**

Сергей Алексеевич Мезин

г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является изучение взглядов европейских современников Петра I на события, происходившие на Юго-Востоке России. «Восточная» политика царя повлияла на формирование его имиджа в Европе. Николаас Витсен, Корнелий де Бруин, Джон Перри и Вольтер полагали, что деятельность Петра I на юго-восточных рубежах, начиная от Азовских походов и завершая Персидским походом, открывала новые геополитические перспективы, способствовала цивилизации вновь завоеванных земель и живших там кочевых народов. Строительство крепостей и портов, развитие морской и речной торговли, строительство каналов, земледельческое освоение новых территорий было для них свидетельством превращения прежней «варварской» Московии в современную процветающую державу. Эта традиция, заложенная в трудах путешественников и ученых, была закреплена литературным авторитетом Вольтера, выступавшим в качестве историка Петра Великого.

Ключевые слова: Петр I, Н. Витсен, К. де Бруин, Д. Перри, Вольтер, Азов, Астрахань, Волга, Каспийское море, цивилизация.

**CONQUEST, DEVELOPMENT AND PROSPECTS FOR THE
DEVELOPMENT OF THE TERRITORIES OF THE SOUTH-EAST
OF RUSSIA IN THE PETRINE ERA THROUGH THE EYES
OF EUROPEAN CONTEMPORARIES (FROM N. WITSEN
TO VOLTAIRE)**

Sergey A. Mezin

Saratov, the Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to study the views of Peter I's European contemporaries on the events that took place in the South-East of Russia. The "Eastern" policy of the Tsar influenced the formation of his image in Europe.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006 «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера: перевод, комментирование, исследование, публикация».

Nicholas Witsen, Cornelius de Bruin, John Perry and Voltaire believed that the activity of Peter I on the South-Eastern borders, starting with the Azov campaigns and ending with the Persian campaign, opened up new geopolitical prospects, contributed to the civilization of the newly conquered lands and nomadic peoples who lived there. The construction of fortresses and ports, the development of sea and river trade, the construction of canals, and the agricultural development of new territories were in their opinion the evidence of the transformation of the former “barbarian” Muscovy into a modern prosperous state. This tradition, started in the works of travelers and scientists, was consolidated by the literary authority of Voltaire, who acted as the historian of Peter the Great,

Key words: Peter I, N. Witsen, C. de Bruin, D. Perry, Voltaire, Azov, Astrakhan, the Volga, the Caspian sea, civilization.

Петровская эпоха была ярким и беспокойным периодом в истории Юго-востока России – Нижнего Поволжья и примыкающих к нему регионов низовьев Дона и Северного Кавказа. К этим пограничным краям России как нельзя лучше подходят слова В. О. Ключевского: «окраины загорались одна за другой либо от его (Петра I. – С.М.) пылкой деятельности, либо от бунтов, вызванных этой же деятельностью. Окончив военную операцию на той или другой границе, в каком-либо углу государства, Петр не оставлял его в покое, а поднимал на ноги новым тяжелым предприятием» [10, с. 141]. Сам царь неоднократно был в низовьях Дона и Волги, и каждый его приезд долго и не только добром вспоминался местными жителями.

Н. Н. Петрухинцев справедливо отметил, что именно «восточная» политика Петра I предопределила начало его реформ [17, с. 131]. Сам царь впоследствии признавал, что государству «зачал служить с первого Азовского походу». Взятие Азова вызвало строительство первого морского порта Таганрог. На берегу Дона напротив Азова был заложен «город святого Петра», который явился своеобразной «репетицией» Петербурга на юге России [5]. Еще один «Петр-город» появился на правом берегу реки Камышинки, где в 1697 году начались грандиозные работы по соединению Волги и Дона каналом, требовавшие ежегодно десятки тысяч строителей, но прекращенные в связи с началом Северной войны. Позже эти края сотрясались крупнейшими восстаниями Петровского времени, начавшимися в Астрахани (1705–1706) и на Дону (1706–1707), но охватившими весь Юго-восток. Окраинный регион неизбежно испытал на себе последствия губернской реформы, завершившейся для Нижнего Поволжья учреждением Астраханской губернии в 1717 году. После утраты выхода в Азовское море в результате неудачного Прутского похода царь не потерял интереса к завоеваниям на юго-восточных границах, о чем свидетельствовали экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, завершившиеся трагическим походом в

Хиву (1717), и последняя война Петра I – Персидский поход 1722–1723 годов. Впрочем, петровское время внесло свои новшества и в мирную, созидаельную жизнь юго-восточной окраины. Уменьшение опасности от набегов кочевых народов, возведение Царицынской укрепленной линии (1718–1720) положило начало земледельческому освоению Волго-донского междуречья. В Астрахани процветала восточная торговля [19]. Вслед за губернским центром Саратов становился крупным торговыми-промышленным городом. Кроме Астрахани, где в петровское время был возведен величественный Успенский собор, Царицын и Саратов обзавелись каменными церквями. Пётр I лично заботился о том, чтобы в южных городах развивались садоводство, виноградарство и виноделие, шелководство и другие промыслы [12].

Восточная политика Петра I открывала новые геополитические перспективы и вызывала живой интерес европейских современников – купцов и миссионеров, ученых и путешественников, просветителей. Многим казалось, что деятельность русского царя создает новые возможности для черноморской и каспийской торговли, открывает пути в Персию и Индию, в Центральную Азию и Китай. Само Каспийское море, с правильными очертаниями которого русский царь впервые познакомил европейскую научную общественность, и прилегающие к нему территории оставались малоизученными. Они представлялись теми землями, где благодаря царю-реформатору европейская торговово-промышленная цивилизация и просвещение смогут одержать новые победы.

Пожалуй, первым позитивным откликом на успешную деятельность молодого царя на юго-восточных рубежах было «Письмо господина *** о современном состоянии Московии», написанное в Амстердаме 30 октября 1698 года. Это сочинение было приложено к запискам Адама Бранда о русском посольстве в Китай, выпущенным на французском языке в Амстердаме в 1699 году [1]. Его вероятным автором был Николаас Витсен (1641–1717) – бургомистр Амстердама, известный в Европе ученый-географ, знаток России и стран Востока, личный друг русского царя [14]. Информацию о событиях, происходивших на границах России, Витсен получил от своего дальнего родственника и сподвижника молодого царя Андрея Виниуса [21, с. 402, 495], а возможно, и от самого царя при встрече в Амстердаме в сентябре – октябре 1697 года). Автор «Письма» располагал русскими картами и планами новых городов.

История взятия русской армией Азова и открывающиеся в связи с этим перспективы дальнейшего продвижения России на Востоке занимают в «Письме» особое место. В нём отчетливо просматриваются взгляды политика европейского масштаба, знатока географии и русофила.

Автор давал подробное географическое описание Азова, указывая на ошибки европейских карт и уточняя его реальное местоположение. Оно представлялось голландскому ученому чрезвычайно выгодным с геополитической

точки зрения. В этой связи он недоумевал, почему турки, владея Азовом, не распространили свои завоевания на север, чтобы овладеть узким перешейком между Доном и Волгой, что могло бы иметь важные военно-политические и экономические последствия, особенно в случае строительства здесь канала и крепости на берегу Волги. Причины нерасторопности османов голландский автор видел в их невежестве, а также в том, что они «слишком презрительно смотрели на московитов» и не умели искусно действовать на море.

Большинство сообщаемых в «Письме» сведений об Азовских походах 1695–1696 годов вполне укладываются в привычную картину этой военной акции молодого царя. Однако здесь содержится информация, которая дополняет историю взятия Азова яркими деталями, хотя и не всегда согласуется с другими достоверными источниками. В частности, описываются два личных подвига Петра I, приблизивших победу во втором Азовском походе. Во-первых, царь якобы сам провел по одному из мелких рукавов Дона 7 больших галер и множества малых судов в море, что позволило скрытно подойти к турецким кораблям, пришедшим на помощь Азову [1, р. 211]. Во-вторых, живописуется личное участие Петра в морском сражении: «Его Величество... сел на легкую галеру с экипажем в 40 человек и сделал знак всем налегать на весла и следовать за ним. Таким образом, враги оказались атакованными со всех сторон. Сам монарх атаковал капитанский корабль, все остальные последовали за ним, так что трудно сказать, где зародилась победа. Почти везде: ни одна из вражеских галер не избежала борьбы, все были захвачены или пошли ко дну» [1, р. 212–213]. Картина большого морского боя, в котором царь принял активное участие и «показал своим поведением все, что можно ожидать от осторожного и умного великого капитана», не имеет аналогов в достоверных источниках. Оба эпизода с участием царя являются вымыщленными. Однако примечателен тот факт, что в тогдашней России имели хождение апокрифические письма из-под Азова, содержащие аналогичные сведения легендарного характера [6, с. 14]. Несомненно, приукрашенный рассказ о героическом поведении молодого царя был сообщен голландскому автору русскими корреспондентами.

Помимо прочего далее на страницах «Письма» сообщалось о перестройке и укреплении Азова, о планах строительства на другой стороне Дона города Святого Петра, об основании порта Таганрога и других крепостей в Приазовье.

Н. Витсен, встречавшийся с Петром I в Амстердаме, не сомневался в том, что царь уже предпринявший, кроме взятия Азова, «три дела, каждое из которых способно обессмертить его имя: строительство порта, способного быть базой большого флота, соединение Дона и Волги каналом, который может дать проход крупным судам, и, наконец, строительство 80 военных кораблей, как фрегатов, так и галер, и 150 бригантина, то есть флота, способного противостоять туркам» [1, р. 216], продолжит активную внешнюю политику на Востоке. Он

полагал, что Петр и польский король Август II при встрече около Львова договорились «продолжать войну против неверных». По мнению Витсена, даже в одиночку русский царь может рассчитывать на победу над турками, если будет активно действовать на море, где османы никогда не проявляли особой доблести. Таким образом, русские могут держать в напряжении не только все побережье от Керченского пролива до Днепра, но и грозить самому Константинополю. Крым, уже «тесно сжатый со стороны материка множеством хороших крепостей», в случае, если русские перережут его торговлю с Константинополем, может оказаться легкой добычей царя. Лучший выход для Турции, которая уже допустила существенный промах, уступив русским Азов и дав им выход к морю, автор видел в скорейшем заключении мирного договора, который бы позволял проход русских кораблей через Босфор и допуск иностранцев в порты Азовского моря. Турки могут иметь в этом случае выгоду, взимая пошлину с проходящих судов.

В заключение автор «Письма» представлял читателям возможные экономические последствия политики царя на Востоке. Соединение Волги и Дона каналом и оживление морской торговли на Черном и Каспийском морях должно, по его мнению, привести к заселению юго-восточных окраин России, к земледельческому освоению низовий Дона и Волги. «Все берега этих рек плодородны, земли в окрестностях Азова и Астрахани находятся в самом лучшем в мире климате» [1, р. 248]. Кочевые «татары всех видов», живущие в Поволжских степях, должны присоединиться к выгодной торговле и перейти к оседлому образу жизни, подобно тому, как другие татары сделались богатыми торговцами в Крыму, в Астрахани, в Сибири. Представления голландского ученого о прекрасном астраханском климате и несметных богатствах Востока, конечно, были умозрительными, основанными на изучении карт и записок путешественников. Тем не менее, он вполне адекватно определил цели и направления восточной политики не только Петра I, но и его преемников на троне.

Сюжеты, получившие освещение в «Письме» амстердамского друга Петра I, перекликаются с тематикой основного научного труда Н. Витсена «Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии». Правда, написан этот научный трактат в ином ключе и не имеет прямых текстуальных совпадений с публицистическим «Письмом». «Северная и восточная Тартария» – это обширный комментарий к составленной Н. Витсеном карте Внутренней Евразии – наименее известной тогдашней европейской науке территории, простиравшейся от Черного моря до Тихого океана и от северных границ Персии и Китая до Ледовитого океана. Юго-восточный фронт Речи Посполитой [20, с. 74–80], отделявший её от степных кочевников, занимает значительное место в трактате Витсена. Сам

автор не ездил на Восток далее Москвы, но всю жизнь тщательно собирал материалы о географии и истории Тартарии. В этом сочинении сведения расположены по принципу кунсткамеры – все интересное и необычное, без определенной системы и отбора, что не исключало ошибки и повторы. Витсен был первым европейским ученым, широко использовавшим русские источники. Он также вставлял в свою книгу целые куски из описаний путешественников – А. Олеария, Я. Стрейса, Э. Кемпфера, Ф. Авриля и др. Карта и книга печатались малым тиражом в 1692 и 1705 годах, но в книжную торговлю не поступали, оставаясь малодоступным раритетом. Полный русский перевод был опубликован недавно – в 2010 году [15].

Здесь также сообщается о том, что «Их Царские Величества не только Азов захватили, но и окружающие места себе подчинили». Напротив Азова «есть красивый шанец, в котором могут поместиться 3500 человек». На Азовском море итальянский мастер строит русский порт: «Недалеко от Азова в направлении Крыма Их Царские Величества на месте под названием Таганрог построили хороший морской порт»; здесь уже есть русские поселенцы [15, с. 738]. Увеличилась власть царя над донскими казаками: они «христиане по имени и вере, но далеко не по образу жизни; используют русский язык, а также и письменность» [15, с. 530]. Кубанские и ногайские татары, по словам автора, «умоляли» царя разрешить поселиться им на подвластной ему территории и выражали готовность перейти на царскую службу.

В разных частях своего сочинения Витсен приводил противоречивые сведения о соединении Волги и Дона. Сначала говорится о некоей реке Камус – рукаве Дона, впадающем в Волгу [15, с. 895]. Однако затем миф о «скифском канале» опровергается и сообщается о попытке русского царя прокопать такой канал. «На этой работе были уже долгое время задействованы свыше 12000 человек». Однако недостаток воды в малых реках и твердый грунт затрудняют это строительство [15, с. 907].

Волга характеризуется как главная река России: «Она вместе со всеми прилегающими землями, является жемчужиной в славной императорской короне Их Царских Величеств. Она является матерью народов, населяющих её берега» [15, с. 891]. Низовья Волги описываются как огромное безлесное пространство: «От Саратова на Волге до Астрахани нет лесов... и можно ехать... несколько сот миль по равнинной земле и не встретить ни одного дерева, ни одной рощи, кроме тех, что растут по берегам Волги, благодаря воде. Поля там пустынные, заросшие диким розмарином или тмином...» [15, с. 875]. Здесь кочуют калмыки и ногайцы. «Калмыки, – по словам автора, – если они с юности находятся среди благонравных людей, по природе понятливы, усваивают любое ремесло и все, что касается религии... Этот народ, если его учить, так же понятлив, как и другие люди» [15, с. 368].

В книге Витсена отмечалось, что «мощь России сильно увеличилась», и подспудно проводилась мысль о благотворном влиянии российской власти на вновь приобретенные территории и народы.

Голландская россика петровского времени отличалась благожелательностью и минимальным влиянием негативных стереотипов. Это стремление к спокойному объективному описанию проявилось и в книге Корнелия де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и в Индию», которая впервые была опубликована в Амстердаме в 1711 году, а затем неоднократно переиздавалась на основных европейских языках¹. Художник, путешественник и учёный К. де Бруин (1652–1727) прибыл в Россию в 1701 году для дальнейшего путешествия в Персию. Он имел рекомендательное письмо от Н. Витсена [18, с. 39] и был тепло принят Петром I и его окружением. Отправляясь на Восток, путешественник наверняка познакомился с картой Витсена и его трактатом о Тартарии. Записки де Бруина выделяются широтой взглядов, толерантным отношением к другим народам и их обычаям. Художник стремился запечатлеть на своих сделанных в пути рисунках панорамы городов, характерные пейзажи, жилища, одежду и внешний вид местного населения, необычные растения и животных.

Голландский путешественник был свидетелем «великих перемен», начатых Петром I. Автор одобрительно сообщал о первых реформах царя (введение европейского платья, бритье бород, строительство флота) и о его первых победах над шведами (взятие Нотебурга и Ниеншанца). По пути в Персию, де Бруин в мае 1703 года совершил плавание по Оке и Волге. Проплывая мимо Казани, он отметил, что здесь начинается «московитская Тартария» [18, с. 159]. Он слышал рассказы о развалинах древних городов на берегах Волги, о походах татарских царей и Тамерлана. Набеги калмыков и разбой на реке еще держали в страхе жителей городов на Нижней Волге и путешественников. Большинство городов-крепостей были населены стрельцами и солдатами. В Саратове не оказалось врача, который мог бы оказать помощь заболевшему купцу. Вместе с тем голландский путешественник засвидетельствовал активное строительство судов на верфях Казани, начало добычи серы под Самарой, наличие селитряных заводов и соледобычи под Астраханью. В Камышине путешественник увидел недостроенную земляную крепость. Здесь еще обретались «до четырех тысяч семей», присланных из Москвы. Однако строительство канала между Волгой и Доном было уже остановлено. «Дурной здешний климат», каменистый грунт и технические трудности, по словам автора, заставили отказалось от этого грандиозного намерения [18, с. 180].

К. де Бруин оставил не только детальные словесные описания городов

¹ Русский перевод: [18].

Среднего и Нижнего Поволжья, но и «снятые» с натуры их изображения, что делает его книгу уникальным визуальным источником и своеобразным объектом культурного наследия петровской эпохи [4; 8].

На обратном пути из Персии осенью 1707 года де Бруин вновь проплывал по Волге от Астрахани до Саратова. Это было беспокойное время. Прибыв в Астрахань, путешественник узнал, что его прежние знакомые – воевода Т. И. Ржевский и иностранные офицеры были убиты во время «возмущения стрельцов» 1705 года. Совершая плавание по Волге, путники находились в постоянной тревоге из-за возможного нападения кочевников или воровских казаков, ибо вся река «полна этими разбойниками». Испытания тяжелого и опасного пути были отчасти компенсированы гостеприимством и любезностью саратовского воеводы Н. П. Беклемишева, отправившего путешественников далее сухим путем.

С Нижним Поволжьем очень хорошо был знаком Джон Перри (1670–1732) – английский инженер, нанятый царем во время пребывания в Лондоне в 1698 году и вскоре отправленный руководить строительством канала между Волгой и Доном. Его сочинение «Состояние России при нынешнем царе», изданное впервые в 1716 году, еще при жизни Петра, стало базовым текстом английской россики, многократно переиздавалось на европейских языках¹ и оказалось огромное влияние, как на современников, так и на позднейших исследователей. Автор создал положительный образ царя Петра – реформатора и работника, дал высокую оценку преобразованиям в армии, флоте, финансах, торговле и т.д. Однако противопоставление просвещенного царя-реформатора невежественному народу с подачи Перри стало стойкой традицией европейской россики [11, с. 68–69].

Сочинение инженера-гидравлика позволяет из первых уст узнать историю строительства Волго-Донского канала. Автор был уверен в возможности соединить реки Иловля и Камышинка каналом, сделать их судоходными с помощью шлюзов, что будет выгодно с экономической и стратегической точки зрения: «в случае войны с турками, крымскими татарами, Персией или одной из стран, приближенных к Каспийскому морю». Немец Брекель начал строительство, но из-за некомпетентности испортил дело и бежал из России. Перри продолжил строительство канала на новом месте. За три года (1699–1701) «некоторые шлюзы были почти окончены и канал в половину прокопан». Однако война со Швецией потребовала мобилизации всех сил и средств и не позволила закончить работу. В числе трудностей Перри называл постоянную нехватку рабочей силы, ибо ежегодно требовалось 30000 человек, а имелось вдвое и

¹ Русский перевод: [16].

втрое меньше. Не хватало «хороших мастеров» и необходимого количества материала. Наконец, русские администраторы сами не верили в успех строительства. Управлявший Поволжьем князь Б. А. Голицын якобы утверждал, что «это дело не может быть совершено руками человека... если Бог, создавая реки, давал им известное течение, то со стороны человека было бы неразумным высокомерием стараться направить их в другую сторону» [16, с. 2–5]. В этих словах была доля истины, ибо, как признают современные специалисты, строительство здесь постоянно действующего канала было задачей технически неразрешимой для того времени [7, с. 34].

В своем описании России Перри уделил особое внимание отдаленным частям царских владений еще недостаточно известным европейским читателям. Во-первых, автора увлекала идея изучения «Татарского моря» – части Ледовитого океана, лежащей восточнее архипелага Новая Земля. Освоение северного морского пути, по мысли автора, может открыть короткий путь в Китай и Индию.

Еще больший интерес Перри проявил к «Великой Татарии» – территории, лежащей между Каспийским морем и Китаем. «Все пространство, находящееся между рекой Волгой и Китайской стеной, испещрено долинами и лесами, озерами и реками, из коих некоторые входят в Каспийское море, а другие в Татарское; почва вообще удобная и плодородная» [16, с. 54, 41]. Между тем даже берега Волги между Саратовом и Каспийским морем почти не заселены, за исключением «островов около Астрахани». Здесь «климат отличный, почва плодородная и страна эта весьма приятна для жизни». Местную природу англичанин описывает почти как райские кущи. «Весьма достойно сожаления, что такая прекрасная и богатая страна на берегах великой реки Волги, которая более всех рек в мире изобилует рыбой... находится в настоящее время в таком запустении и лишена всякого населения», в то время как русские живут на небудьных и малоплодородных северных землях [16, с. 60], – сетовал автор. Далее он предлагал целую программу освоения и заселения этих земель. Прежде всего, надо было наладить хорошие отношения с окрестными кочевниками и, положив конец вторжениям татар (англичанин все кочевые народы относил к татарам) в пределы России, заселить южные земли. Затем, заведя флот на Каспийском море, установить прочные торговые связи с Персией, армянами и со всей Великой Татарией, куда можно было бы поставлять английские сукна, а также льняные ткани, рожь, пшеницу и прочие русские товары. Фрукты, вино, арбузы и дыни можно не только привозить из южных стран, но и возделывать в Астрахани [16, с. 61–62].

Автору было известно, что царю пришлось отказаться от Азова и азовского флота. Тем не менее, Перри был уверен в намерении Петра распространить свои владения до берегов Черного моря. Он утверждал, что царь в его

присутствии выражал надежду овладеть Керчью и сделать её сборным пунктом своего флота. «Рано или поздно царь имеет в виду и надеется принудить турок силой или добровольно, заплатив им дань (как это делается в Зунде), заставить их предоставить его кораблям возможность плавания по Средиземному морю для сбыта там разных рукодельных и прочих произведений своей страны, чтоб, расширив торговлю, тем способствовать богатству народа своего» [16, с. 89].

«Таковы великие намерения царя, для осуществления которых он находится в самой благоприятной обстановке. Он мечтал о том, чтобы шагнуть дальше пределов, в которых вращались его предки, и, построив корабли во всех краях своих владений, дать подданным своим вести торговлю в морях Балтийском, Белом и Каспийском, а также и на Средиземном море» [16, с. 89]. Читая этот пассаж и дальнейшие рассуждения автора о «гениальном развитии ума его (Петра. – С.М.) с самых ранних лет», невозможно избавиться от мысли, что «Письмо» Витсена¹ находились перед глазами Перри во время работы над книгой. Почти дословное повторение некоторых уникальных фактов из истории молодости царя не оставляет в этом не малейших сомнений. Как видим, Перри развивает идеи голландского ученого в отношении продвижения России на Восток, обогащая их опытом личных наблюдений и общения с царем, а также знанием дальнейшего хода событий.

Еще одну картину Поволжья петровского времени и характеристику политики царя в Прикаспии представил шотландский врач, дипломат и путешественник Джон Белл (1691–1780), сопровождавший Петра I в Персидском походе 1722 года. Он, несомненно, был знаком с содержательным трудом Д. Перри, а возможно, и с книгой К. де Бруина. Наличие специальной статьи о сочинении Белла освобождает меня от необходимости его характеристики [9], отмечу лишь, что оно представляется вполне оригинальной записью благожелательных личных впечатлений. Книга Белла была опубликована в 1763 году, поэтому он имел возможность пользоваться трудами Вольтера о России.

В своей «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759–1763) Вольтер (1694–1778), также бывший младшим современником царя, развил многие идеи и положения названных выше авторов в отношении восточной политики Петра I. Трудно сказать, пользовался ли просветитель непосредственно текстом «Письма» Витсена (он не представлен в библиотеке Вольтера), но он в полной мере перенес информацию Д. Перри. Витсена Вольтер упоминал в своей «Истории» как «гражданина, достойного уважения за патриотизм и за то, что он употреблял свои огромные богатства как гражданин мира, посыпая на свои средства знающих людей на поиски редкостей во всех концах

¹ Оно было переведено на английский язык: [2].

мира и снаряжая корабли для открытия новых земель» [3, р. 589–590].

Вольтеру, как и Витсену, было присуще «книжное» представление о географии России, которую он описывал, имея перед глазами карту. Знаменитый француз был буквально загипнотизирован громадными размерами страны; он отмечал многообразие и в то же время малочисленность её населения. В географическом описании России, которым открывается «История», русский народ почти не просматривается, а многочисленным народам Поволжья и Сибири, напротив, уделено специальное внимание.

Вольтер не сообщал подробностей азовских походов, ибо не придавал значения «мелочам» военной истории, которую излагал очень вольно. Он лишь подобно своим предшественникам констатировал, что Азовские походы произошли в благоприятное время общего ослабления Османской империи, а также указывал, что у царя после взятия Азова «существовал план навсегда изгнать турок и татар из Крыма, и наладить там, наконец, большую удобную торговлю с Персией через Грузию. Это та самая торговля, которая когда-то существовала у греков в Колхиде и в том Херсонесе Таврическом, который царь, казалось, должен был покорить» [3, р. 577]. Торговлю между Европой и Азией можно производить и через Астрахань, отправляя по Волге товары, доставленные по Каспийскому морю. Своебразную перекличку с идеями Витсена и Перри можно усмотреть в описании Астраханской губернии, которую француз упорно называл Астраханским царством. По его словам, оно лежит в «лучшем климате», «орошаемое Волгой и Яиком и несколькими другими реками, между которыми можно, <...> прорыть каналы, могущие принести пользу во время наводнений подобно каналам Нила, увеличивая плодородие земли. Однако берега Волги и Яика были более опустошаемы, чем населены татарами, которые никогда ничего не выращивали и всегда жили на земле, словно гости» [3, р. 453–454]. Вольтер, как и его предшественники, утверждал, что Нижнее Поволжье с его обширными степями с прекрасными пастбищами, где растут различные овощи, вишневые и миндальные деревья и бродят стада диких баранов, можно превратить в экономически процветающий край. Более того, уверенный в цивилизационном преимуществе стран Юга перед северными странами, Вольтер полагал, что «надлежало начать с укroщения и окультуриивания людей в этом климате, чтобы оказать содействие природе, которая была силой преодолена в Петербурге» [3, 454].

Автор «Истории» Петра Великого не выказывал ни малейшего сомнения в справедливости такой завоевательной акции царя, как Персидский поход 1722–1723 годов. По его словам, «Петр I давно вынашивал планы господства на Каспийском море с помощью сильного флота, а также хотел направить персидскую и отчасти индийскую торговлю через свое государство. Он приказал измерить глубину этого моря, исследовать берега и составить точные карты» [3,

р. 918]. В качестве повода к войне указывается расправа над русскими купцами, учиненная лезгинами в Шемахе. Как обычно, Вольтер не углублялся в детали военного похода и лишь вскользь обмолвился о реальных трудностях войны на Кавказе.

Сообщая о том, что царь с войсками спускались до Астрахани по Волге, Вольтер не преминул заметить, что Пётр «торопился провести каналы, которые должны соединить Каспийское, Балтийское и Белое моря» [3, р. 919], имея в виду Вышневолоцкую систему и Ладожский канал, а Белое море было добавлено писателем ради красного словца.

Склонный к широким историческим обобщениям и аналогиям, Вольтер в описании Персидского похода сравнивал Петра с Александром Македонским, что делали и до него русские и европейские панегиристы царя. Просветитель при этом делал акцент не на завоевательной, а на созидательной деятельности монархов, наводивших экономические и культурные мосты между Западом и Востоком: «Вот почему я бы осмелился сравнить Петра Великого с Александром, ибо он был так же активен, так же любил полезные искусства, более прилежащий к законодательству, он, как и тот, хотел переменить мировую торговлю и подобно Александру построил или обновил столько же городов» [3, р. 923–924].

На примере Персидского похода Вольтер еще раз подчеркивал выдающуюся роль личности в судьбах народов и государств: «Прежде богатые и цивилизованные персы погрузились в нищету и варварство, тогда как Россия, выйдя из бедности и грубости, достигла богатства и просвещения. Один единственный человек, обладая активным и сильным талантом, возвысил свою родину; а другой (шах Султан-Хусейн. – С.М.), будучи слабым и ленивым, привел свою в упадок» [3, р. 928–929].

Как уже отмечалось, Вольтер восхищался огромными размерами империи Петра, который в конце жизни прибавил к своим владениям не только земли на западном берегу Каспийского моря, но и провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад, примыкавшие к его южному побережью. Таким образом, «Петр I правил до своей смерти огромной территорией от берегов Балтийского моря до южных берегов моря Каспийского». Правда, автору пришлось признать, что три персидские провинции оказались непосильной ношей для Российской империи, и наследникам Петра пришлось от них отказаться [3, р. 928, 930].

Как видим, многие европейские авторы с легкой руки Н. Витсена приветствовали продвижение России на юго-восточных рубежах, рассматривали его в плане освоения и заселения новых земель, развития торговли, открытия новых путей на Восток. России отводилась цивилизующая роль в отношении вновь завоеванных юго-восточных земель и живших там кочевых народов.

Строительство крепостей и портов, развитие морской и речной торговли, строительство каналов, земледельческое освоение новых территорий свидетельствовало в их глазах о превращении прежней «варварской» Московии в современную процветающую державу. Эта традиция, заложенная в трудах путешественников и ученых, была закреплена литературным авторитетом Вольтера, выступавшим в качестве историка Петра Великого.

Нарисованная таким образом картина успехов цивилизации на юго-восточных рубежах России была отчасти утопической. Элемент утопии повлиял на энтузиазм, с которым европейские просветители приветствовали создание иностранных колоний в Поволжье, видя в них инструмент дальнейшей цивилизации России [13, с. 165–179]. Бернарден де Сен-Пьер даже мечтал о создании в заволжских степях «республики свободных общин» под эгидой просвещенной власти Екатерины II.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94. Par le sieur Adam Brand. Amsterdam : Jean-Louis de Lorme, 1699. P. 193–249.
2. The Present Condition of the Muscovite Empire, till the Year 1699. In Two Letters: the first from a Gentleman, who was conversant with the Muscovite Ambassadour in Holland: the second from a Person of Quality at Vienna, concerning the late Muscovite Embassy, His present Czarish Majesty; the Russian Empire; and the Great-Tartary: With The Life of the present Emperour of China / By father J. Bouvet, Missionary, [the whole edited by J. Crull,] by the author of The Antient and present state of Muscovy. London: printed for F. Coggan, 1699. P. 1–70.
3. Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford: Voltaire Foundation, 1999. Vol. 46–47. 1338 p.
4. Voyages de Corneille le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales... A la Haye, Chez P. Gosse et J. Neaulme. 1732. T. 3. 498 p.; T. 5. 520 p.
5. Аваков П. А. Памятники фортификации Петровской эпохи на территории Ростовской области (утраченные и сохранившиеся) // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм: Материалы VII Международного петровского конгресса: Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 года. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 406–423.
6. Базарова Т. А. «Пришла почта ис-под Азова...»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПБИИ РАН [Электронный ресурс] // История военного дела: исследование и источники.

СПб., 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22. <http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova> (18.07.2019).

7. Бернштейн-Коган С. В. Волго-Дон: Историко-географический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 222 с.

8. Гусарова Е. В. Волга, Каспий и Астрахань на голландских и русских чертежах и панорамах // Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 145–171.

9. Дмитриев Е. Е., Мезин С. А. Поволжье петровского времени глазами британского путешественника // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 157–171.

10. Ключевский В. О. Сочинения: В 9-и т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М.: Мысль, 1989. 398 с.

11. Кросс Э. Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков / Пер. с англ. М. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 230 с.

12. Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2010. 178 с.

13. Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.

14. Мезин С. А. Письмо амстердамского друга // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 411–421.

15. Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Пер. с голланд. В. Г. Трисман; ред. и научн. рук. Н. П. Копанева, Б. Нарден. Амстердам: Издательство Pegasus, 2010. Т. 1–2. 1225 с.; Т. 3. 579 с.

16. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе / Пер. с англ. О. М. Дондуковой-Корсаковой. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. 196 с.

17. Петрухинцев Н. Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 131–154.

18. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с фр. П. П. Барсова. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1873. 293 с.

19. Торопицын И. В. Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра I // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 185–207.

20. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
21. Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.

REFERENCES

1. Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94. Par le sieur Adam Brand. Amsterdam : Jean-Louis de Lorme, 1699. P. 193–249.
2. The Present Condition of the Muscovite Empire, till the Year 1699. In Two Letters: the first from a Gentleman, who was conversant with the Muscovite Ambassadour in Holland: the second from a Person of Quality at Vienna, concerning the late Muscovite Embassy, His present Czarish Majesty; the Russian Empire; and the Great-Tartary: With The Life of the present Emperour of China / By father J. Bouvet, Missionary, [the whole edited by J. Crull,] by the author of The Antient and present state of Muscovy. London: printed for F. Coggan, 1699. P. 1–70.
3. Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford: Voltaire Foundation, 1999. Vol. 46–47. 1338 p.
4. Voyages de Corneille le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales... A la Haye, Chez P. Gosse et J. Neaulme. 1732. T. 3. 498 p.; T. 5. 520 p.
5. Аваков П. А. Памятники фортификации Петровской эпохи на территории Ростовской области (утраченные и сохранившиеся) // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм: Материалы VII Международного петровского конгресса: Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 года. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 406–423.
6. Базарова Т. А. «Пришла почта ис-под Азова...»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПБИИ РАН [Электронный ресурс] // История военного дела: исследование и источники. СПб., 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22. <http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova> (18.07.2019).
7. Бернштейн-Коган С. В. Волго-Дон: Историко-географический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 222 с.
8. Гусарова Е. В. Волга, Каспий и Астрахань на голландских и русских чертежах и панорамах // Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 145–171.

9. Дмитриев Е. Е., Мезин С. А. Поволжье петровского времени глазами британского путешественника // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 157–171.
10. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М.: Мысль, 1989. 398 с.
11. Кросс Э. Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков / Пер. с англ. М. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 230 с.
12. Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2010. 178 с.
13. Мезин С. А. Диод и цивилизация России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.
14. Мезин С. А. Письмо амстердамского друга // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 411–421.
15. Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Пер. с голланд. В.Г. Трисман; ред. и научн. рук. Н.П. Копанева, Б. Нарден. Амстердам: Издательство Pegasus, 2010. Т. 1–2. 1225 с.; Т. 3. 579 с.
16. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе / Пер. с англ. О. М. Дондуковой-Корсаковой. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. 196 с.
17. Петрухинцев Н. Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 131–154.
18. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с фр. П. П. Барсова. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1873. 293 с.
19. Торопицын И. В. Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра I // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 185–207.
20. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
21. Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.

УДК 94(479)

НЕСБЫВШИЕСЯ ПЛАНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ДЕРБЕНТСКИЙ ПОРТ И КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД В УСТЬЕ КУРЫ¹

Шарафетдин Арифович Магарамов
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются планы Петра Великого по созданию сети коммуникаций на Западном Каспии для расширения оборотов российско-восточной торговли. Среди множества петровских проектов в экономическом освоении присоединенных к Российской империи персидских территорий важное место занимали строительство в Дербенте крупного морского порта и основание в устье Куры купеческого городка. Место для дербентской гавани было выбрано лично самим императором во время его нахождения в Дербенте, после чего был сделан чертеж и начаты строительные работы, которые продолжались в течение 1723–1725 гг. Однако после смерти императора работы по строительству гавани в Дербенте, как и в Астрахани в целом, замедлились, а затем и вовсе прекратились, так и не завершившись. Основание купеческого городка в устье Куры, который, по планам Петра Великого, должен был стать центром восточной торговли, стало невозможным из-за неблагоприятных климатических условий и непригодности местности.

Ключевые слова: Пётр Великий, Персидский поход, Западный Каспий, восточная торговля, дербентская гавань, купеческий город в устье Куры.

UDC 94(479)

UNFULFILLED PLANS OF PETER THE GREAT: DERBENT PORT AND MERCHANT CITY AT THE KURA ESTUARY

Sharafetdin M. Arifovich
Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The work examines the plans of Peter the Great to create a communications network in the Western Caspian to expand the turnover of Russian-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона»

Eastern trade. Among the many Peter's projects in the economic development of the Persian territories annexed to the Russian Empire, an important place was occupied by the construction of a large seaport in Derbent and the foundation of a merchant town at the mouth of the Kura. The place for the Derbent harbor was chosen personally by the emperor himself during his stay in Derbent, after which a drawing was made and construction work began, which continued during 1723–1725. However, after the death of the emperor, work on the construction of the harbor in Derbent, as well as in Astrakhan as a whole, slowed down, and then stopped altogether, never being completed. The founding of a merchant town at the mouth of the Kura, which, according to the plans of Peter the Great, was to become the center of eastern trade, became impossible due to unfavorable climatic conditions and unsuitable terrain.

Key words: Peter the Great, Persian campaign, Western Caspian Sea, eastern trade, Derbent harbor, merchant city at the mouth of the Kura.

Экономические интересы составляли важную составляющую восточной политики Петра Великого. Организуя торговлю с Востоком через Кавказско-Каспийский регион Пётр I, который был во власти идей меркантилизма, представлений о мире богатства и благополучии, рассчитывал на огромную прибыль от восточной торговли. Пример Голландии, чьи десять тысяч кораблей бороздили океаны всего мира и везли в Амстердам товары, был для Петра I своеобразным маяком [1, с. 12].

В этом плане прочное водворение России на Каспийском регионе играло важную роль. Доминирование России в бассейне Каспия обеспечивало ей возможность быстро продвигать русские товары на рынки Южного Кавказа, Средней Азии, в Персию, Турцию, приблизиться к самым границам Индии. После Персидского похода 1722–1723 гг. Российская империя добилась международного юридического подтверждения на свое монопольное право господствовать на Каспийском море – важной естественной коммуникации с восточными странами. Еще на начальном этапе своей масштабной восточной кампании, император не мог допустить, «чтобы какая другая держава, чья бы то ни было, на Каспийском море утвердилась». Особенно «турков тут (на Каспийское море. – авт.) допустить нам невозможно» [3, с. 57], – утверждал Пётр Великий.

Еще накануне Персидского похода для изучения торговых путей, гаваней на Каспии в регион была отправлена группа морских офицеров-ученых, среди которых фон Верден, Ф. И. Соймонов и др. Ими была составлена первая более достоверная карта Каспийского моря, отправленная Петром в Парижскую Академию наук, а затем в Английское географическое общество, ставшая сенсацией мирового значения, совершенно опровергавшая научные представления об очертаниях Каспия [2, с. 236].

Прочно обосновавшись на Западном Каспии имперские власти обустраивали торговые коммуникации и обеспечивали их безопасность, что благоприятно сказывалось на торговой активности. На западном побережье Каспия важным транзитным узлом на пути к восточным странам являлся Дербент. Находясь в Дербенте, Пётр Великий 26 августа 1722 г. «изволил ездить по берегу морскому для осмотрения места, где строить гавань» [6, с. 74]. С этого времени официально был дан старт строительству нового торгового порта в Дербенте, поскольку имеющаяся гавань была мелководной и не защищенной от ветров, отчего даже суда средней тяжести испытывали трудности в причаливании или терпели крушение.

Строительство нового защищенного от морских бурь порта в Дербенте необходимо было не только в коммерческих целях, но и для бесперебойного обеспечения продовольственным запасом, медикаментами, обмундированием и командным составом императорский гарнизон в городе, для поддержания коммуникаций с другими крепостями, гарнизонами императорских войск на Западном Каспии. Дербентский комендант полковник А. Т. Юнгер в своем донесении кабинет-секретарю А. В. Макарову от 19 декабря 1722 года отмечал, что дербентская гавань была открытой ветрам, отчего морские суда с продовольствием выбрасывало на берег и разбивало, а иные «переломило пополам, а мука которая в ней была 100 кулей обмочило, так же и бот присланной в Дербенъ, на котором был боцман Анисим Суханов, оной 11 ноября выкинуло на берег и великою погодою розбило и якори оторвало, и остались в воде, а которая была на оном боту соль 10 кулей розмылась, а мяса в 9 кадях, взято с него на берег» [7, л. 603-604].

Находясь в Астрахани, на обратном пути в Петербург, 4 октября 1722 года Пётр дал распоряжение главнокомандующему Низовым корпусом генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину, «для гавани в Дербенте определить двести человек казаков в прибавку к тем, которые там и делать оную гавань по чертежу» [5, с. 48]. В указе М. А. Матюшкину от 23 мая 1724 года император собственноручно указал, чтобы «в Дербенте цитадель к морю и гавань делать» [5, с. 58].

В фонде 846 Российского государственного военно-исторического архива нам удалось обнаружить дело № 1960 «План дербентской гавани», на обороте которого имеется надпись: «План дербентской гавани. Прислан от майора де Мария». В этом же фонде в деле № 1958 «Стенки крепости города Дербента» также нарисован чертеж дербентской гавани. Очевидно, эти чертежи те же самые, что и были составлены после принятия императором решения о строительстве в Дербенте новой гавани.

Строительные работы в новой дербентской гавани шли в течение 1723–1725 гг. В Дербенте «все благополучно, и по указу вашего императорского величества крепость приказал я делать; а гавен делают, и на дело оной берут с

босурманских (мусульманских. – авт.) могил каменья» [8, л. 652], – лично до-кладывал Пётру Великому генерал-лейтенант М. А. Матюшкин от 19 января 1725 г. Однако император получить данное донесение не успел, когда оно дошло до Санкт-Петербурга, Пётр I уже скончался.

Сильные шторма на Каспийском море являлись серьезной помехой для проведения строительных работ в прибрежной зоне Дербента. Осенью 1724 г. от шторма гавань была сильно повреждена, рапортовал тогда же М. А. Матюшкин, «на зюйдовой стороне пять сажен, на нордовой пятнадцать сажен, и каменья длиною десяти футов шириной четырех футов брасало от того места, где лежали, сажен по осми и по девяти» [8, л. 652].

В строительстве гавани и новой крепости (бастиона) у моря в Дербенте в 1725 году трудились 2510 казаков, среди которых были и больные. Имеющихся сил явно не хватало для скорого завершения строительных работ, как того требовали имперские власти. По наблюдениям генерала М. А. Матюшкина, рабочей силы не хватит «и одного бастиона до предбудущей 1726 году весны во окончание привесть». Дальновидный генерал, прекрасно осознавая стратегическую значимость и экономическую выгоду возводимых сооружений в условиях непрекращающихся нападений со всех сторон на Дербент, просил Военную коллегию дополнительно выделить 6 тыс. мастеров-каменщиков и 700 кузнецов, подчеркивая, что возводимые объекты с «обретающимся тамо наличными людьми [и] в десять лет построить не можно» [10, л. 8].

Военные министры решили разузнать у адъютанта, отправленного М. А. Матюшкиным с рапортом, «сколько той крепости и гавани по отъезду ево было зделано, и к тому [делу] призвав искусствых инженеров, учинить совет», который должен принимать решение, «надлежит по ситуации тамоших мест по тому чертежу такую крепость и гавань ныне строить или можно для прикрытия и отпору неприятельских людей ис того что убавить и как по прежнему чертежу так ежели делать перед тем с убавкою коликим числом работных людей и в какое время зделано быть может» [10, л. 11-12].

Судя по тому решению, которое было принято военными министрами, можно предполагать, что после смерти императора многие его планы и идеи на Западном Каспии замедлили темпы развития и реализации. Так вот и по дербентской гавани, Военная коллегия посчитала требование генерала М. А. Матюшкина усилить ход строительных работ новой рабочей силой завышенным, ограничившись отправкой опытного инженера генерал-майора Адриана де Бриньи для осмотра проводимых работ. Инструкция из Военной коллегии от 19 января 1726 года предлагала господину де Бриньи поехать «в Астрахань и приехав взять у генерала лейтенанта господина Матюшкина инженеров и кондукторов, кого вы за благо разсудите и в сем крепостям и гварнizonам и гавенам,

тако же и о знатных о реках, кои в Каспийское море комуникацию имеют, а особливо о Куре обстоятельные ведомости и чертежи с маштапом» составить. Что касается непосредственно возводимых в Дербенте сооружений, то де Брины поручено было «и оную крепость и ситуацию места осмотреть же, как оную крепить и цитадель к морю, и гавань для обороны строить надлежит бы и не лучше ли для укрепления той крепости зделать в удобных местах болванки» [10, л. 92-93]. Более того, шестой пункт «Инструкции» предлагал инженеру де Брины в строительных работах максимально обходиться собственными силами и местными материалами, «без присылки из России, ибо еже ли оные посылатъ из России, то за дальностию пути станут в великой коште», и только в том случае, если нет возможности справиться собственными силами, то составить «смету, и карту, и чертежи с маштапом и с приложением своего мнения, привезти в Санкт Питербурх и подать в Военную коллегию немедленно» [10, л. 93].

В конечном счете, один из грандиозных планов Петра Великого – строительство современной по тем временам морской гавани в Дербенте, которая превратила бы город в один из купных транзитных узлов европейско-азиатской торговли, из-за нехватки людских ресурсов и финансовых средств, осталось не завершенным. Такая же участь постигла астраханский порт и адмиралтейство, строительство которых со смертью императора замедлилось, а затем и вовсе остановилось. В первые же годы после смерти Петра Великого в верхах начали задумываться о нецелесообразности присутствия российской власти и армии на присоединенных к Российской империи прикаспийских землях. Впервые об этом в 1726 году открыто высказал вице-канцлер А. И. Остерман: «время и искусство показали, что не токмо дальнейшая действа в Персии, но и содержание овладенных тамо уже провинций весьма трудное России становится. Что потребные на то иждивении и убытки весьма превосходят пользу, которую от тех провинций Россия ныне имеет и в долгое время впредь уповать может» [12, с. 111-112].

Другой не менее важной грандиозной идеей Петра Великого было намерение построить на «новозавоёванных» к Российской империи иранских территориях, а именно в устье Куры, новый город – Восточный Петербург [1, с. 13]. В 1718 году поручику князю В. А. Урусову было дано указание при описании западно-прикаспийских областей «прилежно осматривать гаванов и рек, а особенно Куры реки». Через год этот регион обследовали фон Верден и Ф. И. Соймонов. По мнению последнего, император планировал основать здесь город, крепость, гавань, сделать это место центром средоточия всей «восточной торговли», куда должны были съезжаться купцы из Грузии, Ширвана и Ирана, и дальше доходит до Астрахани [13, с. 99-100, 336]. По планам Петра Великого, этот город должен был стать «первым купеческим городом для всего западного берега Каспийского моря» [4, с. 84-87].

Пётр I не оставлял намерений построить крупный торговый город и гавань в устье Куры. Он упорно посыпал одну экспедицию за другой в этот район Каспийского побережья. По личному распоряжению императора капитан Ф. И. Соймонов повторно обследовал устье Куры в 1722–1723 гг. и лично докладывал о результатах в Петербурге: «осматривал и протоку Куры-реки, которая впадала в тот гавонь, нашел только оная устьем мелкая, тако же и места как на самом устье, так и по сторонам и вверх по протоке верст около 15 ниския и мокры, и лесу только что по берегам протоки, и местами по комышам ивняк» [13, с. 44]. Ф.И. Соймонов так и не нашел в устье Куры удобного места для строительства гавани.

После неутешительного доклада Ф. И. Соймонова император проявляет некоторую осторожность и приказывает главнокомандующему М. А. Матюшкину «строение крепости на Куре» отложить [5, с. 54-55], но после консультаций с командующим и капитаном Ф. И. Соймоновым, поручил первому «о Куре разведать до которых мест мочно судами мелкими идти, чтоб подлинно верно было», а еще лучше – обследовать течение реки вплоть до Тифлиса. Данный водный путь интересовал царя, чтобы из торгового города в устье Куры направить купцов в Тифлис, а также сухим путем – в Шемаху [3, с. 265-266]. Таким образом, данный купеческий город должен был быть связан с крупными торговыми центрами Каспийско-Кавказского региона – Астраханью, Шемахой, Тифлисом и др.

Имперские планы об основании Куринского городка подкреплялись полученным от персидского посла Измаил-бека в октябре 1723 года реестром доходов от «провинций и городов, которые уступлены быть имеют» Российской империи. По данному реестру, годовой доход с «новозавоеванных» земель равнялся 2 млн. 250 тыс. рублей (это огромная сумма, равная около 1/3 российского бюджета), самым прибыльным среди персидских провинций являлся Гилян, приносящий доход равный 1 млн. 200 тыс. [9, л. 307].

Однако не здоровый климат и не пригодность местности послужили серьезным препятствием на пути реализации имперского плана по основанию купеческого Куринского городка. На Куре была основана только крепость с небольшой численностью гарнизона, испытывавшая серьезные трудности в функционировании из-за неблагоприятных и сложных климатических условий не совместимых с жизнью. В инструкции от 21 марта 1728 года князь В. В. Долгоруков только что назначенному командующему от крепости Святого Креста до реки Куры генералу А. И. Румянцеву рекомендовал из Куринской крепости вывести три полка в Астару из-за «худова и несносного тамо воздуха, от которого в прошлом 1727-м году великой в людех урон учинился», оставить лишь «малую команду с капитаном Козловым» [11, л. 211].

Относительно купеческого городка в устье Куры, в исторической литературе высказано мнение, что «проживи царь еще лет десять, может быть, чудо на Неве повторилось бы и на Куре. И тогда бы вся история России и Востока пошла иначе» [1, с. 14]. Можно предположить, что в этом случае многие начатые при жизни императора планы и идеи успешно закончились бы, в частности и строительство дербентской гавани, но другое дело с купеческим городом в устье Куры, на пути основания которого стояли неблагоприятные климатические условия и непригодность территории. В этом случае технологические, финансовые и людские ресурсы также не в состоянии воздействовать на природный фактор. Поэтому, как нам кажется, строительство Куринского купеческого городка едва ли могло быть реализовано, к тому же, при жизни Петра I не было предпринято никаких действенных мер для этого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, Е. В. Пётр Великий и основы его восточной политики / Е. В. Анисимов // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. – СПб.: Европейский дом, 2019. – С. 11-16.
2. Гусарова, Е. В. Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 492 с.
3. Курукин, И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД, 2010. – 381 с.
4. Лысцов, В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. М.: МГУ, 1951. – 247 с.
5. Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // Комаров В. Персидская война 1722–1725. – М.: Унив. тип., 1867. – С. 42–68.
6. Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. – 194 с.
7. Российский государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). – Ф. 9. – Оп. 4. – Д. 63.
8. РГАДА. – Ф. 9. – Оп. 4. – Д. 72.
9. РГАДА. – Ф. 9. – Оп. 4. – Д. 94.
10. Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). – Ф. 20. – Оп. 1/47. – Д. 11.
11. РГВИА. – Ф. 20. – Оп. 1/ 47. – Д. 19.
12. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 55. – СПб., 1886. – 508 с.
13. Соймонов, Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. – СПб, 1763. – 380 с.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. *Pëtr Velikij i osnovy ego vostochnoj politiki* [Peter the Great and the Foundations of His Eastern Policy]. *Pëtr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Peter I and the East. Materials of the XI International Petrine Congress]. St. Petersburg, 2019, pp. 11-16.
2. Gusarova E. V. *Astrakhan finds. History, architecture, urban planning of Astrakhan, XVI–XVIII centuries. according to documents from the collections of St. Petersburg* [Astrakhan finds. History, architecture, urban planning of Astrakhan, XVI–XVIII centuries. according to documents from the collections of St. Petersburg]. St. Petersburg, 2009. 492 p.
3. Kurukin I. V. *Persidskij pohod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722–1735)* [The Persian campaign of Peter the Great. Grass-roots corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735)]. Moscow, 2010. 381 p.
4. Lystsov V. P. *Persidskij pohod Petra I: 1722–1723* [The Persian campaign of Peter I: 1722–1723]. Moscow, 1951. 247 p.
5. *Pis'ma i instrukcii imperatora Petra Velikogo generalu Matyushkinu* [Letters and instructions from Emperor Peter the Great to General Matyushkin] V. Komarov. *Persidskaya vojna 1722–1725* [Persian War 1722–1725]. Moscow, 1867., pp. 42-68.
6. *Pohodnyj zhurnal 1722 goda* [Travel magazine of 1722]. St. Petersburg, 1855. 194 p.
7. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (Dalee – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter - RGADA)], F. 9, Op. 4, D. 63.
8. *RGADA* [RGADA], F. 9, Op. 4, D. 72.
9. *RGADA* [RGADA], F. 9, Op. 4, D. 94.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (Dalee – RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (hereinafter - RGVIA)], F. 20, Op. 1/47, D. 11.
11. *RGVIA* [RGVIA], F. 20, Op. 1/47, D. 19.
12. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. 55. St. Petersburg, 1886. 508 p.
13. Soimonov F. I. *Opisanie Kaspiskogo morya i chinennyh na onom rossiskih zavoevanij* [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it]. St. Petersburg, 1763. 380 p.

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

УДК 94(470.324).05

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ВОССОЗДАНИЯ

Николай Анатольевич Комолов

г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее значимые памятники Петровской эпохи на территории Воронежской области, которые являются объектами культурного наследия федерального и регионального значения и включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Также обозначены проблемы, связанные с выявлением потенциальных объектов культурного наследия и постановкой их на государственную охрану. Кроме того, изучается вопрос воссоздания важного памятника Петровской эпохи в городе Воронеже (цейхгауз) в контексте планируемой организации историко-тематического парка «Петровский остров» с освещением истории здания.

Ключевые слова: Петр I, Успенская Адмиралтейская церковь, цейхгауз, город Воронеж, Таврово, кораблестроение, верфи.

UDC 94(470.324).05

OBJECTS OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE PETROVSKAYA ERA IN THE VORONEZH REGION: PROBLEMS OF STUDYING, PRESERVATION AND RECREATION

Nikolay A. Komolov

Voronezh, Russian Federation

Abstract. The article examines the most significant monuments of the Peter the Great era on the territory of the Voronezh region, which are objects of cultural heritage of federal and regional significance and are included in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the peoples of the Russian Federation. The problems associated with identifying potential cultural heritage sites and placing them under state protection are also identified. In addition, the issue of reconstruction of an important monument of the Peter the Great era in the city of Voronezh (tseikhhaus) is being studied in the context of the planned organization of the historical theme park "Petrovsky Island" with coverage of the history of the building.

Key words: Peter I, Assumption Admiralty Church, tseikhhaus, Voronezh, Tavrovo, shipbuilding, shipyards.

Петр Великий, бесспорно, является одной из фундаментальных фигур мировой истории и, конечно, одним из величайших российских монархов. Воронеж в силу различных природно-географических и исторических обстоятельств стал свидетелем многих месяцев трудовых будней и отдохновения здесь царя-реформатора. Петр I приезжал сюда 13 раз и провел в городе и крае не менее 500 дней, обеспечив тем самым Воронежу статус де-факто временной столицы государства. Город посещали члены царской фамилии и Боярской думы, иностранные дипломаты. Здесь разрабатывались стратегические планы и принимались тактические решения [1].

Воронеж исторически достоверно считается родиной российского военно-морского флота. На острове реки было создано Адмиралтейство, в районе основной верфи построены многочисленные предприятия для обеспечения потребностей флота. В 1705 г. в семи верстах от Воронежа началось строительство нового города Таврова и верфи. В 1711 г. кораблестроение в Воронежском крае было прекращено. В дальнейшем оно возобновлялось, но уже не в первоначальном масштабе.

К сожалению, аутентичных материальных памятников Петровской эпохи в Воронежской области сохранилось весьма немного, хотя в целом в России, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, осталось значительное наследие.

Огромную работу по выявлению и описанию «петровских памятников», включая и более поздние произведения, установленные в честь монарха и его сподвижников (монументы, бюсты, памятные знаки, мемориальные доски) провел Институт Петра Великого, научным руководителем которого является признанный корифей профессор Е. В. Анисимов. Результаты этой работы выложены на специальном сайте [2].

В пределах территории современной Воронежской области выделено четырнадцать «памятников», из которых шесть представлено в самом Воронеже (включая и Таврово, ныне расположеннное в Левобережном районе города). Перечислим их по категориям:

- памятники и памятные знаки (*Воронеж* – памятники Петру I и святителю Митрофану; *Богучар* – памятный знак на месте основания города; *Острогожск* – памятный знак на месте встречи Петра I с И. С. Мазепой; *Павловск* – бюст Петра I; село *Нижний Икорец* – памятный знак на месте Икорецкой верфи);
- памятники церковной архитектуры (*Воронеж* – Алексеевский Акатов монастырь, церковь святителя Николая Чудотворца, Церковь Успения Пресвятой Богородицы; *хутор Дивногорье* – Дивногорский Свято-Успенский монастырь);
- памятники инженерного искусства (Павловская и Тавровская верфи);
- памятники природы (*Борисоглебский округ* – Теллермановский лес; *Павловский район* – Шипов лес).

Далеко не все эти «памятники» с юридической точки зрения являются объектами культурного наследия федерального или регионального значения, т.е. находятся под государственной охраной в статусе выявленных или уже внесенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Из вышеперечисленных объектами культурного наследия являются только пять:

- федерального значения – памятник Петру I (1860, 1956 г.), расположенный в Петровском сквере города Воронежа, церковь и колокольня Алексеевского Акатова монастыря 1674–1881 гг., Церковь Успения 1694 г., Никольская церковь и колокольня 1712–1720 гг.;
- регионального значения – комплекс Успенского Дивногорского монастыря XVII–XIX вв. [3].

Необходимо отметить, что в Едином государственном реестре значатся еще два объекта культурного наследия регионального значения, не попавшие в Свод петровских памятников – Преображенский собор в г. Павловске 1712 г. и Предтечев Донецкий монастырь в Богучарском районе (1696, 1711, 1845 г.). Впрочем, последняя обитель была перенесена на другое место еще в 1845 г. и

сохранилась в перестроенном и разрушенном виде, поэтому считать ее «петровским памятником», конечно, оснований нет.

Кроме того, главный учебный корпус Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, который является частью объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс зданий Сельскохозяйственного института им. К. Д. Глинки» может похвастаться железобетонным бюстом первого императора, который когда-то был сброшен на землю, позже найден и стал музеинм экспонатом. Его гипсовая копия установлена в фойе здания.

Единственным, а потому уникальным памятником, связанным с деятельностью Петра I в Воронеже и периодом кораблестроения является Успенская Адмиралтейская церковь. Дата ее постройки, зафиксированная в Едином государственном реестре – 1694 г., неверна. Как нам удалось установить, храм строился в 1690–1695 гг. [4, с. 10–22]. Каменная церковь вместе с адмиралтейским складом (цеххгаузом) смогли пережить грандиозный пожар Воронежа 1748 г., полностью уничтожившим в приречном районе остатки построек, которые могли напоминать о Петре.

Спустя двести лет в 1948 г. церковь была принята на государственную охрану после проведения занявшего ее областным архивом необходимых ремонтных работ. Позже храм был передан краеведческому музею для создания экспозиции по истории военно-морского флота. Но регулярные подтопления водами реки Воронеж, а с 1972 г. – заполненного водохранилища поставили существование петровского памятника под угрозу. В 1991 г. был создан Комитет по спасению Успенской церкви. В связи с 300-летним юбилеем военного флота добавилось финансирование. Была сделана гидроизоляция фундамента храма, высоко поднят уровень пола.

Внутри церкви в декабре 2011 г. были установлены мемориальные доски, посвященные Петру I, а также создателям воронежского военно-морского флота адмиралам Ф. М. Апраксину и К. И. Крюйсу. На фасаде Успенки закреплены памятные знаки в честь закладки кораблей в 1696 г. и строительства «Гото Предестинации».

В 2015 г. возле храма установлен памятный знак с выявленными именами воронежцев, похороненных на местном погосте, в том числе и воеводы П. М. Игнатьева, умершего в 1702 г. [4, с. 30–36]. В 2017 г. здесь был второпях, к приезду делегации из Черногории, установлен памятный знак в честь вице-адмирала М. Х. Змаевича.

В настоящее время Успенская церковь является действующим храмом. Ее существованию ничего не угрожает. Храм пользуется большим вниманием со стороны туристов, которые приезжают на Адмиралтейскую площадь, чтобы полюбоваться кораблем-музеем «Гото Предестинация». Эта полноразмерная

копия петровского оригинала была введена в эксплуатацию 27 июля 2014 г. Корабль воссоздан по акварели Питера Бергмана и триптиху Адриана Шхонебека. Идея была реализована совместными усилиями Павловского судостроительно-судоремонтного завода, делавшего подводную стальную часть корпуса и мастеров из Петрозаводска, изготовивших и собравших деревянные детали.

Формирование комплекса памятников в районе бывшей военной верфи еще не закончено. Основное внимание на уровне правительства Воронежской области сейчас уделено концепции развития территории Петровской набережной. Частью этого масштабного проекта является создание на искусственном Петровском острове площадью 5,6 га историко-тематического парка с одноименным названием. Остров был намыт после заполнения водохранилища и с тех пор никак не использовался.

Центральным объектом новейшей достопримечательности должен стать воссозданный по чертежам XIX в. цейхгауз. Этот адмиралтейский склад был построен в конце XVII в. и просуществовал почти 250 лет. И по завершении кораблестроения цейхгауз, несмотря на регулярные подтопления и протечки кровли, оставался наиболее надежным и универсальным городским хранилищем, где содержались различные материалы, амуниция, архив губернской канцелярии.

При воронежском губернаторе Д. Н. Бегичеве (1830–1836) была предпринята попытка мемориализации цейхгауза. В нем предполагалось устроить первую в России домовую церковь во имя недавно канонизированного святителя Митрофана, создать музей Петра I, инвалидный дом для престарелых и раненых служителей флота. Этим планам не суждено было сбыться и в дальнейшем цейхгауз использовался арендаторами как шерстомойка, что привело его «в самое безобразное состояние» [5, с. 141–145]. Возрождение этого памятника связано с деятельностью элитарного Петровского яхт-клуба [6], который арендовал его с 1876 до 1919 г. и сделал цейхгауз своей штаб-квартирой.

В 1940 г. прибывшая в командировку в Воронеж научный сотрудник Центрального военно-морского музея Ленинграда О. Т. Башкирова предложила использовать цейхгауз как филиал музея, указав в своем отчете, что здание необходимо взять на учет как исторический памятник. В период жестоких боев за Воронеж цейхгауз фактически оказался на линии фронта, проходящей по реке, и был разрушен в конце 1942 г. [5, с. 145].

В 1980 г. начались работы по освоению намытого Петровского острова. По эскизам и чертежам одного из проектных институтов намечалось возродить домик-музей Петра, верфь, цейхгауз, парусный двор. Этот проект по воссозданию цейхгауза также не был реализован [7]. Теперь спустя 40 лет появился реальный шанс заново его отстроить. В августе 2020 г. под эгидой Воронеж-

ского областного краеведческого музея проведен творческий конкурс на лучшую концепцию экспозиционно-выставочного пространства музея «Цейхгауз». Его итоги будут подведены в сентябре.

Возле цейхгауза, в центре проектируемого историко-тематического парка «Петровский остров», должен быть установлен обелиск в честь великого реформатора с надписями по четырем сторонам, с идеей которого губернатор Дмитрий Бегичев выступал еще в 1832 г. Тогда пальму первенства Воронеж уступил Липецку, в котором в 1839 г. появился ныне существующий обелиск Петру I. Зато в столице Черноземья в 1860 г. был установлен великолепный памятник основателю военно-морского флота в полный рост, который находится под государственной охраной.

Другой петровской точкой притяжения в Воронеже, хотя значительно уступающей району Адмиралтейской площади, является бывший город Тавров. После 1711 г. здесь еще трижды возобновлялось судостроение. Однако пожар 1744 г. полностью уничтожил всю инфраструктуру [8, с. 86–91]. От высоких температур железные, медные и оловянные изделия спеклись в бесформенные слитки. Местная верфь была упразднена в 1769 г.

Заполнение чаши водохранилища в 1972 г. привело к затоплению большинства бывших петровских доков. В настоящее время в облике одного болотистого затона в конце улицы Петровской угадываются очертания последнего дока. Здесь же находится и песчаная насыпь, остаток от галерного двора. Жители Таврова до сих пор находят на своих участках старинные корабельные гвозди. Предпринимались попытки реализовать на этой территории различные туристические проекты, но успехом они не увенчались.

Из памятников Воронежской области стоит выделить бюст Петра I работы известного скульптора Л. Кербеля, которым с 1988 г. украшен сквер города Павловска. В 2014 г. в Богучаре был открыт восьмиметровый памятник Петру Великому работы скульптора В. Грищенко.

К 350-летию со дня рождения Петра Великого в нескольких местах петровского кораблестроения на территории Воронежской области планируется установить типовые памятные знаки. К 2022 г. намечено заменить и мемориальную доску в Острогожске на памятном знаке, поставленном на примерном месте встречи Петра I с гетманом И. С. Мазепой. Исследованиями автора данной статьи было доказано, что дата, выбитая на памятнике (16 сентября 1696 г.), не соответствует действительности и должна быть отодвинута назад минимум на три недели [1, с. 16–18].

Необходимо обозначить и проблемные вопросы в деле выявления и сохранения памятников, связанных с Петровской эпохой. Так, если с точки зрения сохранности состояние церкви святителя Николая Чудотворца и Алексеевского Акатова монастыря в Воронеже опасений не вызывает, то современная

точечная застройка полностью лишила пространство вокруг этих памятников какой-либо исторической среды.

Также бесспорной актуальной задачей является проведение археологических раскопок в местах петровских верфей. Парадоксально, но на родине военно-морского флота и в области до сих пор не проводились изыскательские работы по выявлению точных границ военных верфей с целью дальнейшего придания этим объектам охранного статуса. Отсутствие информации привело к тому, что в Новохоперске без проведения государственной историко-культурной экспертизы приступили к сооружению набережной в месте, где предположительно размещалась верфь.

Проблему пытаются заострить профильные общественные организации. Так, в июле 2019 г. председатель воронежского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А. Никитин написал обращение на имя губернатора Воронежской области А. В. Гусева с просьбой профинансировать раскопки верфей XVIII в. (Тавровской, Хоперской, Павловской, Икорецкой, Ступинской, Рамонской, Чертвицкой, Коротоякской). По имеющейся у нас информации, воронежское отделение ВООПиК будет пытаться получить грантовую поддержку на проведение археологических исследований.

Таким образом, для Воронежа, так тесно связанного с деятельностью Петра I, вопросы изучения, сохранения и воссоздания ценных петровских памятников остаются весьма значимыми как для упрочения исторической памяти, так и для развития культурного туризма [9, с. 192–205].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Комолов, Н. А. Воронежские страницы в биографии Петра Великого / Н. А. Комолов. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 104 с.
2. Свод петровских памятников России и Европы [Электронный ресурс] // URL: <http://spp.lfond.spb.ru/> (дата обращения: 01.08.2020).
3. Список объектов культурного наследия, расположенных на территории Воронежской области, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (по состоянию на 10.02.2020 г.) // URL: <http://www.govvrn.ru/organizacia/-/~id/844597> (дата обращения: 31.08.2020).
4. Комолов, Н. А. Успенская Адмиралтейская церковь – духовный призыв военно-морского флота России / Н. А. Комолов. – Воронеж: ООО «Новый взгляд», 2016. – 40 с.
5. Комолов, Н. А. Воронежский цейхгауз Петра I: 245 лет истории / Н. А. Комолов // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3. Материалы международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» / Под общ. ред. Р. С. Берестнева. – Воронеж, 2019.

6. Вульф, Д. Г. Петровский Яхт-клуб и его роль в формировании локальной идентичности в Воронеже в последней трети XIX – начале XX века / Д. Г. Вульф // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков. – Воронеж, 2006. – С. 31–43.
7. Комолов, Н. «Отцы» Воронежа. Штрихи к коллективному портрету нескольких советских и постсоветских руководителей города / Н. Комолов // Воронежский курьер. – 2013. – 9 авг.
8. Комолов, Н. А. Тавровская крепость в первой половине 1740-х гг. / Н. А. Комолов // Из истории Воронежского края. Вып. 18 / Ответ. ред. А. Н. Акиньшин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2011. – С. 82–93.
9. Комолов, Н. А. Петровские памятники района бывшей военной верфи города Воронежа конца XVII – начала XXI века и развитие культурного туризма / Н. А. Комолов // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. – СПб., 2016. – С. 192–205.

REFERENCES

1. Komolov N. A. *Voronezhskie stranicy v biografii Petra Velikogo* [Voronezh pages in the biography of Peter the Great]. Voronezh, VSU publishing house, 2019. 104 p.
2. Set of Peter's monuments of Russia and Europe [Electronic resource]. URL: <http://spp.lfond.spb.ru/> (accessed 01.08.2020).
3. List of cultural heritage objects located on the territory of the Voronezh region included in the Unified state register of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation (as of 10.02.2020) // URL: <http://www.govvrn.ru/organizaciya/> / ~ / id/844597 (accessed 31.08.2020).
4. Komolov N. A. *Uspenskaja Admiraltejskaja cerkov' – duhovnyj prichal voенно-morskogo flota Rossii* [Assumption Admiralty Church - spiritual pier of the Russian Navy]. Novy Vzglyad LLC, 2016. 40 p.
5. Komolov N. A. *Voronezhskij cejhgauz Petra I: 245 let istorii* [Voronezh tseikhhauz Peter I: 245 years of history]. *Trudy Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja. Vyp. 3. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «I Zverevskie chteniya – sovremennoe kraevedenie: istoricheskij, jekologo-prirodnyj i jetnokul'turnyj aspekty».* [Works of the Voronezh regional Museum of local lore. Issue 3. Materials of the international conference "I Zverev readings-modern local history: historical, ecological, natural and ethno-cultural aspects"]. Under the General editorship of R. S. Berestnev. Voronezh, 2019.

6. Wulff, D. G. Petrovskij Jaht-klub i ego rol' v formirovaniu lokal'noj identichno-sti v Voronezhe v poslednej treti XIX – nachale XX veka [Petrovsky Yacht club and its role in the formation of local identity in Voronezh in the last third of the 19th – early 20th century]. *Obshhestvennoe dvizhenie i kul'turnaja zhizn' Central'noj Rossii XIV–XX vekov. [Social movement and cultural life in Central Russia of the XIV–XX centuries]*. Voronezh, 2006. P. 31-43.
7. Komolov N. «Otcy» Voronezha. Shtrihi k kollektivnomu portretu neskol'kih sovet-skikh i postsovetskih rukovoditelej goroda ["Fathers" Of Voronezh. Touches to the collective portrait of several Soviet and post-Soviet city leaders]. *Voronezh courier*. 2013. 9 Aug.
8. Komolov N. A. Tavrovskaja krepost' v pervoj polovine 1740-h gg. [Tavrovskaya fortress in the first half of the 1740s]. *Iz istorii Voronezhskogo kraja. [From the history of the Voronezh region]*. Issue 18. Ed. by A. N. Akinshin. Voronezh, Central Chernozem book publishing house, 2011. P. 82-93.
9. Komolov N. A. Petrovskie pamjatniki rajona byvshej voennoj verfi goroda Voronezha konca XVII – nachala XXI veka i razvitie kul'turnogo turizma [Petrovsky monuments of the area of the former military shipyard of the city of Voronezh of the end of the 17th – beginning of the 21st century and the development of cultural tourism]. *Petrovskie pamjatniki Rossii i Evropy: izuchenie, sohranenie, kul'turnyj turizm. Materialy VII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. [Peter's monuments of Russia and Europe: study, preservation, cultural tourism. Proceedings of the VII International Peter Congress]*. Saint-Petersburg, 2016. P. 192-205.

УДК 94(47)

ГЛАВНЫЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР АСТРАХАНСКОГО КРЕМЛЯ – ОТГОЛОСОК ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Елена Георгиевна Тимофеева,
Анна Анатольевна Воронова,
г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена уникальному памятнику культуры XVIII в., главному кафедральному собору астраханского кремля и Астраханской епархии – Успенскому собору, памятнику петровской эпохи на южном форпосте России, его строительству и истории.

Ключевые слова: собор, кафедральный, епархия, храм, иконостас, гульбище, купола, лобное место, столп, митрополит, иконописец, каменщик, резьба, белокаменный декор, святыня, склеп, служба, раритет.

THE MAIN DEPARTMENT OF THE ASTRAKHAN KREMLIN – ECHOES OF THE PETRINE TIME

Elena G. Timofeeva,
Anna A. Voronova,
Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the unique cultural monument of the 18th century, the main cathedral of the Astrakhan Kremlin and the Astrakhan diocese – the Assumption Cathedral, a monument of the Peter's era at the southern outpost of Russia, its construction and history.

Key words: cathedral, cathedral, diocese, temple, iconostasis, gulbische, domes, place of execution, pillar, metropolitan, icon painter, bricklayer, carving, white stone decor, shrine, crypt, service, rarity.

Успенский собор – главный кафедральный собор астраханского кремля и Астраханской епархии, по праву считается одним из прекрасных образцов русского храмового зодчества начала XVIII в. **Петр I**, увидев во время посещения Астрахани Успенский собор, воскликнул: «...во всем государстве нет такого лепотного храма!» [9, с.11].

Настоящий собор, которым мы любуемся и сегодня, не первый храм, построенный на этом месте. Первая деревянная церковь не могла соответствовать статусу растущего города. В начале 90-х гг. XVI в. в Астрахань был направлен игумен Феодосий с поручением построить «соборную и апостольскую церковь» [7, с. 135]. Новый каменный храм, поименованный в честь Успения Божьей Матери, был закончен в 1602 г.

К концу XVII в. Успенский собор окончательно обветшал, о чем Астраханский митрополит Савватий писал царям Ивану и **Петру Алексеевичам**. При Савватии было принято решение начать строительство нового кафедрального собора. Начался сбор денег, но последовавшая вскоре смерть митрополита затормозила начатое дело. Новый астраханский митрополит Сампсон обратился за помощью к местному купечеству, и необходимая сумма денег была собрана. Ключаревская летопись оставила подробное описание начала строительства храма: «...сего 25 числа поступили 30 человек каменщиков класть соборную нынешнюю церковь 1699 года октября 1 числа... Архитектором или мастером при сем прочном и лепом здании через все это время был крестьянин Дорофей Мякишев» [6, с. 32]. Строительство храма шло быстрыми темпами, и храм был бы возведен в достаточно короткие сроки, если бы не трудности, возникшие в ходе строительства. В 1702 г. обрушился свод храма. В 1705–1706 гг. в Астрахани вспыхнул стрелецкий «свадебный» бунт, приостановивший строительство. Каменщики, землекопы, колодники присоединились к восставшим. В 1709 г. из-за сильного пожара обгорели соборные главы на почти достроенном соборе.

Сохранилось изображение строящегося Успенского собора на гравюре голландского путешественника Корнелия де Бруина. К 1710 г. строительство храма было, в основном, завершено. Освящен главный верхний храм. Нижний – в честь Владимирской иконы Божьей Матери, был освящен еще в 1707 г. Больше трех веков украшает наш город Успенский собор, не теряя своего великолепия и былого величия: высокий, двухъярусный, правильной кубической формы, богато украшенный искусно вырезанными деталями белокаменного декора. Окна и подкупольные главы обрамлены изящными колоннами коринфского ордера. По всему периметру нижнего храма – галерея – гульбище. Ее столпы, карнизы, балюстрада представляют собой сплошной пояс из сухариков, дынек, баласин, а среди них вырезанные из камня иконы. С западной стороны к галерее примыкает лобное место. Через лобное место проходит и широкая лестница в верхний храм. Собор пятиглавый, с золочеными главами и восьмиконечными крестами [3, с. 9].

Раньше купола были покрыты железом с накладными золочеными звездами [8, с. 19]. Сейчас купола выкрашены в зеленый цвет и звезды отсутствуют. Ниже кровли храма – арки, по три с каждой стороны. Стены собора первона-

чально были красными; окна, капители – белыми; многочисленные детали галереи – разноцветными: синими или желтыми. Сейчас храм весь выбелен, но не потерял своего великолепия.

Иконостас Успенского собора – восьмиярусный, что само по себе большая редкость, т.к. в России были распространены семиярусные иконостасы. Изготовлен он был в 1703 г. нижегородскими посадскими людьми Иваном Тимофеевым, его сыном Терентием и Матвеем Логиновым. Иконы для иконостаса были написаны казанским иконописцем Никифором Поповым «со товарищи». В иконостасе находились серебряные царские врата, изготовленные Федором Штанде в Санкт-Петербурге и принесены в дар Успенскому собору купцом Петром Сапожниковым (XIX в.) [7, с. 139]. Старанием того же купца Петра Сапожникова в 1812 г. были подведены под мрамор четыре массивных столпа, поддерживающих как своды верхнего храма, так и сами стены собора. Столпы подведены под мрамор белого цвета, а стены – серого, просветы между рамами – бледно-желтого цвета, окаймленные под цвет розового мрамора, капители столпов были вызолочены. Основания столпов, а также своды в пяти главах в том же, 1812 г., были украшены живописью [1, с. 324]. На откосе переднего южного окна, на мраморе изображен акт Священного Союза 1815 года, заключенный тремя государями императорами Всероссийским, Австрийским и Прусским [8, с. 11].

В 1850–60 гг. была возобновлена отделка верхнего храма. Работы производились мастером Ефремовым. Его работа получила восторженные отзывы современников. «Такой чудной отделки колонн и такой раскраски стен под мрамор редко где можно было встретить» [8, с. 46]. В 60-х гг. XIX в. была обновлена и роспись стен собора [3, с. 12]. Руководил работами иконописных дел мастер иеромонах Симеон. В 1872 г. на средства купцов Сапожниковых на столпах верхнего храма известным московским художником И. М. Прянишниковым были написаны два полотна: преподобного Иоанна Дамаскина с надписью «Твоя победительная десница» (на столпе близ левого клироса) и пророка Давида с музыкальным инструментом в руках (на столпе близ правого клироса) [3, с. 12]. В 1888 г. лучшими московскими художниками были заново расписаны столпы в верхнем храме (кроме пророка Давида и преподобного Иоанна Дамаскина).

Алтарь в верхнем храме был спроектирован по образцу древнерусских храмов и имел пять отделений. В центре находился собственно святой алтарь. В южной его стороне, дверью на восток, располагалась кладовая, дальше – архиерейская ризница. В северной стороне был жертвенник и соборная ризница. Над ризницей располагалось помещение для соборной библиотеки, где хранились книги богослужебного характера, а также подлинные царские жалованые грамоты XVI–XVIII вв. и патриаршие – XVI–XVII [8, с. 71]. В 1788–1789 гг.

алтарь был расписан: изображения святых располагались сверху вниз, поясами. Искусный мастер, руководивший выполнением работ – дьякон Введенской церкви Владимир Андреев. Нижний и верхний храмы отличались и оформлением, и назначением. Верхний – высокий и светлый. Он предназначен был для регулярной службы. Нижний храм гораздо ниже и темнее. Под ним находится склеп, место захоронения астраханских архиереев. Службы в нижнем храме проводились только зимой. Но в 1885 г. был восстановлен Троицкий собор, и зимнее богослужение стало проходить в нем, а в нижнем храме Владимирской иконы Божьей Матери служба велась лишь по большим праздникам. Сам храм был лишен живописи, и лишь четыре столпа украшали иконы в богатых деревянных киотах, соединенных между собой наподобие иконостасов [8, с. 15]. Сам иконостас нижнего храма был небольшим, двухъярусным. Изготовлен он был одновременно с освящением нижнего храма в 1708 году и обновлен в 1800. Роспись – лишь на своде алтаря, а на алтарных стенах – иконы в деревянных киотах, соединенные в иконостас. Стены в храме, вместо росписи, были покрыты надгробными надписями, свидетельствующими о том, кто здесь похоронен. Могилы астраханских архиереев находились в особых склепах, устроенных в земляном полу по всему периметру храма. Над всеми склепами были установлены надгробные памятники. Но в 1851 году, ввиду большой тесноты храма, памятники были убраны, а вместо них на стенах были размещены таблички с именами захороненных под ними [1, 374]. Самой дорогой для астраханцев была могила священномуученика Иосифа, митрополита Астраханского, убитого разинцами в 1671 году.

Кроме астраханских святителей, в Нижнем храме Успенского собора находятся гробницы двух грузинских царей: Вахтанга VI и Теймураза II. Вахтанг Леонович, державный правитель Картли, союзник **Петра Великого**, в 1724 году был изгнан из своего отечества турками и нашел пристанище в России. Долгое время он жил в Астрахани, здесь и скончался. Был похоронен со всеми царскими почестями в Успенском соборе в 1737 году. Другой державный правитель Иверии, а именно восточной ее части, Кахети, – Теймураз Николаевич, тщетно пытался объединить разрозненные части Грузинского государства и тоже стал изгнаником. Он долго жил в Петербурге, при дворе Елизаветы Петровны и скончался там же в 1762 г. Останки его пытались перевезти на родину для захоронения, но всевозможные препятствия не позволили этому осуществиться. Царь Теймураз II также был захоронен в Астрахани. В Успенском соборе могилы царей располагались следующим образом: Вахтанга VI – с южной стороны около правого переднего столпа, а Теймураза II – с северной стороны слева от переднего столпа. В Успенском соборе покоятся прах еще двух грузинских святителей, погребенных в северо-западном углу нижнего собора:

Иосифа, архиепископа Самобельского, и Романа, митрополита Сампавлийского и Горского [4, с. 647–648].

Первый из них, ехавший из Москвы в Кизляр, заболел на пути в Саратове и 1 сентября 1750 г. скончался. Последний, следуя в Москву, заболел в дороге и в Черном Яру скончался 30 января 1753 г. Похоронены они были просто, по восточному грузинскому обычанию – без гробов, только завернутыми в саван. Над их могилами не было никаких надписей. Погребен был в Успенском соборе и митрополит Имеретинский Тимофей, бежавший в 1762 году из Грузии, порабощенной турками. Скончался он в 1764 г., о чем сообщал в Святейший Синод Астраханский епископ Мефодий I: «Оный митрополит нами со всем священным собором 29 июля в Астраханском Успенском соборе погребен» [4, с. 487].

В Астраханском Успенском соборе находились и сохранялись предметы, представлявшие историческую и культурную ценность, и перечень этих раритетов достаточно велик. Но в ракурсе данной статьи уместным будет назвать те святыни, которые так или иначе связаны с временем правления **Петра Великого** или с ним лично. Это образ Преподобного Сергия Радонежского, бывший походным в войсках генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, посланного в 1705 г. на подавление астраханского стрелецкого «свадебного» бунта, и ставший залогом усмирения бунтовщиков, добровольно сдавшихся Шереметеву. Еще один раритет: среброзолоченый крест со сканью, унизанный жемчугом и разными драгоценными камнями, изготовленный в 1705 г. [1, с. 393-394], а также серебряный ковш, изготовленный в 1698 г. На ковше надпись на четырех клеймах: «Божией милостью Великий Государь и Царь и Великий князь **Петр Алексеевич** Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержиц лета 7206 пожаловали сим ковшом Пушемона пасацска человека Петра Михайлова, что он был головою в прошлом 205 году в Юрьевецком уезде в Поволжском в Пуческой слободе в таможни» [5, с. 8]. Ковш этот долгое время хранился в городской Петропавловской церкви, а позже был передан в соборную ризницу Астраханского Успенского собора.

Великолепный памятник, архитектурное чудо, созданное руками и душою мастеров первой четверти XVIII в. – это не только архитектурный шедевр и украшение современной Астрахани, это еще и большая, долгая, полная драматичности история Астраханского края, свидетелем которой уже третий век является Успенский собор Астраханского кремля – памятник эпохи **Петра Великого**.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Астраханский Кафедральный Успенский собор // Епархиальные ведомости. – 1880. – № 21.
2. Астрахань и Астраханская область: Материалы к своду памятников истории и культуры. – М., 1990.

3. Астрахань. Храмы и монастыри. Посвящается четырехсотлетию Астраханско-Енотаевской епархии. – Астрахань, 2002.
4. Грузины в Астраханской епархии и отношение к ним местных архиепископов в XVIII веке // Астраханские епархиальные ведомости. – 1898. – № 15.
5. Извлечение из церковно-приходской летописи Астраханской градской Петропавловской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. – 1876. – № 8.
6. Ключаревская летопись. – Астрахань, 1887.
7. Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу / Е. Г. Тимофеева, Д. В. Васильев, Г. Г. Карнаухова, С. В. Лебедев, А. В. Сызранов. – Астрахань, 2009.
8. Протоиерей Николай Каменский. Астраханский кафедральный Успенский собор. – Казань, 1889.
9. Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. – Саратов, 1896.

REFERENCES

1. Astrahanskij Kafedral'nyj Uspenskij sobor. [Astrakhan Cathedral of the Assumption]. *Eparhial'nye vedomosti [Diocesan Bulletin]*. – 1880. – № 21.
2. *Astrahan' i Astrahanskaja oblast': Materialy k svodu pamjatnikov istorii i kul'tury* [Astrakhan and Astrakhan region: Materials for the collection of monuments of history and culture]. – Moscow, 1990.
3. *Astrahan'. Hramy i monastyri. Posvjashhaetsja chetyrehsotletiju Astrahansko-Enotaevskoj eparhii* [Astrakhan. Temples and monasteries. Dedicated to the 400th anniversary of the Astrakhan-Enotaeu diocese]. – Astrakhan, 2002.
4. Gruziny v Astrahanskoj eparhii i otnoshenie k nim mestnyh arhipastyrer v XVIII veke [Georgians in the Astrakhan diocese and the attitude of local archpriests towards them in the 18th century]. *Astrahanskie eparhial'nye vedomosti [Astrakhan diocesan vedomosti]*. 1898. № 15.
5. Izvlechenie iz cerkovno-prihodskoj letopisi Astrahanskoj gradskoj Peter-pavlovskoj cerkvi [Extract from the parish chronicle of the Astrakhan city Peter and Paul church]. *Astrahanskie eparhial'nye vedomosti [Astrakhan diocesan vedomosti]*. – 1876. – № 8.
6. *Kljucharevskaia letopis'* [Klyucharevskaya chronicle]. Astrakhan, 1887.
7. Timofeeva E. G., Vasil'ev D. V., Karnauhova G. G., Lebedev S. V., Syzranov A. V. *Krepost'. Puteshestvie v Kaspijskiju stolicu* [Journey to the Caspian capital]. Astrakhan, 2009.
8. Protoierej Nikolaj Kamenskij. *Astrahanskij kafedral'nyj Uspenskij sobor*. [Astrakhan Cathedral of the Assumption]. Kazan', 1889.
9. Shtyl'ko A. *Illjustrirovannaja Astrahan'* [Illustrated Astrakhan]. Saratov, 1896.

УДК 94(47)

АСТРАХАНСКИЙ ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ – ОБЪЕКТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ

Илья Васильевич Торопицын
г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история Иоанно-Предтеченского монастыря в Астрахани в контексте событий петровского времени. Данный монастырь возник в конце XVII в. и оказался втянут в орбиту социально-политических событий, происходивших в Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в. Борьба за монастырь стала ключевым событием в ходе противостояния между восставшими жителями Астрахани и царскими войсками в ходе Астраханского восстания 1705–1706 гг. В окрестностях данного монастыря останавливались кубанские татары, совершившие в 1715 г. опустошительный набег на Нижнее Поволжье. В период Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. в Иоанно-Предтеченском монастыре была основана математическая школа в Астрахани, а впоследствии в его стенах располагался морской госпиталь. Все это дает основание причислить Иоанно-Предтеченский монастырь в Астрахани к памятникам петровской эпохи.

Ключевые слова: Астрахань, Иоанно-Предтеченский монастырь, Астраханское восстание, Астраханская школа, река Кутум, Петр I.

UDC 94(47)

ASTRAKHAN ST. JOHN THE BAPTIST MONASTERY – AN OBJECT OF THE PETRINE ERA IN THE SOUTH OF RUSSIA

Ilya V. Toropitsyn
Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article examines the history of the St. John the Baptist Monastery in Astrakhan in the context of the events of Peter the Great. This monastery was founded at the end of the 17th century and was drawn into the orbit of social and political events that took place in the Lower Volga region in the first quarter of the 18th century. The struggle for the monastery became a key event in the confrontation between the insurgent inhabitants of Astrakhan and the tsarist troops during the Astrakhan uprising of 1705–1706. In the vicinity of this monastery, the Kuban Tatars stayed, who made a devastating raid on the Lower Volga

region in 1715. During the Persian campaign of Peter I 1722–1723 in the St. John the Baptist Monastery, a mathematical school was founded in Astrakhan, and later a naval hospital was located within its walls. All this gives grounds to classify the St. John the Baptist Monastery in Astrakhan among the monuments of the Peter's era.

Key words: Astrakhan, St. John the Baptist Monastery, Astrakhan Uprising, Astrakhan School, Kutum River, Peter I.

С именем Петра I Астрахань связывает ряд значительных событий в истории России, из числа которых можно выделить Астраханское восстание 1705–1706 гг. и Персидский поход 1722–1723 гг.

И если в первом случае Петр I не навещал Астрахань, то в ходе своего Персидского похода российский император побывал как в самом городе, так и в его окрестностях. Сохранились дневниковые записи, в которых отмечаются места, которые посещал Петр I в период нахождения в Нижнем Поволжье.

Некоторые из этих мест существуют и поныне. В их числе Астраханский кремль. Петр I неоднократно присутствовал на литургиях в соборной церкви Астрахани, находившейся в кремле [4, с. 47]. Река Кутум, протекающая через территорию города, также может быть связана с именем Петра I, так как российский самодержец ездил по ней и дал в отношении нее ряд указаний астраханскому губернатору А. П. Волынскому. В частности, ему было предписано «устье Кутумовой речки вычистить и близ устья угол фашинами сделать от большой Волги реки, для отвращения быстрины оной, чтоб устья песком не занесило». Кроме того, губернатору приказали «зачать верфь делать на Кутумовой, а чтоб венею водою не потопляло, копать рвы и насыпать выше» [4, с. 180-181].

Будущую верфь на реке Кутум планировалось построить «в том месте, где ныне суды осенью на Кутумовой вытаскивали». Это место находилось «от Спасских ворот и до угла, которой к Вознесенским воротам на левой стороне реки». План-чертеж будущей верфи планировалось изготовить в Москве. «А какову верфу быть и кем делать, о том с Москвы определится, – говорилось, в указе, – только план ныне надобно сделать и отдать Нам» [4, с. 188].

К сожалению, многие объекты, которые Петр I посещал в Астрахани и ее окрестностях, не сохранились до настоящего времени. К их числу относится государев дворец или, как его еще называли, «загородный дом», построенный по указу местных властей к приезду Петра I. Он располагался в саду на берегу реки Кутум. В нем император останавливался по возвращении из Персидского похода.

Также нет уже дома астраханского губернатора, в котором Петр I отмечал годовщину Победы над шведами под Полтавой («И кушали в доме губернатор-

ском, где трактовали всех офицеров»). Этому предшествовал торжественный молебен, устроенный перед соборной церковью, в ходе которого «Его Величество изволил стоять в строю пред Преображенскою Гвардиею (которой тогда было роты с две), яко Полковник». Потом начался праздничный салют, в ходе которого стреляли не только из крепостных орудий и с кораблей, но и всем строем «палили беглым огнем; и таким образом трижды стреляно» [4, с. 47].

О том, что представлял собой губернаторский дом, можно судить по его описанию, сделанному голландским путешественником К. де Бруином во время посещения Астрахани. Он отмечал, что это здание находится недалеко от соборной церкви в кремле и представляет собой «большое деревянное строение, окруженное особою деревянною же стеновою, снаженною двумя воротами – передними и задними». Описывая внутреннее убранство дома губернатора, голландский путешественник отметил большое количество комнат в нем, «прекрасно освещенных и чрезвычайно приятных, в особенности там хороша большая зала, находящаяся весьма высоко, вид из которой очарователен со всех сторон» [5, с. 164].

Рыболовные учуги в дельте Волги, которые Петр I осматривал в период пребывания в Астрахани, также не сохранились до наших дней [4, с. 65-66]. Память о них жива в названиях населенных пунктов, возникших на месте учугов Иванчугского, Уваринского, Камызякского – это современные села Увары и Иванчуг в Камызякском районе, а также город Камызяк.

Несмотря на то, что в Астраханской области находится не так много мест, непосредственно связанных с жизнью и деятельностью Петра I, к числу памятников петровского времени на территории региона можно с полным основанием причислить ряд объектов, сыгравших определенную роль в исторических событиях его эпохи.

К их числу относится Иоанно-Предтеченский монастырь, основанный астраханским митрополитом Савватием в 1688 г. Он существует по сей день и находится в восточной части Астрахани, за рекой Кутум. Описывая в середине XIX в. его местоположение, игумен Аполлос (Беляев) отмечал, что монастырь расположен «на ровной долине, отделенной от города речкою; огорожден со всех сторон каменными стенами и образует квадрат, каждая сторона которого имеет по 46 сажен» [1, с. 1].

По всей видимости, территория монастыря не претерпела сильных изменений за годы со времени своего основания. Однако следует заметить, что его ограда первоначально была не каменной, а деревянной.

В монастыре в 1697 г. был освящен храм во имя Иоанна Предтечи. Он был каменный, одноэтажный, «в Византийском вкусе, стройный, с различными снаружи орнаментами и небольшими каменными колоннами» [1, с. 11].

Наряду с храмом на монастырской территории располагались кельи и другие постройки.

Петровская эпоха уготовила этому монастырю неординарную судьбу. Исследователь астраханских монастырей игумен Аполлос (Беляев) писал: «Едва основанная обитель Предтеченская получила историческое значение. Здесь в 1705 году некоторое время скрывался от взбунтовавшихся стрельцов преосвященный митрополит Сампсон. Около сей обители, по совету и благословению сего доблестного архиепископа собралось и утвердились верное Царю войско, отеснило мятежников в белый город и тем положило прочное начало к усмирению мятежа» [1, с. 2-3].

Источники сообщают, что митрополит Сампсон скрывался некоторое время в начальный период Астраханского восстания 1705–1706 гг. на территории Иоанно-Предтеченского монастыря. В Ключаревской летописи указывается, что Сампсон «под колокольнею онаго укрывался тайно, где ныне находится церковь святого мученика Иоанна воина» [2, с. 37]. Дополнительные подробности содержатся в исследовании М. Рыбушкина. «Но как небольшая обитель сия не могла быть надежным убежищем для Святителя, тем более, что мятеж с каждым днем увеличивался, – пишет он, – и не оставалось ни малейших способов к его потушению, в одну темную ночь Митрополит, выехав из монастыря Иоанновского, скрылся от убийц, находясь сперва между татарами, а потом, когда здесь угрожала опасность, у Калмыцкого владельца Аюки, принявшего Пастыря под свою защиту и покровительство» [6, с. 107].

События, о которых повествует Аполлос (Беляев), происходили в середине марта 1706 г. К этому времени царские войска под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева, направленные Петром I на подавление Астраханского восстания, уже достигли Астрахани. Местные жители были настроены весьма решительно. Как отмечал Б. П. Шереметев в письме к судье Посольского приказа Ф. А. Головину, астраханцы «в городе заперлись и слободы почели жечь». Предложение сдаться восставшие проигнорировали, «и, я, видя их злое намерение, – писал Б. П. Шереметев, – послал под город в Івановский монастырь, который на берегу реки Кутумовы, полк Абрамов, чтоб они того монастыря не выжгли, так же и городка, который на том берегу близ того монастыря с хлебными запасы» [8, с. 100].

Опасения фельдмаршала в отношении Иоанно-Предтеченского монастыря были не напрасными. Царицынский толмач Г. Г. Калмыков, посаженный восставшими под арест, рассказывал впоследствии в родном городе, что астраханцы «меж собою советовали, хотели идти под Ивановской монастырь и городью монастырскую, столбы, хотели порубить и идти в монастырь проломом, и рубить тот Тысячной полк, который был в Ивановском монастыре для осадного сидения» [8, с. 106].

Утром 13 марта фельдмаршал приехал в Иоанно-Предтеченский монастырь. Восставшие решили воспользоваться этим, чтобы нанести поражение царским войскам. «И они, увидя меня, – писал Б. П. Шереметев, – почали к тому монастырю приступать и стрелять из пушек, и кинули 3 бомбы, и я их отбил, и послал под остальные свои полки. И как шквадрон и батальон, и Билсов полки ко мне пришли, и они, собрався всеми силами, вышли на вылоску с пушки и знамены за реку Кутумову и учинили со мною бой» [8, с 100].

Выдержав написк восставших, войска Б. П. Шереметева развернули наступление и, преодолевая сопротивление астраханцев, вошли в Астрахань, заняв одну из его частей – Земляной город. В тот же день, подвергнув город бомбардировке, фельдмаршал принудил астраханцев сложить оружие.

Таким образом, наиболее активное противостояние восставших с царскими войсками развернулось вокруг Иоанно-Предтеченского монастыря. Астраханцам не удалось разгромить силы фельдмаршала Б. П. Шереметева, что предопределило дальнейший ход событий.

В 1715 г. данный монастырь оказался в центре событий, связанных с набегом кубанских татар на Нижнее Поволжье. Многотысячное войско, возглавляемое кубанским султаном Бахты-Гиреем, внезапно появилось под стенами Астрахани и посеяло панику среди его жителей, а также калмыков. Пользуясь пассивностью русских войск и калмыков, кубанцы захватили несколько тысяч ногайцев, бывших в подчинении калмыков. После этого кубанцы вместе с ногайцами собрались возле Иоанно-Предтеченского монастыря, переночевали и пошли, обходя Астрахань, вниз к учугам для захвата новых улусов [9, с. 75].

Размеренная монастырская жизнь резко изменилась в годы Персидского похода. В 1722 г. в Иоанно-Предтеченском монастыре была основана школа, в которой началось обучение «цыфири и некоторой части геометрии». Преподавал в ней ученик Санкт-Петербургской академии Иван Трофимов. Однако математическая школа просуществовала в монастыре всего несколько месяцев. В том же году Синод постановил обучать детей церковнослужителей в «архиерейских школах», а учителям, определенным в математические («арифметические») школы, предписывалось требовать себе «удобных на оные школы мест от светских командиров» [7, с. 110-111].

В 1723 г. Иоанно-Предтеченский монастырь был упразднен, и в нем не осталось ни одного монаха. Связано это было с потребностью создания в Астрахани лечебного учреждения для морских служителей. Император Петр I распорядился бесплатно отпускать медикаменты для лечения в нем морских и адмиралтейских офицеров, аunter-офицеров и рядовых приказано было «пользовать и лечить в госпитале по регламенту». Штат госпиталя составили стар-

ший лекарь, гезель, два ученика и комиссар (на должность последнего рекомендовалось выбирать ежегодно одного из лучших гардемаринов). «А гошпиталю быть в Ивановском монастыре, – гласил указ Петра I, – под ведением капитана порта и для надзирания за больными определить по регламенту из престарелых служителей» [3, с. 155].

В апреле 1727 г. вследствие представления астраханского епископа Варлаама, Иоанно-Предтеченский монастырь вновь был восстановлен [1, с. 3]. В XX в. при советской власти храм монастыря использовался под склад. В настоящее время монастырь вновь относится к церкви.

Таким образом, в эпоху правления Петра I Иоанно-Предтеченский монастырь в Астрахани существовал не только в качестве монашеской обители, но и успел побывать в качестве крепостного сооружения в период Астраханского восстания 1705–1706 гг., а в годы Персидского похода 1722–1723 гг. здесь ненадолго была основана математическая школа, а впоследствии – морской госпиталь, учрежденный указом Петра I.

Все эти события дают полное основание относить Астраханский Иоанно-Предтеченский монастырь к памятникам Петровской эпохи на Юге России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аполлос (Беляев). Описание Астраханского Иоанно-Предтеченского мужского заштатного монастыря, составленное в 1851 году настоятелем сего монастыря игуменом Аполлосом. Астрахань: Губ. тип., 1851. – [2], 39 с.
2. Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах / [сост. ключарем Астраханск. кафедрального собора Кириллом Васильевым]; вступ. ст. и comment. Р. А. Тарковой. – Изд. 2-е, доп., с экз. 1887 года, г. Астрахань. Астрахань: ООО «Типография «Нова», 2010. – 132 с.
3. Марков А. С. Петр I и Астрахань. Астрахань: Издательство «Форзац», 1994. – 192 с.
4. Походный журнал 1722 года. Санктпетербург, 1855. – 194 с.
5. Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. – 544 с.
6. Рыбушкин М. Записки об Астрахани. М.: В типографии С. Силивановского, 1841. – 222 + XIII с.
7. Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ея существования. (С 1602 по 1902 год). Астрахань: Типография В. Л. Егорова, 1903. – 390 с.
8. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / Подгот. Н. Б. Голикова. М.: «Древлехранилище», 2004. – XXVI + 418 с.

9. Торопицын И. В. Набеги кубанских татар на Россию в 1715 году // Козацька спадщина. Вып. 4. Днепропетровск: Пороги, 2008. – С. 72-78.

REFERENCES

1. Apollos (Belyaev). *Opisaniye Astrakhanskogo Ioanno-Predtechenskogo muzhskogo zashtatnogo monastyrya, sostavленное в 1851 году настоятелем сего монастыря игуменом Apollosom* [Description of the Astrakhan Ioanno-Baptist monastery for men, compiled in 1851 by the abbot of this monastery, Abbot Apollos]. Astrakhan: Gub. tip., 1851. – [2], 39 p.
2. *Klyucharevskaya letopis': istoriya o nachale i vozobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsya v ney proisshestviyah, ob arkhiyereyakh v onoy byvshikh, a takzhe o voyevodakh, gradonachal'nikakh i gubernatorakh* [The Klyucharev Chronicle: the story of the beginning and renewal of Astrakhan, the incidents that happened in it, the bishops in it, the former, as well as the voivods, city governors and governors. Comp. by Astrakhan Cathedral Church Kirill Vasiliev]; entry Art. and comments by R. A. Tarkov. – 2nd edition. Astrakhan, OOO «Tipografiya «Nova», 2010. 132 p.
3. Markov A. S. *Petr I i Astrakhan'* [Peter I and Astrakhan]. Astrakhan, Izdatel'stvo «Forzats», 1994. 192 p.
4. *Pokhodnyy zhurnal 1722 goda* [Travel log from 1722]. St. Petersburg, 1855. 194 p.
5. *Rossiya XVIII v. glazami inostrantsev* [Russia of the 18th century through the eyes of foreigners]. Leningrad, Lenizdat, 1989. 544 p.
6. Rybushkin M. *Zapiski ob Astrakhani* [Notes about Astrakhan]. Moscow, in the printing house of S. Silivanovsky, 1841. 222 + XIII p.
7. Savvinskiy I. *Istoricheskaya zapiska ob Astrakhanskoy yeparkhii za 300 let yeya sushchestvovaniya. (S 1602 po 1902 god)* [Historical note about the Astrakhan diocese for 300 years of its existence]. Astrakhan, Tipografiya V. L. Yegorova [V. L. Egorova], 1903. 390 p.
8. Sotsial'nyye dvizheniya v gorodakh Nizhnego Povolzh'ya v nachale XVIII veka. Sb. dok. / Podgot. N. B. Golikova [Social movements in the cities of the Lower Volga region at the beginning of the 18th century. Sat. doc. Prepared by N. B. Golikova]. Moscow, «Drevlekhranilishche», 2004. XXVI + 418 p.
9. Toropitsyn I. V. Nabegi kubanskikh tatar na Rossiyu v 1715 godu [The raids of the Kuban Tatars to Russia in 1715]. *Kozats'ka spadshchina*. Issue 4. Dneprpetrovsk, Porogi [Thresholds], 2008. P. 72-78.

УДК 94(47)

ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ: ВОСКРЕСЕНСКИЙ СОБОР СТАНИЦЫ СТАРОЧЕРКАССКОЙ

Алла Валерьевна Шадрина

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история такого памятника архитектуры эпохи Петра I на Юге России как Воскресенский собор станицы Старочеркасской Ростовской области. Первое здание собора в деревянном исполнении было построено в 1652 г. по инициативе донских казаков как обетный храм. Строительство осуществлялось на средства, выделенные через Посольский приказ царем Алексеем Михайловичем Романовым. По его же инициативе возведение Воскресенского собора впервые в истории донского казачества было отмечено выдачей в 1650 г. благословенной (храмостроительной) грамоты, которая стала официальным документом, подтверждающим вхождение с этого года донцов в состав Патриаршей области Русской церкви. После двух пожаров в 1670 и 1687 гг., во время которых поочередно сгорели деревянные здания храма, в 1688 г. казаками было принято решение о строительстве каменного собора. Согласно преданию, зафиксированному в каменных плитах собора, в строительстве Воскресенского собора принимал участие Петр I. Именно он в 1706 г. вместе с указом о строительстве храма прислал проект, обеспечил строительство мастерами, связным железом, колоколами, богослужебными книгами, утварью и деньгами. Особую ценность в памяти потомков имеет предание о том, что царь собственноручно заложил в алтарную стену собора несколько кирпичей. Благодаря пожару 1644 г., на пожертвованные на восстановление собора императрицей Елизаветой Петровной 1000 руб., в Москве был заказан ныне существующий пятиярусный иконостас с 85 иконами, написанными в начале XVIII в. мастерами школы Егория Иванова Грека. После основания в 1805 г. Новочеркасска Воскресенский собор, утерявший статус войскового, пришел в запустение. Во второй половине XIX в. к памятнику, сыгравшему большую роль в истории Войска Донского, безуспешно пытался привлечь внимание выдающийся летописец Воскресенского собора и станицы Старочеркасской настоятель собора протоиерей Григорий Левитский. Помимо неоднократных поновлений, впервые профессиональная реставрация интерьера собора и иконостаса была проведена в 1916–1917 гг., выполнявшаяся под надзором Императорской Археологической комиссии. После установления советской власти в регионе в 1920 г. собор вновь пришел в запустение. Несмотря

на реставрационные работы, проводившиеся в 1970-х гг. в настоящее время его состояние по-прежнему оценивается как неудовлетворительное.

Ключевые слова: собор во имя Обновления Храма Воскресения Христова в Иерусалиме станицы Старочеркасской, г. Черкасск, донское казачество, царь Алексей Михайлович Романов, Петр I, иконостас начала XVIII в., Егорий Иванов Грек, Императорская Археологическая комиссия.

UDC 94(47)

MONUMENT OF THE ARCHITECTURE OF THE PETROVSKAYA EPOCH IN THE SOUTH OF RUSSIA: VOSKRESENSKY CATHEDRAL IN STANITSA STAROCHERKASSKAYA

Alla V. Shadrina

Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article reviews the history of such an architectural monument of the era of Peter the Great in the South of Russia as the Voskresensky Cathedral in stanitsa Starocherkasskaya in the Rostov Region. The first wooden building of the cathedral was built in 1652 at the initiative of the Don Cossacks as a votive temple. The construction was carried out with funds allocated through the Ambassadorial Order by Tsar Alexei Mikhailovich Romanov. On his initiative, for the very first time in history the erection of the Voskresensky Cathedral was marked by the issuance in 1650 of a blessed (temple-building) certificate which became an official document confirming the entry of the Donets into the Patriarchal Region of the Russian Church. After two fires in 1670 and 1687, during which the wooden buildings of the temple alternately burned down, the Cossacks decided to build a stone Cathedral in 1688. According to the legend recorded in the stone slabs of the Cathedral, Peter the Great took part in the construction of the the Voskresensky Cathedral. It was he who, in 1706, together with the decree on the temple construction, sent a project supplying with craftsmen, coherent iron, bells, liturgical books, utensils and money. The legend that the tsar personally laid several bricks in the altar wall of the Cathedral has the particular value in the memory of descendants. Due to a fire in 1644 and 1000 rubles donated to the restoration of the Cathedral by Empress Elizabeth, the existing five-tiered iconostasis with 85 icons painted by masters of the Yegoriy Ivanov the Greek school was commissioned in Moscow at the beginning of the 18th century. After the founding of Novocherkassk in 1805, the Voskresensky Cathedral had lost its military status and fell into desolation. In the second half of the XIX century, the outstanding

chronicler of the Voskresensky Cathedral and Starocherkasskaya stanitsa, the rector of the cathedral Archpriest Grigory Levitsky unsuccessfully tried to draw attention to the monument that played a major role in the history of the Don Army. In addition to repeated renovations, the first professional restoration of the Cathedral's interior and the iconostasis was carried out under the supervision of the Imperial Archaeological Commission in 1916-1917. In 1920, after the establishment of Soviet power in the region the Cathedral fell into disrepair again. Despite the restoration work carried out from the 1970s to the present day, his condition is still assessed as unsatisfactory.

Key words: Cathedral in the name of the Church Renewal of the Resurrection of Christ in Jerusalem in stanitsa Starocherkasskaya, Cherkassk, Don Cossacks, Tsar Alexei Mikhailovich Romanov, Peter the Great, iconostasis of the early 18th century, Yegorii Ivanov the Greek, Imperial Archaeological Commission.

Собор во имя Обновления Храма Воскресения Христова в Иерусалиме (Воскресенский собор), построенный в г. Черкассе (ныне станица Старочеркасская Ростовской области) и освященный 1 февраля 1719 г., является выдающимся памятником архитектуры петровской эпохи на Юге России. Несмотря на более 300-летнее существование, до сегодняшних дней не только не решен, но даже и не обозначен комплекс проблем, относящихся к его изучению, сохранению и музеефикации. Происходящие на протяжении последних 30 лет события, связанные с этим памятником, позволяют констатировать отсутствие к нему интереса со стороны государственных органов охраны памятников культуры и искусства. Обращение к истории Воскресенского собора представляется актуальным, поскольку она изучена в недостаточной степени.

Истории Воскресенского собора посвящено незначительное число исследований. Первым историком этого храма стал его настоятель протоиерей Григорий Левитский (1809–1872 гг.). Следуя призыву Русского географического общества, инициировавшего в 1840-х гг. сбор документов по русской церковной истории, в том числе описаний древних храмов, церковной утвари и статистических сведений [2, л. 1], прот. Г. Левитский описал не только историю Воскресенского собора, но и все достопримечательности, хранившиеся в нем до 1922 г. [2, л. 24–26 об.]. Ему принадлежат следующие работы, связанные с историей собора: «Краткое историческое описание Старочеркасской соборной церкви во имя Обновления Храма Воскресения Христова» [10], «Старочеркасск и его достопримечательности» [13] и «Не так живи, как хочется, а как Бог велит!: [о Старочеркасском соборе, необходимости его ремонта и др. делах в связи с подготовкой к 150-летнему юбилею храма]» [12].

Современные исследования касаются различных вопросов истории памятника, например, создания в XVIII в. иконостаса [9], личности прот. Г. Левитского и его творчества, связанного с собором [18], однако они не отличаются полнотой. В 1991 г. была опубликована статья В. Черницыной и Н. Коршикова [17], в которой авторы предприняли попытку объединения имеющихся сведений об истории собора в дореволюционный период, в том числе они затронули вопрос, действительно ли Петр I принимал участие в строительстве этого храма. Относительная полнота и дискуссионность некоторых утверждений позволяет утверждать, что данная статья при всех ее достоинствах, не может претендовать на исчерпывающий охват исторического пути памятника.

В первой трети XVIII в. в Северо-Восточном Приазовье происходило немало событий, связанных с именем Петра I. Знаковым для Дона было строительство Воскресенского собора. Этот храм со временем своего основания был не только центром донского казачества, где, в том числе хранились войсковые регалии, но и, благодаря истории строительства, символизировал связь донского казачества с династией Романовых.

Предыстория Воскресенского собора началась в 1630-х гг. со времени взятия донскими казаками Азова. Перед началом осады, в Монастырском городке они дали обет возродить греческую Иоанно-Предтеченскую церковь, находившуюся в турецком Азаке (Азове) и построить в Черкасске трехпрестольный соборный храм [11, № 22, с. 113]. После захвата Азова донцы выполнили свой обет в отношении Иоанно-Предтеченской церкви и даже построили там новую Никольскую церковь [11, № 47. С. 220–221]. Впрочем, эти сооружения, по причине отсутствия антиминсов, выполняли функции часовен. Строительство храма в Черкасске было отложено. Во время Азовского осадного сидения в 1641 г. казаки вторично дали обет о построении в Черкасске соборной церкви во имя Обновления Храма Воскресения Христова с четырьмя приделами. Осадное сидение закончилось, но в продолжение 7 лет казаки так и не приступили к строительству. В 1649 г. на Дону началась моровая язва. Казаки, истолковав начавшуюся эпидемию как гнев Божий за неисполнение обета, в третий раз повторили его. Эпидемия прекратилась [16, с. 26].

В апреле 1650 г. донцы отправили в Посольский приказ челобитную, в которой сообщали царю Алексею Михайловичу, что «бить челом» их застала эпидемия чумы, которая прекратилась 27 декабря 1649 г. после повторенного обета воздвигнуть давно обещанный храм [7, с. 464]. При этом атаман Павел Федоров, сообщив о том, что казаки – «люди полевые... и им не в обычай» строить церковные строения, просил царя оказать содействие в возведении храма [7, с. 465]. Алексей Михайлович с готовностью поддержал инициативу, исходившую от казаков [14, с. 436]. До 1 мая 1650 г. он отдал все распоряжения,

касавшиеся постройки церкви и ее снабжения иконами, богослужебными книгами, утварью и др.

Воскресенский собор стал первым храмом в Земле донских казаков, снабженным антиминсами. Особо следует отметить, что его возведение обусловило небывалое до этого времени для донской земли событие: по приказу царя Алексея Михайловича патриарх Московский и всея Руси Иосиф 30 апреля 1650 г. выдал на строительство благословенную грамоту, текст которой сохранился до сегодняшних дней [7, с. 483–484]. Эта благословенная грамота стала свидетельством вхождения с 1650 г. Земли донских казаков в состав Патриаршей области Русской церкви. Факт подчинения патриарху подтверждался также приездом посланных в Черкасск «на вечное житье» для служения в выстроенном соборе священников [7, с. 484, 966]. Один из них – священник Максим [7, с. 654] 31 октября 1652 г. освятил Воскресенский храм [7, с. 556, 797]. Собор, возведенный при помощи царя Алексея Михайловича, играл важную идеологическую роль – он являлся свидетельством лояльности донцов московскому царю. Храм именовался не иначе как «царьское богоилье» [7, с. 700] и понимался как «царский удел».

Первое здание Воскресенского собора было деревянным, что обусловило его недолгое существование, учитывая, что густонаселенный Черкасск нередко подвергался пожарам. Построенный в 1652 г. храм полностью сгорал дважды: в 1670 г. и в 1687 г. [2, л. 24–29; 13, с. 174]. Вероятно, после второго пожара казаками было принято решение о возведении каменной церкви. 13 февраля 1688 г. на челобитную о постройке каменного собора была наложена резолюция царя удовлетворить просьбы казаков. При этом на строительство было выделено 100 руб. [17, с. 121].

Трехкратные посылки в Черкасск денег из Посольского приказа на строительство каменной церкви 9 марта 1688 г. [17, 121], в марте 1690 г. [17, с. 122] и 8 марта 1694 г. [17, с. 123] позволили В. Черницыной и Н. Коршикову выдвинуть предположение о том, что каменный Воскресенский собор начал строиться в 1688 г. и Петр I не имел к этому строительству никакого отношения. Однако это предположение противоречит логике возведения каменных церквей в регионах, для которых каменное строительство было нехарактерным, а также источникам. Прежде всего, авторы свидетельствуют о том, что в 1704 г. «донской атаман Никита Алексеев и есаул Семен Терентьев обратились с просьбой от Войска Донского о присылке на Дон каменщиков и кирпичников для строительства новой церкви в Черкасске ввиду отсутствия навыков у работающих при постройке украинских (малороссийских – А.Ш.) мастеров, делающих кирпич "плох и не тверд"» [17, с. 123]. По их мнению, просьба атамана указывает на начавшееся строительство. Однако приведенная цитата пред-

ставляется скорее свидетельством того, что с 1688 по 1704 г. строительство каменного собора не начиналось. Это подтверждают, прежде всего, слова о непригодности малороссийских мастеров. Даже для несведущих в каменном строительстве казаков начала XVIII в. было очевидно, что из «плохого и нетвердого» кирпича невозможно возвести церковь. Вероятнее всего, на протяжении 16 лет – с 1688 по 1704 г. – шла подготовка к строительству, в том числе, казаки искали мастеров, которые могли бы сделать качественный кирпич. Как показывает изучение истории строительства донских храмов, этот срок не является длительным для возведения каменных храмов, учитывая отсутствие в донских степях материалов для строительства (разработки строительного камня на Дону начались позднее). Длительная подготовка к строительству собора подтверждается и актом обследования его здания, проводившегося в связи с намечавшейся в 1890-х годах реставрации. Так, в документе сообщалось, что Воскресенский собор находится на небольшой площадке, где до построения собора был войсковой круг или майдан. «Предание говорит, что раньше на этом месте было болото, даже в то время, когда казаки намеревались построить на оном месте собор, оно представляло трясину; гатили трясину бутом и дубовыми шпалами» [156, л. 74 об.].

Мнение В. Черницыной и Н. Коршикова опровергается также источниками. Так, на надписи, «высеченной на камне и вделанной в каменную стену на паперти», было зафиксировано, что Воскресенский собор заложен в 1706 г. по указу императора Петра I, освящен 1 февраля 1719 г. и построен из камня «щанием Войска Донского и великим пособием императора Петра I, который прислал из Москвы план, мастеров, два колокола, связное железо, книги, утварь и все потребное, да к прежде отпущеной сумме 100 руб. деньгами» [3, л. 2 об.]. Эта же информация ежегодно фиксировалась в клировых ведомостях Воскресенского собора, сохранившихся в Государственном архиве Ростовской области [4, л. 12]. Знаковым является предание, зафиксированное на доске, находившейся в соборе, о том, что в 1709 г. Петр I при посещении Черкасса лично поощрял народ «к прочному и скорейшему окончанию» строительства собора и «собственными руками положил сам на алтарной стене его несколько камней и залил их известкою». Как писал прот. Г. Левитский, это предание часто повторялось священниками собора – протоиереями Иоанном Долотиным и Василием Рубашкиным, священниками Михаилом Красновым и Андреем Левицким [13, с. 175].

Как показывают источники и предание, зафиксированное прот. Г. Левитским во второй половине XIX в., Петр I действительно принимал участие в строительстве Воскресенского собора. Его участие заключалось, во-первых, в определении проекта собора [1, с. 305], в обеспечении строительства мастерами, связанным железом, а также колоколами, богослужебными книгами, утварью и

деньгами (100 руб. к прежде отпущеной сумме) [1, с. 305]. Особую ценность в памяти потомков имеет предание о том, что царь собственноручно заложил в алтарную стену собора несколько кирпичей.

В 1730 г. рядом с собором была выстроена колокольня. О времени ее строительства свидетельствовала надпись, там хранившаяся: «Во славу Святой Единосущной Животворящей и нераздельной Троицы Отца и Сына и Святого Духа при блаженной и вечно достойной памяти Ея Императорского Величества Государыни императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержиц Всероссийской начася колокольня сия строением донских атаманов и казаков при войсковом атамане Андрее Ивановиче сыне Лопатине 1725; а совершия при оном же атамане 1730 г. и подписася при милостивейшей Великой Государыне Императрице Анне Иоанновне Самодержице Всероссийской в 1733 января 1 дня» [15, л. 82 об.]. Колокольня выполняла не только функции звонницы. В ее обширных помещениях до конца XIX в. хранился войсковой архив [8].

Выдающимся произведением искусства, созданным для Воскресенского собора, является его иконостас. История его строительства связана с пожаром в Черкасске и взрывом порохового погреба в 1744 г. Как писал известный историк донского казачества А. Савельев, «12 августа 1744 г. страшный пожар истребил весь Черкасск. В каких-нибудь 2 часа сгорел до тла весь город и даже несколько близлежащих станиц. Сгорела соборная Воскресенская церковь, в которой хранились все богатства войска: жалованные грамоты и клейноты, вся богатая ризница и войсковая казна. Медные пушки растопились от огня» [16, с. 76]. Несмотря на большие потери в интерьере собора, его здание не пострадало. Императрица Елизавета Петровна грамотой 1746 г. вновь пожаловала войску грамоты и знаки атаманского достоинства [16, с. 76] и 1000 руб. «на исправление собора» [12, с. 2]. На эту сумму «с помощью войсковой», был сооружен великолепный ныне существующий пятиярусный иконостас. О его создателе говорит надпись на храмовом образе Воскресения Христова: «Писаны сия святыя иконы в Москве 1749 году, а писал их иконописец Егорий Иванов Грек» [9, с. 102]. Обследовавший и реставрировавший иконостас Воскресенского собора в начале XX в. известный иконописец-реставратор Г. И. Чириков свидетельствовал, что иконы в иконостасе поновлялись в конце XVIII – начале XIX вв. Мастера при этом повторяли старую иконографию. Следующий этап поновления относился к 1878 г. (под руководством живописца Павла Степановича Горюнова), и, по всей видимости, живопись этого времени осталась на основной массе икон пророческого и праотеческого чина [9, с. 106].

Помимо икон, большую ценность представляет «золоченый пятиярусный иконостас тонкой и вычурной резьбы с чеканными серебряными царскими дверями» [15, л. 18–18 об.]. В 1869 г. был позолочен нижний ярус иконостаса.

Работы составили 920 руб., пожертвованных ростовским мещанином Михаилом Милидиным [3, л. 2 об.]. В 1873 г. иконостас был обновлен (окраска и позолота). Стоимость работ составила 21 000 руб., выделенных из станичных сумм [3, л. 2 об.]. Масштабная реставрация иконостаса была предпринята в апреле 1917 г. Он реставрировался московскими реставраторами Григорием и Михаилом Иосифовичами Чириковыми. Как сообщали реставраторы в отчете Императорской Археологической комиссии, «столярство главного иконостаса в большей своей части уже исправлено: резьба восстановлена, левкас укреплен, позолота в утраченных местах возобновлена и подведена под тон прежней сохранившейся позолоты вполне удачно, так, что в общем исправленная часть иконостаса производит, как и требовалось, художественное впечатление, и не только «не спорит» с расчищенными и реставрированными иконами, но, напротив, служит для них отличной рамой в духе эпохи их написания, т.е. начала XVIII в.» [15, л. 56–57]. В советское время попытки реставрации иконостаса Воскресенского собора предпринимались художниками-реставраторами Ростова-на Дону в 1970-х гг. [17, с. 130]. Сегодня бесценный иконостас находится в печальном состоянии, поскольку после передачи памятника начала XVIII в. Русской православной церкви, государство не может проводить здесь ни реставрационные, ни охранные работы.

До 1922 г. Воскресенский собор обладал большим числом драгоценностей. Как свидетельствовал прот. Г. Левитский, описывавший имущество, там хранящееся, «Вообще в этом соборе находится серебра до 50 пудов, золота 6 фунтов 70 золотников, жемчуга до 20 фунтов, из драгоценных камней алмазов 226, брильянтов 96, яхонтов 1037, изумрудов и аметистов 207; из последних особенно замечательны: зеленый изумруд немного менее голубиного яйца и аметист более первого. Эти последние два камня... пожертвованы в собор сей 1812 г. графом Матвеем Ивановичем Платовым» [13, с. 176–177].

В 1805 г. Черкасск, после основания по инициативе М. И. Платова Новочеркасска, утратил свое значение. Вместе с городом, переименованным в станицу Старочеркасскую, перестал быть войсковым и Воскресенский собор. 9 мая 1806 г. во временный деревянный Вознесенский собор, построенный в Новочеркасске, были торжественно перенесены все войковые регалии [16, с. 111]. Причиной переноса столицы донского казачества стали наводнения. Черкасск ежегодно подвергался двум последовательным наводнениям: в конце февраля или начале марта (холодная вода) и в конце апреля (теплая вода). Первое наводнение было незначительным, обусловленным ранним таянием снега и вскрытием Дона в его нижнем течении. Второе – результатом разлияния Дона и его притоков [6, с. 5–6]. Во время наводнений затоплению неоднократно подвергался и Воскресенский собор.

Утрата Воскресенским собором статуса войскового привела не только к его запустению, но и к утрате наименования «собор». Постепенно в документах Донской духовной консистории он начал именоваться Соборо-Воскресенской церковью. Впервые вопрос о возвращении храму исторического статуса был поставлен в 1864 г. его настоятелем прот. Григорием Левитским. Архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий) по рассмотрении ходатайства протоиерея утвердил «этот храм по древности именовать и везде писать Старочеркасским Воскресенским собором, о чем и выдал указ от 12 ноября 1864 г.» [5, л. 1 об.]. Однако указ архиепископа не был приведен в исполнение [5, л. 1 об.]. Второй раз вопрос о возвращении Воскресенскому храму статуса собора был поднят в ноябре 1868 г. тем же протоиереем Г. Левитским, и был связан с подготовкой к проведению 150-летнего юбилея храма [5, л. 1 об.]. Как и в 1864 г., ходатайства не увенчались успехом [5, л. 3 об.]. Третий раз тот же вопрос был поднят в 1913 г. в связи с переименованием центральных церквей окружных станиц Области войска Донского в соборы. Поскольку к началу XX в. вопрос о присвоении храму статуса собора решался только Св. Синодом, ходатайство об этом было направлено в Санкт-Петербург. По его рассмотрении, Св. Синодом было вынесено следующее определение: «1) Воскресенский храм станицы Старочеркасской Донской епархии именовать соборным и 2) присвоить настоятелю сего собора права штатного протоиерея» [5, л. 25]. Таким образом, только с 12 декабря 1914 г. Воскресенский храм станицы Старочеркасской официально получил статус собора.

За 300 лет своего существования Воскресенский собор только в 1916–1917 г. реставрировался профессиональными мастерами, чьи работы контролировались Императорской Археологической комиссией. Подготовка к реставрации началась в 1897 г. 28 мая 1897 г. на реставрационном заседании Императорской археологической комиссии со стороны Военного Совета не только было озвучено, что «к предполагаемому ремонту препятствий не встречается», но и были предприняты попытки изыскать средства на «ремонт» [15, л. 1–3]. Примечательно, что «Военный Совет высказал, что при производстве ремонтных работ следует обратить особое внимание на то, чтобы сохранить по возможности собор в его прежнем историческом виде [15, л. 1–3]. В начале 1911 г. в Воскресенском соборе проводились неоднократные экспертные исследования, целью которых было определение объемов предстоящей реставрации [15, л. 20–20 об., 30, 36–37 об. 1–3]. Работы по восстановлению настенной живописи XVIII в. под хорами, икон иконостаса и храмовых образов, среди которых была икона, подаренная собору царем Алексеем Михайловичем Романовым, а также самого иконостаса, были поручены братьям Г. И. и М. И. Чириковым. Работы, согласно договору, должны были начаться не позже 15 июня 1916 г. и окончиться к 1 декабря 1917 г. [15, л. 42 об.].

Начавшаяся в 1917 г. Гражданская война и политические трансформации российского общества не способствовали сохранению памятника. После закрытия в конце 1920-х годов Воскресенского собора, который для атеистической советской власти не представлял интереса, он пришел в состояние полного упадка. Только после создания 30 декабря 1970 г. Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника в соборе была проведена реставрация иконостаса [17, с. 130]. Вновь увенчавшиеся политическими трансформациями 1990-е гг. стали причиной передачи Воскресенского собора Русской православной церкви в лице Старочеркасского мужского монастыря, находившегося в непростом процессе становления. Сегодня собор передан приходской общине.

Как видно, Воскресенский собор станицы Старочеркасской – уникальный памятник петровской эпохи на Юге России, до сегодняшних дней остается объектом культурного наследия, не оцененным в должной мере ни региональным правительством, ни органами охраны памятников истории и культуры Российской Федерации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. В 4-х ч. В. Б. Броневский / – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1834. – Ч. 1. – 270 с.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 226. – Оп. 2. – Д. 3552. – О доставлении в Русское Географическое общество описания мест церквей, монастырей и проч. дневников, путешествий, старинных карт и планов, заметок.
3. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 2. – Д. 5988. – Сведения о постройке и починке церквей по Донской епархии. 1869 г.
4. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11752. – Т. 1. – Клировые ведомости Аксайского благочиния за 1910 г.
5. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11940. – О Старочеркасском соборе. 1913 г.
6. Донская старина. Черкасск и войско Донское в 1802 году по описанию де-Романо / Сост. М. Калмыков. – Новочеркасск: Типография Ф.М. Туникова, 1896. – 42 с.
7. Донские дела. Кн. 4. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1913. – 1013 с.
8. Записка об архиве, находящемся при старочеркасском Воскресенском соборе // Донские епархиальные ведомости. 1877. № 15. С. 473–480. № 16. С. 495–506. № 17. С. 527–537.
9. Кирьянова С. А. Иконописец Егор Грек и иконостас Воскресенского собора Старочеркасска / С. А. Кирьянова // Донской временник. Год 2016. – Вып. 24. Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2015. – С. 102–106.

10. [Левитский Г., прот.]. Краткое историческое описание Старочеркасской соборной церкви во имя Обновления Храма Воскресения Христова / Г. Левитский // *Донские войсковые ведомости*. 1852. № 11. С. 117–120. № 12. С. 126–127. № 13. С. 135–138. № 14. С. 145–146.
11. Левитский Г., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок / Г. Левитский // *Донские войсковые ведомости*. 1866. № 22. С. 112–113. № 26. С. 141–142.
12. [Левитский Г., прот.]. Не так живи, как хочется, а как Бог велит!: [о Старочеркасском соборе, необходимости его ремонта и др. делах в связи с подготовкой к 150-летнему юбилею храма] / Г. Левитский // *Донские войсковые ведомости*. 1868. № 44. С. 2.
13. [Левитский Г., прот.]. Старочеркасск и его достопримечательности / Г. Левитский // *Донские епархиальные ведомости*. 1870. № 6. С. 170–179.
14. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). / Н. А. Мининков – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1998. – 512 с.
15. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (РО НА ИИМК РАН). – Ф. 1. 1897 г. – Д. 94.
16. Савельев А. М. Трехсотлетие Войска Донского. 1570–1870. Очерки истории донских казаков. / А. М. Савельев – СПб.: Типография Вольфа, 1870. – 124 с.
17. Ченицына В., Коршиков Н. Краса донского края (Из истории строительства и реставрации Воскресенского войскового собора) / В. Ченицына, Н. Коршиков // Богатый колодезь: Историко-краеведческий альманах. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1991.– С. 109–130.
18. Чибисова С. П. Летописец старочеркасского собора // Донской временник. Год 2016-й. – Вып. 24. Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2015. – С. 128–130.

REFERENCES

1. Bronevskiy V.B. *Istoriya Donskogo Voyska, opisanie Donskoy zemli i Kavkazskikh mineral'nykh vod* [History of the Don Host, description of the Don land and Caucasian mineral waters]. SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1834, iss. 1. 270 p.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti* (GARO) [State Archives of the Rostov Region]. F. 226, Op. 2, D. 3552. O dostavlenii v Russkoe Geograficheskoe obshchestvo opisaniya mest tserkvey, monastyrey i proch. dnevnikov, puteshestviy, starinnykh kart i planov, zametok [On the delivery to the Russian Geographical

Society of the description of the places of churches, monasteries, etc. diaries, travels, old maps and plans, notes].

3. GARO [*State Archives of the Rostov Region*]. F. 226, Op. 2, D. 5988. Svedeniya o postroyke i pochinke tserkvey po Donskoy eparkhii. 1869 g. [Information about the construction and repair of churches in the Don diocese. 1869 year.]

4. GARO [*State Archives of the Rostov Region*]. F. 226, Op. 3, D. 11752. T. 1. Klirovye vedomosti Aksayskogo blagochiniya za 1910 g. [Clearing records of the Aksai Deanery for 1910.]

5. GARO [*State Archives of the Rostov Region*]. F. 226. Op. 3. D. 11940. O Starocherkasskom sobore. 1913 g. [About the Starocherkassk Cathedral. 1913 year].

6. *Donskaya starina. Cherkassk i voysko Donskoe v 1802 godu po opisaniyu de-Romano* [Don antiquity. Cherkassk and the Don army in 1802 as described by de Romano]. Novocherkassk: Tipografiya F.M. Tunikova, 1896. 42 p.

7. *Donskie dela*. Kn. 4. [Don affairs. Book. 4.]. SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1913. 1013 p.

8. *Zapiska ob arkhive, nakhodyashchemsya pri starocherkasskom Voskresenskom sobore* [Note about the archive located at the Starocherkassk Resurrection Cathedral] // *Donskie eparkhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette], 1877, no. 15, pp. 473–480, no. 16, pp. 495–506, no. 17, pp. 527–537.

9. Kir'yanova S.A. *Ikonopisets Egor Grek i ikonostas Voskresenskogo sobora Starocherkasska* [Icon painter Yegor the Greek and the iconostasis of the Resurrection Cathedral of Starocherkassk] // *Donskoy vremennik*. God 2016. Vyp. 24. Kraevedcheskiy al'manakh [Don time. Year 2016, issue. 24. Local history almanac]. Rostov-na-Donu, 2015, pp. 102–106.

10. [Levitskiy G., prot.]. *Kratkoe istoricheskoe opisanie Starocherkasskoy sobornoj tserkvi vo imya Obnovleniya Khrama Voskreseniya Khristova* [A brief historical description of the Starocherkassk Cathedral Church in the name of the Renewal of the Church of the Resurrection of Christ] // *Donskie voyskovye vedomosti* [Don military statements], 185, no. 11, pp. 117–120, no. 12, pp. 126–127, no. 13, pp. 135–138, no. 14, pp. 145–146.

11. Levitskij G., prot. *Monastyrskoe urochishhe ili Monastyrskij gorodok* / G. Levitskij // *Donskie voyskovye vedomosti*. 1866. № 22, pp. 112–113, № 26, pp. 141–142.

12. [Levitskiy G., prot.]. *Ne tak zhivi, kak khochetsya, a kak Bog velit!: [o Starocherkasskom sobore, neobkhodimosti ego remonta i dr. delakh v svyazi s podgotovkoy k 150-letnemu yubileyu khrama]* [Do not live as you want, but as God commands !: [about the Starocherkassk cathedral, the need to repair it and other matters in connection with preparations for the 150th anniversary of the temple]] // *Donskie voyskovye vedomosti* [Don military statements], 1868, no. 44, p. 2.

13. [Levitskiy G., prot.]. *Starocherkassk i ego dostoprimechatel'nosti* [Starocherkassk and its sights] // *Donskie eparkhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette], 1870, no. 6, pp. 170–179.
14. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)]. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1998. 512 p.
15. *Rukopisnyy otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk* [Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (RO NA IIMK RAS)], F. 1. 1897, D. 94.
16. Savel'ev A. M. *Trekhsotletie Voyska Donskogo. 1570–1870. Ocherki istorii donskikh kazakov* [Three centenary of the Don Army. 1570-1870. Essays on the history of the Don Cossacks]. SPb.: Tipografiya Vol'fa, 1870. 124 p.
17. Chenitsyna V., Korshikov N. *Krasa donskogo kraja (Iz istorii stroitel'stva i restavratsii Voskresenskogo voyskovogo sobora)* [The beauty of the Don region (From the history of the construction and restoration of the Resurrection military cathedral)] // *Bogatyy kolodez': Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh* [Rich Well: Almanac of History and Local Lore]. Rostov n/D: Kn. izd-vo, 1991. S. 109–130.
18. Chibisova S. P. *Letopisets starocherkasskogo sobora* [Chronicler of the Starocherkassk Cathedral] // *Donskoy vremennik*. God 2016. Vyp. 24. Kraevedcheskiy al'manakh [Don time. Year 2016, issue 24. Local history almanac]. Rostov-na-Donu, 2015, pp. 128–130.

ИСТОРИЯ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ И ПАМЯТНИКОВ НАУКИ И ТЕХНИКИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА НА ЮГЕ РОССИИ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РАЗВЕДКА МЕСТ РАСПОЛОЖЕНИЯ ШАНЦЕВ, ПОСТРОЕННЫХ В 1796 ГОДУ ПОД АЗОВОМ

Андрей Вадимович Венков

Г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В ходе исследования хуторов в дельте Дона и попыток найти места, относящиеся к осаде Азова, на правом берегу Дона, в углу, образуемом Доном и Церковным Ериком, обнаружено некое искажение ландшафта – правильной формы кусок степи среди болотистой местности, покрытой камышом. Сверяя современное расположение этого объекта со старинными картами, относящимися к исследуемому периоду, удалось выяснить, что объект совпадает с указанным на карте местом расположения «Гордонова шанца», построенного в июне 1696 года. Более тщательная разведка местности показала, что напротив Гордонова шанца, на левом берегу Дона, в углу, образуемом Доном и речкой Узяк, находится такой же участок степи, но менее правильной формы. На карте это место совпадает с местом строительства «Царева шанца». Исследование продолжается.

Ключевые слова: Осада Азова, шанцы, ландшафт, море, флот.

PRELIMINARY EXPLORATION OF THE LOCATIONS OF THE ENTRENCHMENTS BUILT IN 1796 NEAR AZOV

Andrey V. Venkov

Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. During the study of farmsteads in the Don delta and attempts to find places related to the siege of Azov, on the right bank of the Don, in the corner formed by the Don and the Church Erik, a certain distortion of the landscape was discovered - a regular piece of steppe among the marshy area covered with reeds. Comparing the current location of this object with old maps dating back to the period under study, it was possible to find out that the object coincides with the location of the "Gordon's Trench", built in June 1696, indicated on the map. A more thorough reconnaissance of the area showed that opposite the Gordon's trench, on the left bank of the Don, in the corner formed by the Don and the Uzyak River, there is the same section of the steppe, but less regular in shape. On the map, this place coincides with the construction site of "Tsarev Trench". Research is ongoing.

Key words: Siege of Azov, trenches, landscape, sea, fleet.

В 2017 году лаборатория казачества ЮНЦ РАН исследовала казачий хутор Донской, бывший Государев, и попыталась обнаружить места, относящиеся к Азовским походам Петра Первого в 1695–1696 гг. Была проведена попытка определить место морского боя 20 мая 1696 г., когда донские казаки атаковали 24 турецкие посудины. Шесть из них смогли проскользнуть в Азов, остальные были захвачены или ушли в море. Попытка найти это место оказалась неудачной из-за приблизительной характеристики места боя источниками.

Известно, что, приступив к осаде Азова в 1696 году, Петр Первый опасался подхода к осажденным подкреплений или подвоза им припасов.

Разгром турецких кораблей не исключал повторного морского сражения или попытки турок высадить из мелких посудин десант на пологий берег, который тянется от устья Каланчи до устья самого Дона. (См. рис. 1). На НИС «Профессор Панов» была сделана попытка определить место высадки возможного десанта, который надо было предотвратить.

Анализ береговой полосы показал, что строительство русскими укреплений непосредственно на берегу моря было трудно из-за отсутствия материалов и опасно. При «низовке» и подъеме уровня воды турецкие корабли могли подойти к берегу достаточно близко и разрушить укрепления артиллерийским огнем.

Рис. 1. Место возможной высадки турецкого десанта.

Для того чтобы морскую блокаду Азова сделать более эффективной и не допустить прорыва в осажденный город отрядов противника с неприятельских судов, Петр приказал в устье реки построить форт. Против этого форта на другой стороне судоходного рукава сооружен был другой форт, и таким образом всякие сношения Азова с турецким флотом были прекращены

В письме патриарху Адриану от 4 июля 1696 года Петр I по этому поводу писал: «Великороссийские и малороссийские конные и пешие наши войска, союзясь вместе, обретаются в военном промысле под Азовом мая с последних чисел, и над неприятелем промысел чинится немедленной; город Азов осажден накрепко; въезду в него и выезду из него нет, да к нему же со всех сторон валят засыпной вал; а ниже Азова, на Дону реке, где неприятельские морские суды к Азову проходили, сделаны вновь земляные города и одержаны людьми и пушками многими, и неприятельские водяной и сухой пути отняты».

Уточнение мы находим в письме Никиты Моисеевича Зотова, воспитателя Петра Великого, к преосвященному Митрофану, епископу Воронежскому, о взятии Азова: «Преподобнейшему Митрофану, Божиєю милостию епископу

Богом спасаемого града Воронежа и прочих городов твердого стояния в благочестии церкви Христовы восточные, здравия же душевного спасения от Господа Бога всеусердно желаю: Известно вашей святости буди: сего настоящего СДго, (204), году, июня с 9 числа, по пришествии великого государя нашего, его царского величества, в поганскую землю магометанские мерзости под град Азов с велико-российскими и малороссийскими конными и пешими войсками, осажден был тот город накрепко. Въезду в него и выезду из него не было; да к немуж со всех сторон привален был вал земленой засыпной, а ниже Азова на Дону реке, где неприятельские морские суда к Азову приходили, сделаны были вновь три земляные города, и одержаны людьми и пушками многими; такаю море и устье Донские все московскими морскими судами, а на них людьми и пушками многими были заперты, и неприятельские, водяной и сухой, пути отняты [1].

Еще в одном письме того периода находим новое уточнение, что это были за «города» и где они располагались. «Ратные люди подошли шанцами близ азовских, городовых стен и роскаты поделали и пушки и мозжеры на роскатах поставили и город Азов со всех сторон осадили накрепко, въезду в него и выезду из него нет. А ниже Азова на Дону реке, где неприятельские морские суда к Азову приходили, сделаны вновь два земляные города, а третий против Азова за Доном прежний; укреплены и одержаны те все города людьми и пушками многими» [2].

Итак два «города» перекрыли Дон ниже Азова, а третий был построен против Азова на северной стороне (на правом берегу) Дона.

Известно время строительства. Генерал Гордон «2 июня 1696 года начал возводить форт на правом берегу Дона ниже Азова, а сам царь присматривал за постройкой такого же форта напротив, на левом берегу. Через десять дней обе «фортеции» были готовы, и выход из Азова к морю оказался под перекрестным огнем с обоих берегов» [3, с. 296].

Возведенные форты («земляные города») были названы Царский шанец и Гордоновский шанец. Сам термин «земляные города» показывает, что укрепления возводились из земли, путем рытья рва и возведения вала за счет добываемой земли.

Картографический материал того времени недостаточно точен. Однако на представляемой примитивной карте видно, что Царский шанец находится между двумя рукавами реки, отходящими от Азова. От Азова отходит и в Дон впадает река Узяк. (См. рис. 2).

Таким образом, Царский шанец был построен между реками Дон и Узяк.

Рис. 2. Карта 1698 года.

Учитывая тактико-технические данные артиллерию времен Петра Первого (дальность артиллерийского огня до 800 метров) и задачи построенных укреплений (перекрыть подвоз подкреплений по Дону), можно предположить, что Царский шанец был построен так, чтобы держать под огнем наибольшее пространство течения Дона и прикрывать огнем Гордоновский шанец на правом берегу Дона. То есть **между шанцами расстояние, включая ширину Дона, не может превышать 800 метров.**

Наиболее вероятным местом строительства Царского шанца, таким образом, было место между р. Узяк и поворотом р. Дон, который (поворот) в 500 метрах выше места впадения Узяка в Дон. Таким образом, шанец с трех сторон был прикрыт водой.

Гордоновский шанец должен был строиться на правом берегу Дона «зеркально» относительно Царского шанца, чтобы в свою очередь прикрывать его огнем.

При помощи НИС «Профессор Панов» была проведена экспедиция в х. Донской с целью определения места «шанца». Имея достаточный материал по х. Донской, мы легко определили, что прямо напротив места впадения реки Узяк в Дон туда же, но на правом берегу, впадает Церковный ерик. Таким образом, Гордоновский шанец должен быть восточнее Церковного ерика. Кроме того, Узяк и Церковный ерик служат водной преградой в случае атаки неприятеля на шанцы с запада по сушке.

Рассмотрев данные воздушной съемки х. Донской в период схода снега, которые опубликованы в книге «Социально-исторический портрет дельты Дона. Казачий хутор Донской» [4, с. 46, 119], восточнее Церковного ерика можно увидеть контуры трех угловых бастионов (См. рис. 3).

По данным Google, обнаруженным в интернете, на этом месте действительно наблюдается квадратная возвышенность ландшафта. Некие анонимные исследователи обнаружили в верхней части х. Донского (Ермолова) еще один шанец (См. рис. 4), расположенный якобы прямо на берегу Дона, но не обратили внимания на заинтересовавшую нас квадратную возвышенность.

Рис. 3.

Рис. 4.

По Прутскому договору России в 1712 году пришлось вернуть Азов, уничтожить флот, срыть все укрепления на берегах Азовского моря и платить Крыму ежегодную дань. Но следы укреплений должны были остаться.

Поскольку создание шанца предполагало рытье рвов и образование за счет вырытой земли возвышенности для удобства ведения артиллерийского огня, обнесенной земляным валом, в настоящее время, после сноса укреплений, мы имеем дело с разными, с точки зрения почвы, ландшафтами. Это материковая почва, поросшая камышом и кустарником, и огромный квадрат насыпной земли с более бедной органикой (степь).

Учитывая это, проводя опросы местных жителей, мы просили указать куски степи среди зарослей камыши. Показания жителей совпали с данными Google. Севернее Дона и восточнее Церковного ерика мы обнаружили квадратный по форме кусок степи со сторонами примерно в 200 шагов (См. рис. 5–8).

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Визуально и шагами мы определили, что один (юго-западный) угловой бастион форта находится примерно в 250 шагах от Дона, а другой (северо-западный) – на таком же расстоянии от Церковного ерика.

Рис. 9. Ерик «Церковный».

Рис. 10. Напротив «Гордонова шанца» виден левый берег Дона, где расположен х. Узяк.

Установив эту привязку и учитывая «зеркальное» расположение шанцев, мы отправились в селение Узяк. (См. рис. 10)

Мы поднялись на лодке вверх по течению реки Узяк метров на 200–250 (по воде определить трудно) и стали расспрашивать жителей, есть ли у них среди камыша и других зарослей кусок степи. Они сразу же указали нам такое место.

Место называется «Луг» (См. рис. 11–12).

Рис. 11.

Оно находится между строениями хутора и прибрежной затопляемой низменностью под названием «Яма», севернее хуторского кладбища.

Рис. 12.

Его привязка по отношению реки Узяк и реки Дон (к северу и к востоку от «Луга») в целом совпадает с привязкой предыдущего объекта относительно Церковного ерика и реки Дон.

Степной ландшафт на левом берегу, у хутора Узяк, выражен не так ярко, как в хуторе Донском, поскольку х. Донской расположен на острове, население в основном занимается рыболовством, и ландшафт севернее хутора практически не тронут. А х. Узяк расположен на густо заселенном берегу Дона, население здесь занимается скотоводством и земледелием, и степной ландшафт здесь эксплуатируется.

Оба шанца находятся друг от друга примерно на расстоянии в 700–800 метров.

Таким образом, мы приблизительно визуально определили место Царского шанца и Гордоновского шанца.

Дальнейшее исследование нуждается в проведении профессиональной топографической съемки и дополнительных по Узяку данных воздушной фотосъемки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Zotov_N_M/brief_einnahme_azov_10_08_1696_II.htm
2. <https://proflib.net/chtenie/23246/vadim-kargalov-polkovodtsy-xvii-v-101.php>
3. Венков А. В. Азовское сидение. М.: Вече, 2017.
4. Матищов Г. Г., Власкина Т. Ю., Венков А. В., Власкина Н. А. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.

REFERENCES

1. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Zotov_N_M/brief_einnahme_azov_10_08_1696_II.htm
2. <https://proflib.net/chtenie/23246/vadim-kargalov-polkovodtsy-xvii-v-101.php>
3. Venkov A.V. *Azovskoe sidenie. [Azov seat]*. Moscow, Veche, 2017.
4. Matishov G.G., Vlaskina T.Yu., Venkov A.V., Vlaskina N.A. *Social'no-istoricheskij prortret del'ty Dona: kazachij hutor Donskoj. [Socio-historical portrait of the Don delta: the Donskoy Cossack farm]*. Rostov-on-Don, Publishing house of the SSC RAS, 2012.

УДК 910.3

**КАНАЛ КАМЫШИНКА – ИЛОВЛЯ И ЦАРИЦЫНСКАЯ
СТОРОЖЕВАЯ ЛИНИЯ В ДНЕВНИКАХ АКАДЕМИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
1768–1774 ГГ.**

Сергей Николаевич Моников
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос упоминания в дневниках руководителей Академических экспедиций 1768–1774 гг. о двух инженерно-технических сооружениях времени правления Петра I – канала между Волгой и Доном (1697–1701 гг.) через их соответствующие притоки Камышинку и Иловлю и Царицынской оборонительной линии (1718–1720 гг.).

Ключевые слова: Царицынская линия, Пётр I, Царицын, Паньшин городок, Волго-Донской канал, Иловля, Камышинка, И. Бреккель, Дж. Перри, Академические экспедиции 1768–1774 гг., В. Г. Орлов, И. И. Лепёхин, И. А. Гильденштедт, С. Г. Гмелин, И. П. Фальк, П. С. Паллас, Г. М. Ловиц, Е. И. Пугачёв, Н. Я. Озерецковский.

UDC 910.3

**THE KAMYSHINKA – ILOVLYA CANAL AND TSARITSYN DEFENSE
LINE IN THE DIARIES OF THE ACADEMIC EXPEDITIONS
OF THE ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES OF 1768–1774**

Sergey N. Monikov
Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article examines the mentions of two engineering structures built during the reign of Peter I, namely the canal connecting the Volga with the Don (1697-1701) between their respective tributaries Kamyshinka and Ilovlya and Tsaritsyn Defense Line (1718–1720), in the diaries of the leaders of the Academic Expeditions of 1768–1774.

Key words: Tsaritsyn Defense Line, Peter I, Tsaritsyn, Panshin Gorodok, Volga-Don Canal, Ilovlya, Kamyshinka, I. Brekkel, J. Perry, Academic Expeditions of 1768–1774, V. G. Orlov, I. I. Lepyokhin, J. A. Güldenstädt, S. G. Gmelin, J. P. Falck, P. S. Pallas, G. M. Lowitz, Ye. I. Pugachev, N. Ya. Ozeretskovsky.

Интерес к истории и географии нашего края появился рано, но научное изучение его началось лишь с эпохи Петра I (1672–1725). В поле зрения путешественников попадали, в основном, две крупнейшие реки Европы – Волга и Дон, географические сведения о которых были известны ещё со времён древнегреческого историка и географа Геродота. Сведения иного рода были ещё крайне скучны.

До 1768 г. географических исследований в Волго-Донском поречье не проводилось, за исключением посещения региона с медико-ботаническими и флористическими целями лейб-медиком Петром I Г. Шобером (1717–1720), военным

медиком И. Я. Лерхе (1733–1735; 1745–1747), директором Московского аптекарского сада Т. Гербером (1739–1741). В 1765 г. сбором растений и животных в междуречье Волги и Дона занимался немецкий натуралист И. Р. Форстер [1, с. 8-11].

Наиболее плодотворными и до сих пор не превзойдёнными по охвату территории и полученным результатам стали Академические экспедиции 1768–1774 гг. Её отряды возглавляли крупнейшие естествоиспытатели того времени П. С. Паллас (1741–1811), И. И. Лепёхин (1740–1802), И. А. Гильденштедт (1745–1781), С. Г. Гмелин (1744–1774) и И. П. Фальк (1727–1774). По территории нашего региона отряды проследовали в разное время: 1769 г. (Лепёхин, Гильденштедт, Гмелин, Фальк), 1770 г. (Фальк), 1772 г. (Гмелин), 1773 г. (Фальк, Паллас). Многое из увиденного было зафиксировано и опубликовано в их дневниках и записках.

Академические экспедиции 1768–1774 гг. обогатили не только отечественную, но и мировую науку сведениями о природе, и вообще о географии России. Экспедиции были разделены на пять отрядов, которые работали автономно. Они получили названия «оренбургских» и «астраханских» по региону их основной исследовательской деятельности. Их маршруты охватили огромные территории от севера Европейской части России до Кавказа, Украины и Астраханского края, Урала и Приуралья, Сибири, вплоть до Байкала и Кяхты.

По территории Волго-Донского поречья отряды проследовали в 1769 г. (Лепёхин, Гильденштедт, Гмелин, Фальк), в 1770 г. (Фальк), в 1772 г. (Гмелин)

и в 1773 г. (Фальк, Паллас). Маршруты отрядов частично совпадали в пространстве, но не во времени. Руководители должны были наблюдать природу в разное время года, что делало исследование наиболее полным. В рамках обозначенного времени мы затронем ещё одного участника академической кампании – Г. М. Ловица (1722–1774).

Хотя Академические экспедиции носили комплексный характер, мы коснёмся только исторического их аспекта и остановимся на упоминании в дневниках их руководителей о двух великих Петровских стройках в регионе – канала между Волгой и Доном и так называемой Царицынской «сторожевой» линии (ЦСЛ). Мы здесь не будем рассматривать историю строительства двух каналов – И. Бреккеля и Дж. Перри – времён Петра I и причины их неудач. Об этом нам много историки рассказали. Для географов же польза от второго досталась в виде первого почти научного описания природных условий Нижнего Поволжья. По их поводу Дж. Перри писал: *«В полосе, находящейся между Камышенкой и Терки, климат отличный, почва плодородная и страна эта весьма приятна для жизни. Весною, как только сойдёт снег (который в этой местности покрывает землю не более, как в течение двух, трёх месяцев в году), то непосредственно за тем наступает тёплая погода; тюльпаны, розаны, ландыши, гвоздика и многие другие цветы и травы, в большом разнообразии вырастают в поле, как в саду. Спаржа лучшая, какую мне случалось есть, растёт так густо, что во многих местах можно было бы косить её; простая луговая трава столь высока, что доходит по брюхо лошадям; миндалевые и вишнёвые деревья растут в большом количестве, но они редко бывают высоки и плоды на них некрупные. Осеню созревают разные хлебные зёрна и овощи, которые при обработке земли могли бы быть весьма улучшены. В этих местах большое разнообразие птиц всякой дичи; водятся также рыжие небольшие олени, лоси, волки, кабаны, дикие лошади и дикие овцы»* [2, с. 60]. История же строительства ЦСЛ хорошо на наш взгляд освещена в диссертации и монографии по её мотивам «Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 и первые годы существования» у Т. И. Лавриновой (2012). В основе содержания книги – материалы кандидатской диссертации Т. И. Лавриновой (1990) с одноимённым названием, а также научные публикации автора за период с 1987 по 2007 гг.

Теперь остановимся на отражении результатов строек Петра в трудах руководителей Академических экспедиций по мере пребывания их в регионе. Два примера несколько выбиваются из заглавия материала, но я посчитал нужным их привести: это путешествия в 1767 г. графа В. Г. Орлова и в 1782 г. академика Н. Я. Озерецковского, который участвовал в качестве «стажёра» в течение 5 лет (1768–1773 гг.) в экспедиции под руководством И. И. Лепёхина.

Граф В. Г. Орлов (1743–1831) сопровождал императрицу Екатерину II (1729–1796), отправившей через год Академические экспедиции, в путешествии по Волге (2 мая – 5 июня – по ст. ст.) из Твери в Синбирск (ныне Ульяновск – С.М.) на эскадре пассажирских и транспортных судов. После обеда 14 июня на правом берегу Владимир Орлов, путешествовавший к этому времени самостоятельно, заметил «...очень похожее посреди гор на столбы, оставшиеся от старого здания и в великом числе, только они должны быть тут природные» [3, с. 51]. Это были знаменитые Столбичи, ставшие во второй половине XX в. памятником природы. На следующий день причалили к берегу у села

Галка: «...здесь находятся 44 семьи, только видно мужики состояния не лучшего, а особенно несколько фамилий шведских...» [3, с. 52]. Следующая остановка село Добринка (Нижняя Добринка – авт.): «...тут ходил я на поля, здесь всякого хлеба много засеяно и, насколько я глазом видеть мог, то всё было хлебом засеяно, и хлеб всякий стоит очень хорошо; здесь находится 60 семей и 1 пастор и все почти лютеранской веры...» [3, с. 52]. Отобедав в Добринке, поехали на канал, что находился в 40 вёрстах отсюда, прибыв туда к 6 часам вечера. Здесь гостей уже встречал комендант Дмитриевской крепости. Из дневника: «...тут видели очень не глубоко и не широко вырытый канал, который против течения и Лавли пришёл и с нею соединяется; мы, отъехав от Лавли по нём поболее версты наехали на канал, который с ним (с другим каналом) соединяется; этот ширины, Комендант мне сказывал, 8 сажен, а 2 глубины; я его весь проехал, и с самого начала до конца последнего канала 4 версты, ничего не опал и ничем не порос от конца до Камышинки, разве немного более версты будет, отсюда вправо прокопано также не очень глубоко и не широко к другому большому каналу, который немного поближе к Камышинке лежит, сей глубиною, сказывал комендант, 7 сажен, а шириною около 10 будет...» [3, с. 53-54]. Здесь же у канала пообедали и, не заезжая в Дмитриевск (с 1780 г. Камышин – С.М.), 16 июня во втором часу ночи Владимир Орлов, в сопровождении волжских казаков приехал в Антиповку, где заночевал.

Дальнейшее описание канала и Царицынской линии найдём у руководителей отрядов Академических экспедиций. Первым в нашем списке по времени посещения региона будет И. И. Лепёхин. В конце мая 1768 г. он плыл на лодке из Сызрани вниз по Волге, останавливаясь в волжских сёлах на ночлег. В Саратове лодка была продана, и далее путешественники двинулись обозом степными дорогами. Проехали несколько сёл немецких колонистов, показался Дмитриевск. «*Дорога к нему, – писал Лепёхин, – лежала подле заведённого канала ещё... императором Петром Великим, в намерении соединить реку Камышенку... с Илавлою... и тем открыть сообщение внутренних российских мест с Азовским и Чёрным морями... Каналов заведено два, из которых один нарочито вырыт глубоко, и в нём беспрестанная стоит вода, заходящая в половодье из разливающейся Илавлы. Другой прорыт не так глубоко и совсем безводен. Оба конца сих каналов ещё не доведены до их предмета, то есть, ниже до Илавлы, ниже до Камышенки*» [4, с. 397-398]. Из Дмитриевска Лепёхин проследовал на озеро Эльтон, после осмотра которого он вернулся назад и направился в Царицын, где его давно ожидали студент Николай Озерецковский и чучельщик Филипп Федотьев, посланные туда ещё весной. К приезду руководителя отряда они многое преуспели, составив коллекцию фауны нашего края. Но путь до Царицына, по тем временам, был неблизок. Оставив 7 июля 1769 г. Дмитриевск, экспедиция вышла к Иловле. В течение нескольких дней отряд добирался до Царицынской линии через многочисленные казачьи хутора. Вскоре показалась Донская крепость Царицынской линии, протянувшейся на 60 вёрст до Волги. Лепёхин писал: «*Линия сия состоит из земляного вала с палисадом, имеет ещё четыре крепости: Мечётную, Грачи, Калдыбанскую и Осокорь. Между сими земляными крепостцами расположено 25 форпостов. Царицынская линия ныне служит пределом кочевью некрещёных калмыков на загорной стороне, а прежде была защитой от набегов кубанских. По ту сторону и по другую линии совершенная степь, и лесу нигде не видно, кроме как в буераках, которые наполнены терновником, боярыней и дикими яблонями...*» [4, с. 432]. В середине июля экспедиция прибыла в Царицын, где соединилась с другими участниками.

Другой руководитель экспедиционного отряда С. Г. Гмелин в том же году прошёл по правому берегу Дона до Азова, откуда в начале августа держали путь к основному месту работы экспедиции – Астрахани. Три недели отряд шёл до станицы Качалинской, переправившись через Дон у станицы Беляевской (ныне Трёхостровская – С.М.). Гмелин писал: «*При станице Беляевской переправился я через Дон, и того же дня прибыл в станицу Качалинскую, а из оной по прошествии двух дней, едучи вдоль Царицынской линии, в город Царицын*» [5, с. 10].

И. П. Фальк оставил нам подробное географическое описание реки Медведицы от истока до устья, среднего течения Дона от места впадения в него Медведицы до станицы Качалинской, а также Волги в пределах региона. Так, 12 ноября 1769 г. экспедиция Фалька переправилась на левый берег Дона, прибыла в станицу Качалинскую, где остановилась на отдых до 14 ноября. В течение суток, двигаясь вдоль Царицынской линии, путешественники достигли Царицына. Но записей о ней на этом участке маршрута он не оставил. Упоминание о линии и канале есть у него во время его плавания в 1773 г. из Казани в Астрахань. Из «Записок»: «*Речка Камышенка на правом берегу Волги течёт по глубокой долине и летом почти высыхает; оная простирается на 20 вёрст, приближается к Донской речке Илавле и достопримечательна потому, что Пётр Великий хотел соединить Камышенку с Илавлою каналом, коего начало и теперь ещё существует и таким образом сделать сообщение Волги с Доном и Каспийского моря с Чёрным. После того дело сие было оставлено, но потом опять предпринято в 1768 году Профессорами Ловицом и Иноходцевым... Царицын, Калмыцки Акиш и Акаш, стоит на правом берегу Волги возвышенном в 15 сажен и более, выше устья Царицы... Царицын есть самая большая крепость на Волге... Выше города имеется худой форштадт (пригород – С.М.), а подалее оного выстроена большая деревянная гостиница на случай путешествия Императрицы, но по назначению своему никогда употребляема не была, и ныне вся разваливается. Укрепление состоит в высоком земляном вале и глубоком рве; в нём находится гарнизон, состоящий из двух батальонов. Также и Царицынская линия принадлежит к её укреплениям. Самый город мал*» [6, с. 120, 127-128].

И. А. Гюльденштедт попал в междуречье Волги и Дона в октябре 1769 г., заметив, что степь между этими реками имеет значительную высоту над уровнем воды, и, следовательно, если бы пришлось бы рыть канал между реками длиной около 60 вёрст, то он был бы очень глубокий. У Качалинской станицы

его отряд переправился через Дон и по дороге в Царицын вдоль Царицынской линии (11-го заночевал в Грачёвской крепости – С.М.). Гильденштедт осмотрел и описал Грачёвскую крепость с её длинным валом и рвом. Потом он пересёк речку Мечётку (Мокрая Мечётка – С.М.), и 12 октября прибывает в Царицын, в котором остановился на отдых на 4 дня, перебравшись затем в Сарепту [7, с. 28; 8, с. 265].

Последним в регион прибыл П. С. Паллас в июле 1773 г. В начале августа он предпринял путешествие от Сарепты до Дмитриевска, прибыв туда 7 августа. Из дневника Палласа о канале: «*Тем большую бы получали здешние жители пользу, если бы к окончанию приведён был тот канал, который (назначен по плану Императора Петра великого, а довершение его осталось великой его преемнице) должен был соединить Дон с Волгой посредством сообщения с Иловлей. Тут я нашёл господина профессора Ловица с г. адъюнктом Иноходцевым, приготовляющих измерять наклонение страны, через которую сей канал должен проведен быть; ещё видно начало сего канала, сделанное во время государя императора Петра английским капитаном Перри. Положение долины, по которой ручей Камышинка протекает, довольно рыхлое сложение вершин Камышинку от Иловли отделяющих их водой обилующие источники, подают к произведению в действо сего великого дела основательную надежду» [9, с. 216-217].*

П. С. Паллас остановился в регионе на длительный срок (почти 11 месяцев – С.М.), проведя значительный объём работ согласно инструкции Академии наук. 4 июня 1774 г. он выехал из Царицына по почтовому тракту на Москву. Маршрут возвращающейся экспедиции в пределах нашего края был следующим: вдоль Царицынской линии – ст. Иловлинская – ст. Кумылженская – ст. Алексеевская – ст. Урюпинская – ст. Михайловская. Из дневника Палласа о линии: «*Почтовая дорога простирается по возвышенной стране, вдоль по линии, через вершину глубокого буерака и обоих ручьёв Мечётных, из коих на ближайшей находится первая, в двенадцати вёрстах от Царицына лежащая и по оному ручью названная крепость, вторая же крепость, по правую сторону дороги лежащая, имеет деревянную часовню, стоящую при ключе, выходящем из каменистого серого песчаного берега и построенную потому, что там одному старому арбузному огороднику, явился образ Богородицы... В 3-х вёрстах от Царицына, по ту сторону крепости Грачёвки, переночевал я сего дня при ручье того же имени, и ожидал ради разломавшейся оси назади оставшихся повозок. Ручей Грачёвка, в коего берегах, так как и во*

всех в Дон текущих ручьях, да и в самой реке водится много вкусных раков, имеет течение своё, по-видимому, высшее, нежели ручьи Мечётные, к Дону... 5 числа продолжал я путь свой по многих скучных остановках (ибо от суши и жару повозки рассохлись) вдоль линии на Сокору (речка Сакарка – С.М.), где при ручье также подстава, а в сторону от сей крепостица находится» [9, с. 333-334].

Упоминавшийся выше Г. М. Ловиц был руководителем особой астрономической экспедиции (всего их было 10 – С.М.), проводившей в 1769 г. наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в Гурьеве (с 1991 г. город Атырау в Казахстане – С.М.). К слову сказать, вышеупомянутые Академические экспедиции 1768–1774 гг. состоялись благодаря организации астрономических наблюдений за редким явлением, когда планета Венера находится точно между Солнцем и Землёй, закрывая собой крошечную часть солнечного диска. Это позволило определить расстояние от Земли до нашего небесного светила. М. В. Ломоносов (1711–1765) не ограничился организацией астрономических наблюдений по всей стране, а подготовил инструкции и для экспедиций по изучению производительных сил России, или, как они назывались в официальных документах XVIII в., «физическими экспедициями Академии наук». По порядку их возникновения, эти «физические» экспедиции являлись как бы придатком или дополнением к астрономическим, но по своим результатам имели и до сих пор имеют совершенно исключительное значение как первое всестороннее, научное обследование почти всей территории Российской империи [10, с. 95].

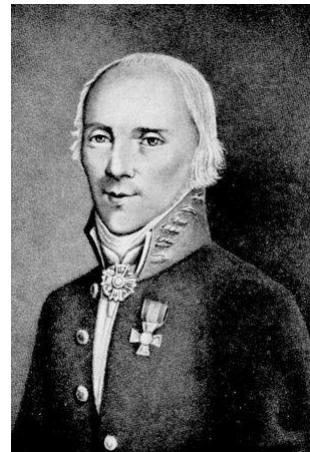
23 мая 1769 г. астрономическая экспедиция Г. М. Ловица успешно проводит в Гурьеве наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца. Итоги проведённых в этом пункте астрономических наблюдений были признаны Академией наук более удачными, чем результаты работ других отрядов и опубликованы в 1770 г. В Инструкции же указывалось, что по окончании наблюдения над Венерой в Гурьеве они должны направиться в Астрахань, а оттуда в Моздок и произвести определение долготы и широты этих местностей. На возвратном пути, сле-

дуя вверх по течению Волги, они должны были представить такие же определения для Царицына, а оттуда должны были сделать экскурсию к Дмитриевску на предмет осмотра канала, начатого при Петре I, и возможности его достроить. Работу не удалось довести до конца. Вспыхнувшее в 1773 г. крестьянское восстание под руководством Е. И. Пугачёва (1742–1775) докатилось и до Нижнего Поволжья, и экспедиция оказалась в её эпицентре. В начале августа

1774 г. Пугачёв взял приступом Саратов и двинулся на Дмитриевск и Царицын. Экспедиция оказалась в зоне боевых действий. Финансирование экспедиции было прекращено. Чёрным днём для неё стало 8 августа. В этот день Ловиц случайно попал в гарнизон одной из подавлявших восстание крепостей. А когда повстанцы ворвались в крепость, учёного в числе других пленных приняли за царского офицера и повесили. Спасаясь, адъюнкт Иноходцев бежал в Царицын, а оттуда в Астрахань [11, с. 129].

П. Б. Иноходцев в какой-то мере спас имущество экспедиции, что-то было отправлено, как это обычно делалось, в Академию наук ранее до гибели Г. М. Ловица и до сих хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук. Полагаем, что пока совершенно не был использован в печати журнал записей наблюдений и измерений, произведённых Г. М. Ловицем и П. Б. Иноходцевым в 1772–1774 гг. на р. Камышинке. Эти работы должны были лечь в основу проекта сооружения канала, соединяющего Волгу и Дон. В 1772 и 1773 гг. Ловицем были сделаны лишь предварительные наблюдения, отмеченные в его общих путевых журналах «*Tagebuch der Excursionen an der Novla und Kamyschenka um das Nivellement vorzubereiten 1772*». Детальные работы были начаты весной 1774 г. и отражены в записях вычислений, зарисовок профилей и разрезов местности. Они собраны в одной общей тетради, озаглавленной: «*Sammlungen derer Beobachtungen und Messungen die zur Untersuchung der Vereinigung des Volga Strohmes mit dem Nowla Flusse bey Dmitrefsk gehören*» [10, с. 114].

Возможно, что последним из исследователей Нижнего Поволжья, что побывал, кстати, вторично, в регионе был вышеупомянутый Н. Я. Озерецковский (1750–1827) – участник экспедиции под руководством И.И. Лепёхина – уже в ранге академика. На Нижнюю Волгу Озерецковский попал в первой половине ноября 1782 г. Погодив неделю в Саратове, он двинулся на Царицын. Вечером 19-го приехали в Камышин. Он оставил более подробное описание канала. Из дневника: «*Ноября 20, воскресенье. Сей день употребили мы на осмотр, начатого ещё Петром I канала для соединения Иловли с Камышенкой, а чрез то сделать водяное сообщение между Доном и Волгою. Но как другие важнейшие дела отвлекли его от сего предприятия, то он и оставил его ещё недоконченным, хотя уже на 7 вёрст и был вырыт. Сие соединение Иловли с Камышенкой составляют два канала, которые оба на вышеуказанное расстояние уже и вырыты. Один из них служил бы единственno для поднятия судов из Волги*

на ту вышину, в какой находилась бы вода в другом канале, по которому надлежало бы имходить. Сие предприятие имел, как по истории оказывается, ещё Ахмет II император турецкий, которой в то время, воюя с Персией, хотел из Чёрного моря послать флот в Каспийское. Но Пётр I, которого высокий ум ничего не опускал, которое было бы для его Отечества полезным, начал производить его в действие и верно бы его досовершил, если бы наступившая тогда война со Швецией ему в том не воспрепятствовала. В нынешние времена не раз уже посылали, дабы осмотреть, есть ли возможность сие исполнить и хотя тут особенно больших затруднений, выключая величость работы и кошта, и нету, однако по сие время остаётся в том же положении. Хотя при устье Камышенки и были сделаны шлюзы, но они обратно совсем истреблены так, что не видать ни малейшего теперь оных и остатка. Худо ли они были сделаны и другая какая причина, что они разрушены, сие мне неизвестно. Немало также способствовал нам к приобретению надлежащего о сем канале сведения один находящийся в Камышенке старик, которому государыня по минований смутных происшествий, за оказанные им в то время услуги, пожаловала ему в вечное потомство благородство. Он был ещё 12-ти лет, как император был в сих местах. Он же уведомил нас, что государь весьма сожалел, осматривая сие место, что город был перенесён, ибо он стоял на другой стороне реки Камышенки, которая повыше другой и выгоднее как для крепости, так и для самого города» [12, с. 107-108].

К слову сказать, остатки канала между Камышинкой и Иловлей и сейчас внушительны по своим размерам. Две гигантские траншее длиной около двух километров и глубиной около 10 метров тянутся параллельно друг другу на восток от станции Петров Вал Камышинского района, напоминая о грандиозной стройке Петровской эпохи на рубеже XVII–XVIII вв.

В путешествие на Нижнюю Волгу Н. Я. Озерецковский попал благодаря Екатерине II. Всё дело было в том, что Екатерина II обратила внимание на молодого учёного, увидев в нём надёжного наставника своего внебрачного сына Алексея Бобринского (1762–1813) во время организуемого для него путешествия по России и Европе. Так неожиданно фортуна благоволила учёному. Вместе с ним «высочайшую особу» сопровождали полковник А. М. Бушуев, а также три выпускника кадетского Шляхетского Сухопутного Корпуса – лейб-гвардии поручики А.У. Болотников (в будущем сенатор при Александре I – С.М.), Н. С. Свечин (в будущем генерал при Александре I – С.М.) и Н. И. Борисов [13].

В журнале «Русский архив» за 1876 г. нами обнаружены письма Н. Я. Озерецковского, относящиеся к бумагам графа А. Г. Бобринского, в одном из которых есть упоминание о канале возле Камышина. Письмо датировано 27 декабря 1782 г. и написано было в Астрахани. Из письма: *«В Камышин приехали мы Ноября 19 дня и на другой день ездили смотреть канал, известный для соединения Волги с Доном посредством реки Иловли, при государе Петре Первом сделанный, до которого от Камышина на 12 вёрст считают. Холодная и ветреная погода не позволила нам ехать до самого начала оного канала; мы видели только исход его к вершине речки Камышенки и за ним другой ров в близком расстоянии, параллельно с первым проведённый. Канал оный весьма глубок и широк, воды в себе не содержит, по дну и по бокам оброс травой, однако нимало не осыпался; другой же ров шириной оному уступает. Оба они начинаются близ реки Иловли, из которой, во время водополи (половодья – С.М.), заходит в них несколько воды. Мы только были зрителями многотрудной сей работы, а не судьями и потому, посмотря оную, возвратились в Царицын и на другой день, то есть Ноября 21-го дня, отправились в Царицын, до которого от Камышина 180 вёрст почтается и куда приехали мы Ноября 24-го дня»* [14, с. 54-55].

Более подробно перипетии судьбы возобновления строительства канала Камышинка – Иловля экспедицией под руководством астронома Г. М. Ловица в 1769–1774 гг. описано в материалах архивиста, специалиста по истории географии, научного сотрудника Архива АН СССР В. Ф. Гнучевой (1890–1942) [15] и волгоградских учёных историков науки доктора исторических наук А. Л. Клейтмана [16] и кандидата географических наук С. Н. Моникова [17].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Сагалаев, В. А. Очерки истории изучения флоры Юго-Востока Европейской России: учеб.-справ. пособие / В. А. Сагалаев. – Волгоград: Перемена, 2006. – 224 с.

2. Перри, Дж. Состояние России при нынешнем царе / Дж. Перри. – М., 1871. – 196 с.
3. Орлов-Давыдов, В. П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова / Сост. внуком его гр. Владимиром Орловым-Давыдовым. – СПб.: тип. Акад. наук, 1878. – Т. 1. – [4], IV, 5-328, XXIII, [5] с., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. ил.
4. Лепёхин, И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 г. Ч. I / И. И. Лепёхин. – СПб., 1795. – 537 с.
5. Гмелин, С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств природы. Ч. 2. / С. Г. Гмелин. – СПб., 1777. – 404 с.
6. Записки путешествия академика Фалька / Полное собрание учёных путешествий по России. Т. VI. – СПб.: Изд. Акад. Наук, 1824. – 546 с.
7. Копелевич, Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт, 1747–1781 / Ю. Х. Копелевич. – М.: Наука, 1997. – 127 с.
8. Сагалаев, В. А. Исследования Иоганна-Антона Гюльденштедта (1745–1781) на территории Волгоградской области / В. А. Сагалаев // Вопросы краеведения. Вып. 3. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 263–266.
9. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина вторая / П. С. Паллас. – СПб., 1788. – 480 с.
10. Гнучева, В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / В. Ф. Гнучева // Труды Архива [АН СССР]. Вып. 4. – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 310 с.
11. Моников, С. Н. В списках Академии не значился / С. Н. Моников // В кн.: Во имя российской науки. Очерки по истории географических исследований Волгоградской области. Часть 1 (с древнейших времён до конца XVIII века). – М.: Планета, 2011. – С. 110–121.
12. Озерецковский, Н. Я. Путешествие по России, 1782–1783: Дневник / Н. Я. Озерецковский. – СПб.: Лики России, 1996. – 166 с.
13. Моников, С. Н. «Я путешествовал много лет, чтобы чему-нибудь научиться...» / С. Н. Моников // В кн.: Во имя российской науки. Очерки по истории географических исследований Волгоградской области. Часть 1 (с древнейших времён до конца XVIII века). – М.: Планета, 2011. – С. 140–148.
14. Граф Алексей Григорьевич Бобринский и его бумаги // Русский архив. – Год 14-й. – Кн. 3. Вып. 9. – М., 1876. – С. 5–58.
15. Гнучева, В. Ф. Волго-Донской канал в XVIII в. / В. Ф. Гнучева // Природа. – 1941. – № 1. – С. 92–95.
16. Клейтман, А. Л. Материалы научной экспедиции Г. М. Ловица и

П. Б. Иноходцева 1769–1774 годов как источники по истории Нижнего Поволжья / А. Л. Клейтман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2011. – т. 11. – Вып. 1. – С. 3–8.

17. Моников, С. Н. Место смерти изменить нельзя / С. Н. Моников // В кн.: Во имя российской науки. Очерки по истории географических исследований Волгоградской области. Часть 1 (с древнейших времён до конца XVIII века). – М.: Планета, 2011. – С. 122–133.

REFERENCES

1. Sagalayev V. A. *Ocherki istorii izucheniya flory Yugo-Vostoka Europeyskoy Rossii: ucheb.-sprav.posobie* [The History of the Study of the Flora of Southeast European Russia: Study and Reference Book]. Volgograd: Peremena, 2006. 224 p.
2. Perry J. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare* [The State of Russia Under the Present Czar]. M., 1871. 196 p.
3. Orlov-Davydov V. P. *Biograficheskiy ocherk grafa Vladimira Grigorievicha Orlova / Sost. vnukom ego gr. Vladimirom Orlovym-Davydovym* [Biographical Essay of Count Vladimir Grigorievich Orlov / Compiled by His Grandson Count Vladimir Orlov-Davydov]. SPb.: tip. Akad. nauk, 1878, vol. 1. [4], IV, 5-328, XXIII, [5] p., 1 p. frontispiece (portrait), 1 p. illustration.
4. Lepyokhin I. I. *Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 i 1769 g. Ch. 1* [Daily Notes of the Journey Through Various Provinces of the Russian State in 1768 and 1769. P. I]. SPb., 1795. 537 p.
5. Gmelin S. G. *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya tryokh tsarstv prirody. Ch. 2.* [Travel Through Russia for Studying the Three Kingdoms of Nature. P. 2.]. SPb., 1777. 404 p.
6. Zapiski puteshestviya akademika Falka [Travel Notes of Academician Falck]. *Polnoe sobranie puteshestviy po Rossii* [Complete Scientific Travels Through Russia], vol. VI. SPb.: Izd. Akad. Nauk, 1824. 546 p.
7. Kopelevich Yu. Kh. *Iogann Anton Gildenshtedt, 1747–1781* [Johann Anton Güldenstädt, 1747–1781]. M.: Nauka, 1997. 127 p.
8. Sagalayev V. A. Issledovaniya Ioganna-Antona Gildenshteda (1745–1781) na territorii Volgogradskoy oblasti [Studies of Johann Anton Güldenstädt in the Territory of Volgograd Region, 1747–1781]. *Voprosy kraevedeniya* [Issues of Regional Studies], iss. 3. Volgograd: Peremena, 1994. P. 263–266.
9. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Travels Through Various Provinces of the Russian State]. SPb., 1788. 480 p.
10. Gnucheva V.F. Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov [Materials for the History of the Expeditions of the Academy of Sciences in the 18th and 19th centuries: Chronological reviews and descriptions of archival materials]. SPb.: Naukova Dumka, 1996. 320 p.

19th Centuries: Chronological Reviews and Descriptions of the Archive Materials]. *Trudy Arkhiva AN SSSR* [Works of the Archive of the Academy of Sciences of the USSR], iss 4. M.-L.: AN SSSR, 1940. 310 p.

11. Monikov S. N. V spiskakh Akademii ne znachilsya [He Wasn't on the Academy's List]. *Vo imya rossiyskoy nauki. Ocherki po istorii geograficheskikh issledovaniy Volgogradskoy oblasti. Chast 1 (s drevneyshikh vremyon do kontsa XVIII veka)* [In the Name of the Russian Science. Essays on the History of Geographical Studies of Volgograd Region. Part 1 (From the Earliest Times Till the End of the 18th Century)], M.: Planeta, 2011. P. 110–121.

12. Ozeretskovsky N. Ya. *Puteshestvie po Rossii, 1782–1783: Dnevnik* [Travel Through Russia, 1782–1783: Diary]. SPb.: Liki Rossii, 1996. 166 p.

13. Monikov S. N. “Ya puteshestvoval mnogo let, chtoby chemu-nibud nauchitsya...” [“I've travelled for many years to learn something...”]. *Vo imya rossiyskoy nauki. Ocherki po istorii geograficheskikh issledovaniy Volgogradskoy oblasti. Chast 1 (s drevneyshikh vremyon do kontsa XVIII veka)* [In the Name of the Russian Science. Essays on the History of Geographical Studies of Volgograd Region. Part 1 (From the Earliest Times Till the End of the 18th Century)], M.: Planeta, 2011. P. 140–148.

14. Graf Aleksey Grigorievich Bobrinsky i ego bumagi [Count Alexey Grigorievich Bobrinsky and His Papers]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive], year 14th, book 3, iss. 9. M., 1876. P. 5–58.

15. Gnucheva V. F. Volgo-Donskoy kanal v XVIII v. [The Volga-Don Canal in the 18th Century]. *Priroda* [Nature], 1941, no. 1. P. 92–95.

16. Kleitman A. L. Materialy nauchnoy ekspeditsii G.M. Lovitsa i P.B. Inokhodtseva 1769–1774 godov kak istochniki po istorii Nizhnego Povolzhya [Materials of the Scientific Expedition of G.M. Lowitz and P.B. Inokhodtsev of 1769–1774 as the Sources of the History of the Lower Volga Region]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istorya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series History. International Relations], 2011, vol. 11, iss. 1. P. 3–8.

17. Monikov S. N. Mesto smerti izmenit nelzya [The Place of Death Cannot Be Changed]. *Vo imya rossiyskoy nauki. Ocherki po istorii geograficheskikh issledovaniy Volgogradskoy oblasti. Chast 1 (s drevneyshikh vremyon do kontsa XVIII veka)* [In the Name of the Russian Science. Essays on the History of Geographical Studies of Volgograd Region. Part 1 (From the Earliest Times Till the End of the 18th Century)], M.: Planeta, 2011. P. 122–133.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА (ОБЪЕКТЫ ЭПОХИ ПЕТРА I)

Евгений Михайлович Пигарёв
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. В статье приводится информация об археологических исследованиях, проводимых на территории золотоордынской столицы города Сарай ал-Джедид (Селитренное городище), в ходе которых были обнаружены остатки жилых и производственных объектов, относящихся к первой половине XVIII века. Приводится подробное описание селитроварни – единственного обнаруженного сооружения, относящегося ко времени функционирования завода по производству селитры.

Ключевые слова: Селитренное городище, город Сарай ал-Джедид, Селитряный городок, Петр I, объекты археологии, селитроварня.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE SALTTPETRE SETTLEMENT (OBJECTS OF THE PETER I ERA)

Evgeny M. Pigarev
Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. The article provides information about archaeological research conducted on the territory of the Golden Horde capital city of Saray al-Jedid (salt-peter settlement), during which the remains of residential and industrial facilities Dating back to the first half of the XVIII century were discovered. A detailed description of the saltpeter factory-the only structure found that dates back to the time of the saltpeter production plant.

Key words: saltpeter settlement, Saray al-Jedid city, Saltpeter town, Peter I, objects of archeology, saltpeter factory.

В XIII–XV веках Нижнее Поволжье являлось административно-политическим и экономическим центром Улуса Джучи. Именно здесь располагались обе столицы – Старый и Новый Сарай, а также многочисленные города и поселения.

В конце XV века огромное государство распадается, на некогда единой территории появляются новые государственные образования и политico-административные центры. «Золотоордынский период» истории Нижнего Поволжья закончился и начался новый – «русский» исторический этап. В конце XVI века начинается процесс активного заселения Нижней Волги русскими

переселенцами. Происходит смена культурных традиций, формируется новый уклад городской жизни.

Золотоординский период нижневолжских земель благодаря письменным и археологическим источникам изучен достаточно хорошо. Период XVI–XVIII вв., по разным причинам, долгое время не входил в круг интересов археологов. Однако, в раскопах Селитренного городища на береговой линии Ахтубы, кроме золотоординского материала, стали фиксироваться объекты «русского» времени.

Известно, что на месте развалин золотоординской столицы города Сарай ал-Джедид (Селитренное городище) около 1710 г. был устроен казенный завод для добывания селитры, из которой изготавливали порох. Завод с поселком рабочих получил название «Селитряный городок». Для защиты поселка от калмыцких набегов была построена небольшая крепость с четырьмя башнями и стеной, окруженная валом и рвом, внутри которой находилась церковь и селитренный завод.

О важности Ахтубинского Селитряного городка свидетельствует посещение его императором Петром I. В походном журнале 1722 г. говорится:

«18-го Пополуночи в 8-м часу, отъехав от Черного Яру 200 верст, стали на якорь против городка, именуемого Селитренаго, где делают селитру, куды Его Величество ездил, и быв там часа с два, и паки пошли в путь...» [9, с. 46].

Бугор, на котором была устроена крепость, до начала XX столетия назывался «Селитряным». В 1903 году на северном его склоне на средства местных жителей была построена народная больница (1903–1993 гг.) и он получил название «Больничный». Развалины башен Селитряного городка, построенных из битого золотоординского кирпича, виднелись на поверхности земли вплоть до конца XIX столетия [5, с. 81, 88]. Археологические исследования, проводимые различными экспедициями в районе бугра Больничный, стали приносить, помимо золотоординского, материал более поздних эпох.

Так, в 1999 г. отрядом под руководством А. А. Бурханова был заложен раскоп XXIII на береговом обрыве р. Ахтубы у западной подошвы Большничного бугра. На площади раскопа были зафиксированы остатки жилых сооружений золотоординского периода. Кроме того, были выявлены сруб и хозяйственные ямы, относящиеся к XVII–XVIII векам [8, с. 34].

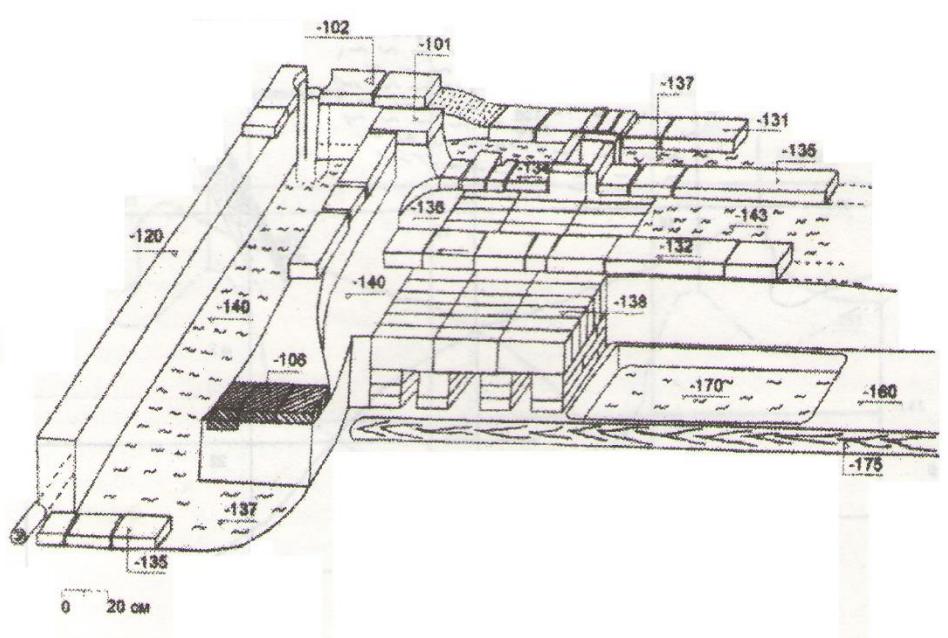
В 2001 г. экспедицией МарГУ под руководством В. И. Гордеева на береговом обрыве Большничного бугра был заложен раскоп XXV. Исследованы два слоя русского периода. Верхний слой датируется серединой XVIII века. К этому слою относятся две вымостки из золотоординского кирпича, на которых сохранились следы копоти, а также большое количество рыбных костей и чешуи. Вероятно, вымостки являются остатками рыбоперерабатывающего производства. Нижний

русский слой датируется XVII – началом XVIII веков. К нему относятся сооружения из дерева и золотоордынского кирпича. Зафиксировано скопление белого порошка и пережженных костей. Скорее всего, это остатки производства селитры. На исследованной площади были обнаружены остатки деревянной конструкции, служащей для укрепления береговой полосы [8, с. 34].

В 2002 г. экспедицией МарГУ под руководством Ю. А. Зеленеева продолжились работы на территории берегового обрыва Большничного бугра. С этой целью был заложен раскоп XXVI, где в ходе исследований были обнаружены остатки деревянных жилых и производственных сооружений, относящихся к XVII–XVIII векам [8, с. 34].

В 2004 году археологической экспедицией Астраханского музея-заповедника (АГОИАМЗ) на раскопе № XXXVI Селитренного городища, расположенным на береговом обрыве Большничного бугра, было обнаружено сложное сооружение, являющееся остатками селитроваренного производства [6; 7, с. 202-207].

Сооружение состояло из двух частей: основного помещения и, прилегающей к нему с северной стороны, многоярусной сырцово-глинобитной конструкции, рис. 1. Сооружение опирается на культурный слой золотоордынского времени.

Помещение прослежено по остаткам двух горизонтально лежащих бревен. «Северное» бревно ориентировано по линии СЗ-ЮВ (длина 530 см), «восточное» бревно ориентировано по линии СВ-ЮЗ (длина 380 см). Соединяясь, северное и восточное бревна образуют угол помещения, в месте их пересечения зафиксирована столбовая яма. Бревна уложены в заранее выкопанные ка-

навки. К восточному бревну по всей протяженности, с внешней стороны, примыкают остатки глинобитной стены. Вся центральная часть помещения уничтожена более поздним сооружением. Северо-западную часть сооружения занимают остатки сырцово-глинобитной конструкции (промышленной печи), которые примыкают к северному бревну с внешней стороны. Конструкция построена в заранее выкопанном в золотоордынском культурном слое котловане. При строительстве котлована его западная стена частично разрушила материиковую стенку древнего хауса.

Конструкция (печь) имеет в плане Г-образную форму. Размеры конструкции: к северу от бревна ширина до 110 см, длина 320 см; западная часть – длина 220 см, ширина до 100 см; восточная часть конструкции, разрушенная более поздней ямой, сохранилась в размерах 80x50 см. К северу от конструкции отмечена плотная глинобитная подпорная платформа, мощностью до 50 см. Платформа сооружена из перемешанного и утрамбованного материикового грунта, ниже платформы находился средневековый культурный слой.

Западная часть Г-образной конструкции представляла собой очаг и идущий от него дымоходный канал. С северной стороны очаг был обложен золотоордынским жженым кирпичом. Стенки дымоходного канала выполнены из утрамбованного грунта, материалом послужил средневековый культурный слой; глинобит включает в себя мелкие фрагменты золотоордынской керамики, кирпичную и известковую крошку, обломки костей. Западная глинобитная стенка канала примыкает к материиковой стене хауса. В основании стенки канала, с внешней стороны, по всей длине прослежены остатки горизонтальной жерди. Южная стенка канала зафиксирована в виде трех сырцовых кирпичей, лежащих плашмя.

Поверх глинобитных стен канала сохранились остатки сырцовой кладки из обломков и целого кирпича. Дно и стенки канала прокалены. Заполнение канала: на дне слой спрессованного бледно-серого пепла, поверх него – завал рухнувшего перекрытия, состоящий из обломков сырцового и обожженного кирпича вперемешку с грунтом и фрагментами деревянных брусьев. По расположению деревянных фрагментов в завале, прослежено, что брусья, в толще сырцовой кладки, обвалившейся внутрь канала, лежали как арматура попечного перекрытия.

Канал, идущий от топки, в северо-восточном углу, соединяется с двухъярусной системой каналов, которая занимает всю северо-восточную часть Г-образной конструкции, расположенной между бревном, ограничивающим помещение и глиняной платформой.

Нижний ярус сохранился полностью, он состоит из трех параллельных каналов, идущих от бревна. Стенки каналов выложены из сырцовых кирпичей, лежащих плашмя, вперевязку, на глинистом растворе, высотой в три

ряда. Каналы перекрыты сырцовыми кирпичами,ложенными перпендикулярно длинной оси на ребро, в один слой. Перекрытие состоит из трех рядов стоящих на ребре сырцовых кирпичей. В северной части два крайних канала изгибаются и соединяются с центральным каналом. В месте соединения, центральный канал имеет вертикальный дымоход, который выходит на верхний ярус. Вертикальный дымоход оформлен четырьмя поставленными на торец сырцовыми кирпичами. Заполнение каналов – пылеобразная супесь с сильной примесью мелкодисперсной сажи, причем, количество примеси сажи заметно уменьшается по направлению от дымохода к бревну.

Верхний ярус состоит из двух каналов расположенных перпендикулярно каналам нижнего яруса. От этих каналов сохранились фрагменты сырцовой кладки в один слой кирпича. Кирпичи уложены плашмя, на перекрывающие кирпичи нижнего яруса. Южная и центральная стенки сложены из обломков сырцовых кирпичей. Северная стенка, она же северная стена сооружения, состоит из сырцовых кирпичей, лежащих плашмя и трех кирпичей, поставленных в центре стенки на ребро. Северный канал второго яруса соединен с большим каналом, идущим от топки.

Северо-восточная часть конструкции разрушена более поздней ямой. Сохранился лишь юго-восточный угол, представляющий собой два канала параллельных друг другу и выше описанным каналам нижнего яруса. Западная и центральная стенки каналов выполнены из утрамбованного грунта, материалом послужил средневековый культурный слой. Восточная стена каналов, видимо, из-за того, что одновременно являлась, торцевой восточной стеной сооружения, сделана укрепленной. Сохранился участок стены, представляющий собой сырцовые кирпичи, уложенные плашмя в перевязку, в два ряда в ширину, в два слоя в высоту. С внутренней стороны эта стена была укреплена жжеными кирпичами, поставленными на ребро. Оба канала, как и в первом случае, были перекрыты сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро перпендикулярно оси каналов.

Западную и восточную группы каналов разделяет яма прямоугольной в плане формы. Яма соосна всей конструкции. Дно и стены ямы имеют слабый прокал. Заполнение ямы – супесь с большой примесью золы, угля и мелких фрагментов обгорелого дерева.

Нумизматический комплекс, найденный на раскопе, уверенно датирует раскопанный объект 1705–1735 гг. – временем строительства и активной деятельности селитроваренного завода.

На наш взгляд раскопанное сооружение представляет собой остатки промышленной печи, которая обслуживалась изнутри помещения. Стены помещения были глинобитные, деревянные бревна и жерди в фундаменте стен, а также угловые столбы, играли роль каркаса. Пол помещения был земляным. Огонь

поддерживался в топке, откуда пламя поступало в большой западный канал, который служил пламегасителем, толща кирпичной кладки над ним служила накопителем избытков тепла. Из западного канала теплоноситель (горячий воздух и дым) поступал в систему восточных каналов и из нижнего яруса в верхний. Нижний ярус этой системы, состоящий из параллельных каналов, чьи устья открыты внутрь помещения, служил для регулирования тяги и удаления мелкодисперсных продуктов сгорания (сажи). Яма служила для временного складирования остатков перегоревшего топлива из топки и каналов.

В целом, печь предназначалась для длительного технологического процесса с большой теплоемкостью и относительно невысокими температурами, что соответствует процессу изготовления селитры. Варка селитры происходила в котлах, которые, после загрузки в них необходимых компонентов, несколько суток выдерживалась при температурах близких к кипению воды. Важным составляющим сырья для варки селитры была вода и содержимое ордынских хозяйственных ям, и то, и другое в изобилие находилось вблизи местоположения раскопа.

Остатки селитроваренного производства вызывают интерес по следующим причинам. В начале XVIII века Россия проводила достаточно бурную внешнюю политику, для снабжения российской армии в больших количествах требовался порох. В период подготовки к персидскому походу по указанию императора Петра I на территории Астраханской губернии было устроено несколько селитренных заводов. Один из них находился на месте, называемом Шаренным бугром (месторасположение Хаджи-Тархана), второй – в Красном Яру (где также располагался крупный золотоордынский город) и, третий – на Ахтубе, там где находились развалины «татарской» столицы [1, с. 21-22; 4, с. 537-538].

Известно, что селитренный завод на Ахтубе был построен в 1714 году на казенные деньги, около него вырос поселок. Для охраны производства сюда были направлены стрельцы. Судя по ревизским сказкам на «ахтубинских селитренных заводах» в 1723 году жили около 60 семей. Среди них были: капрал, 3 пушкаря, священник, пономарь, 6 селитрянных мастеров, один кузнец [4, с. 537-538]. А обслуживали завод наемные работные люди.

В 2009 г. Е. В. Гусаровой был опубликован, обнаруженный в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук, чертеж крепостного сооружения [2, с. 262-297]. На обороте чертежного листа имеется надпись на французском языке: «Plan des Fabriques sur la riviere d'Achtuba pres d'Astrachan», т.е. «План завода на реке Ахтуба близ Астрахани». К плану дана подробная, состоящая из 66 пунктов экспликация. Крепость, показанная на этом плане, относится по назначению к военно-промышленным объектам.

В 2014–2016 гг. совместной экспедицией Марийского государственного университета и Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ была предпринята попытка поиска и изучения остатков крепости Селитряного городка [3, с. 83-85].

На раскопе № XLVII, расположенному на северном склоне бугра «Больничный», было обнаружено 50 хозяйственных ям, 2 ямы от разрушенных погребений, 8 сооружений из обожженного и сырцового кирпича (все объекты относятся к золотоордынскому периоду). Формирование культурного слоя, отраженное в профилях раскопа, показывает интенсивную деятельность на этом участке городища, связанную, в первую очередь, с разбором древних сооружений с целью добычи кирпича, и со строительством крепости Селитряного городка.

В ходе проведенных исследований остатки сооружений, относящихся к русской крепости XVIII в. так и не были обнаружены. Стало очевидным, что ее руины находятся южнее настоящего раскопа, ближе к современному береговому обрыву.

Таким образом, к настоящему времени, единственным раскопанным и исследованным объектом на Селитренном городище, относящимся к периоду деятельности императора Петра, является конструкция селитроварни, обнаруженная в 2004 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. – М.: Издат-во МГУ, 1982.
2. Гусарова Е. В. Неизвестные Астраханские чертежи // Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. – СПб, 2009. – С. 262-297.
3. Зеленеев Ю. А., Пигарёв Е. М., Яранцева Н. С. Раскопки на Большничном бугре Селитренного городища в 2014-2016 гг. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей (под ред. А. А. Курапова, Е. И. Герасимида, М. С. Бураковской). – Вып. IX. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2017. – С. 83-85.
4. Любомиров П. Г. «Очерки по истории русской промышленности». – М., 1947.
5. Малиновский К. Н. Поездка в с. Селитренное Астраханской губернии Енотаевского уезда. // Протоколы петровского общества исследователей Астраханского края (ПОИАК) с 4.10.1874 г. по 31.12.1887 г. – Астрахань. 1888. – С. 81, 88.
6. Пигарёв Е. М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2004 году (Больничный бугор). Архив ИА РАН.

7. Пигарёв Е. М. Нижнее Поволжье на постордынском пространстве (постановка проблемы) // Форум «Идель - Алтай» / Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. – Казань. 2009. – С. 202-207.
8. Пигарёв Е. М. Селитренное городище: история исследований (монография) / Материалы и исследования по археологии Поволжья; Вып. 11. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. – 244 с. ISBN 978-5-907066-50-2
9. Походный журнал 1722 года. – СПб., 1855. – С.46.

REFERENCES

1. Golikova N. B. *Ocherki po istorii gorodov Rossii konca XVII – nachala XVIII vv. [Essays on the history of Russian cities in the late 17th – early 18th centuries]*. Moscow, MGU publishing house, 1982.
2. Gusarova E. V. Neizvestnye Astrahanskie chertezhi [Unknown Astrakhan drawings]. *Astrahanskie nahodki. Istorya, arhitektura, gradostroitel'stvo Astrahani XVI–XVIII vv. po dokumentam iz sobranij Peterburga. [Astrakhan finds. History, architecture, urban planning of Astrakhan 16th – 18th centuries according to documents from the collections of St. Petersburg]*. Saint-Petersburg, 2009. P. 262-297.
3. Zeleneev Yu. A., Pigarev E. M., Yaranceva N. S. Raskopki na Bol'nichnom bugre Selitrennogo gorodishcha v 2014–2016 gg. [Excavations at the Bolnichny Hill of the Selitrenny settlement in 2014–2016]. *Astrahanskie kraevedcheskie chteniya: sbornik statej (pod red. A. A. Kurapova, E. I. Gerasimidi, M. S. Burakovskoj) [Astrakhan Local History Readings: a collection of articles (edited by A. A. Kurapov, E. I. Gerasimidi, M. S. Burakovskaya)]*. Issue 9. Astrakhan, Izdatel' Sorokin Roman Vasil'evich, 2017. P. 83-85.
4. Lyubomirov P. G. *Ocherki po istorii russkoj promyshlennosti [Essays on the history of Russian industry]*. Moscow, 1947.
5. Malinovskij K. N. Poezdka v s. Selitrennoe Astrahanskoj gubernii Enotaevskogo uezda [Trip to the village Selitrennoe of the Astrakhan province of Enotaevsky district]. *Protokoly Petrovskogo obshchestva issledovatelej Astrahanskogo kraja (POIAK) s 4.10.1874 g. po 31.12.1887 g. [Protocols of the Petrine Society of Researchers of the Astrakhan Territory (POIAC) from 4.10.1874 to 31.12.1887]*. Astrakhan, 1888. P. 81, 88.
6. Pigarev E. M. *Otchet ob arheologicheskikh raskopkah na Selitrenom gorodishche Harabalinskogo rajona Astrahanskoy oblasti v 2004 godu (Bol'nichnyj bugor)*. [Report on archaeological excavations at the Selitrennoye settlement of the Kharabalinsky district of the Astrakhan region in 2004 (Bol'nichniy hillock)]. Arhiv IA RAS.

7. Pigarev E. M. Nizhnee Povolzh'e na postordynskom prostranstve (post-anovka problemy) [The lower Volga region in the post-Horde space (problem statement)]. Forum «Idel' – Altaj» / Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Idel' – Altaj: istoki evrazijskoj civilizacii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej. Kazan', 7-11 dekabrya 2009 g. Tezisy dokladov [Forum "Idel – Altai" / Materials of the scientific and practical conference "Idel - Altai: the origins of the Eurasian civilization", I International Congress of medieval archeology of the Eurasian steppes. Kazan, December 7-11, 2009 Abstracts]. Kazan'. 2009. P. 202-207.
8. Pigarev E. M. Selitrennoe gorodishche: istoriya issledovanij (monografiya) / Materialy i issledovaniya po arheologii Povolzh'ya. Vyp. 11. [Selitrennoe settlement: history of research (monograph) / Materials and research on archeology of the Volga region. Issue 11]. Joshkar-Ola, Marijskij state university, 2019. 244 p.
9. Pohodnyj zhurnal 1722 goda. [Travel journal of 1722]. Saint-Petersburg, 1855. P. 46.

УЧАСТИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНЖЕНЕРОВ ВО ВЗЯТИИ АЗОВА И СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТАГАНРОГА

Искра Шварц

Вена, Австрия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об условиях найма иностранцев на русскую службу времени Петра Первого и их участие во взятии Азова и строительстве Таганрога. Особое внимание уделяется на деятельность императорских инженеров Лаваль и Боргсдорф в строительстве новых фортификационных сооружений на побережье Азовского моря.

Ключевые слова: Петр I, иностранцы в России, взятие Азова, строительство Таганрога.

PARTICIPATION OF FOREIGN ENGINEERS IN THE CONQUEST OF AZOV AND THE CONSTRUCTION OF TAGANROG

Iskra Schwarcz

Vienna, Austria

Abstract. The article discusses the question of the conditions of hiring foreigners for the Russian service in the time of Peter the Great and their participation in the capture of Azov and the construction of Taganrog. Particular attention is paid to the activities of the imperial engineers Laval and Borgsdorf in the construction of new fortifications on the coast of the Azov Sea.

Key words: Peter I, foreigners in Russia, capture of Azov, construction of Taganrog.

История миграционных процессов и тема иностранцы в России в XVII – начало XVIII века давно находится в фокусе внимания исследователей. Назовем только работы А. Мулюкина о правовом положении иностранцев в Московском государства, Э. Амбургера о механизмах набора иностранных специалистов, Т. Опариной о иноземцах в России, В. Ковригиной о Немецкой слободе в Москве и ее жителей, С. Орленко о правовом статусе выходцев из Западной Европы, И. Гузевич и Д. Гузевич о наёме иностранцев на русскую службу во время Великого посольства или П. Крокоша, Б. Мегорского и С. Черникова о русской армии времени Петра Первого и участии иностранцев в ней [21, 34, 23, 17, 24, 14, 38, 20, 32].

Современные исследования ставят под вопросом устаревшие тезисы Е. Тарле [29] о преувеличении роли иностранцев в создании русской регулярной армии и их участие в государственных преобразованиях времени Петра

Первого. Новые публикации четко показывают, что страна нуждалась в специалистах – военных, инженерах, строителях, врачах и несмотря на закрытость границ государственная власть, исходя из принципов pragmatизма, поддерживала миграцию и всячески способствовала привлечению иностранцев на русскую службу [23, с. 7]. Власть брала на себя регулирование права приезда, выставляя допущение иностранцев на свою территорию как одну из прерогатив своей власти, а московское право рассматривало приезжие специалисты для целей войны – инженеры, пушечного дела мастера и т.д., как приезжие на службу государя [21, с. 30, 62, 95]. В своих разысканиях Милюкин приводит множество примеров приглашения иностранцев в Россию, а более поздние публикации показывают, что во второй половине XVII века наем иностранцев на русскую службу, особенно военных, стал массовым явлением [21, с. 63, 65; 19, с. 109]. С. Черников посчитал, что среди высшего руководства армии и флота времени Петра Первого за период с 1700 по 1725 гг. 128 человек являлись иностранцами и только 75 русскими [32, с. 704].

Нам не мало известно об иностранцах в окружении царя, таких как Патрик Гордон, Франц Лефорт, Георг Бенедикт Огильви, Иоганн фон Паткуль, Генрих фон Гюйссен, а также о тех, которые были вербованы во время Великого посольства как Выбе Геренс, который прибыл в Воронеж в конце 1697 г. и умер на русской службе в 1713 г. [5, с. 95]. В недавно опубликованном В. Ржеутским и Д. Гузевичем биографическом словаре представлены иностранные специалисты, выходцы из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи [16]. Можно сказать, что сегодня мы имеем дело с большим количеством публикаций посвященных отдельным личностям или отдельным проблемам, но в целом отсутствует монография об иностранцах в русской армии и обобщающее, концептуальное исследование об иностранцах времени правления Петра Великого.

Удивительно, что следы столь важного фактора почти не видны в исследованиях о Юге России. Мало разработаны вопросы, касающиеся роли иностранцев в Азовских походах, взятии Азова и строительстве Таганрога. Орленко например упоминает, что только во время второго Азовского похода «численность иностранных военных в составе русской армии составляла почти тысячу человек (231 офицер в кавалерии и 723 в пехоте), среди них 7 генералов и 124 полковника» [24, с. 47-48]. Учитывая статистику И. Корба об общей численности армии Петра I под Азовом, которая по его подсчетам состоялась из «50 тысяч пехотинцев и 16 тысяч всадников», можно сказать, что большая часть из командующего состава была из иностранных офицеров [18, с. 288]. Кто эти люди, каким образом они попали в Московское государство и при каких условиях служили?

Р. Раскосов обращает внимание на факт, что после взятия Азова «в Северо-Восточном Приазовье можно было наблюдать своеобразны «фортификационный бум»... были восстановлены и перестроены Азовская крепость, городки Никоновский и Сергиевский (бывшие каланчи Шахи и Султанайе), крепость Лютик (Сед-Ислам), построена Петровская крепость; на Миусском полуострове были построены крепости Павловская на Петрушиной косе, Миус (Семеновская), Троицкая на Таган-Роге, Троицкая линия с крепостями Павловская и Черепаха. Строительством вышеупомянутых фортификационных сооружений руководили иноземные военные инженеры, находившиеся на русской службе. К сожалению, имена этих людей практически неизвестны даже донским историкам и краеведам, не говоря уж о людях, далеких от истории Нижнего Дона и Приазовья. Более-менее знакомы краеведам имена Эрнста Фридриха фон Боргсдорфа, Антонио де Лаваля, Христиана Руэля. Прочее иноземные инженеры буквально сливаются в некую безликую массу, в которой подчас трудно отделить одну историческую личность от другой» [28].

В новых публикациях П. Авакова о строительстве и датировке раннего Таганрога, базирующихся на неопубликованном архивном материале, тоже встречаются имена Антония де Лаваля, барона Боргсдорфа, а так же Христиана Ругэла, капитана Маттео Миланковиджа, Рейнголда Тройзена, Йохана Георга Рекаусена, Йохана Якоба Бреклинга и другие, но кто эти люди, откуда выходцы, какая у них оплата труда и какая судьба, об этом мало можно узнать из этих статей [1, 2, 3]. А ведь Троицкая (Таганрогская) линия стала первым опытом строительства оборонительных линий в Приазовье. Кроме того, это была первая линия, построенная на южной границе России в царствовании Петра Первого и она строилась опытными фортификаторами, которые знали свое дело. Не случайно в честь строительства Таганрога в 1709 г. была отчеканена памятная медаль с именем иноземца, который Петр высоко ценил, венецианского капитана Маттео Симонт (Matteo Simont), известный в русских источниках как Матвей Симонтов [34, S. 53].

Одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи при изучении проблемы, связана с именами иностранных специалистов. В русских документах эти имена встречаются не только в разных транскрипциях, но иногда и в переводе на русском языке: например Иоганн или Ганс часто упоминаются в источниках как Иван и трудно сказать о каком именно иностранцем здесь идет речь. Эта проблема находит отражение и в публикациях авторов: если строителем таганрогской крепости у Раскосова назван французский инженер Христиан Руэл, то у Авакова он Христиан Ругэль, а уже упомянутый капитан Матвей Симонтов – Маттео Миланковидж [28; Ср. 2, с. 417, 418].

Цель этой публикации изменить ракурс и привлечь внимание к анализу проблем связанных с участием иностранцев во взятии Азова и строительстве

Таганрога. В работе приводятся в основном примеры связанные с деятельностью цесарских инженеров, которые приехали в Россию по приглашению царя.

Несколько слов общего порядка

Московское государство пользовалось услугами иностранцев, которые приезжали на службу по собственной инициативе или по приглашению русского правительства, но «сил первой группы было крайне недостаточно для удовлетворения всех требований правительства: тем более, что являвшиеся по собственной инициативе были не всегда лучшими представителями заграничной жизни» [21, с. 123; 23, с. 7-8], поэтому более надежная была практика приглашать иноzemных специалистов. Московские государи обращались к иностранным правителям с просьбой переслать им нужных специалистов или разрешить вербовать таких людей [21, с. 127-130]. Активная политика привлечения на службу иностранцев привела к формированию особого социального слоя – «служилых иноzemцев» и оформлению специального законодательства, касающегося этих людей [23, с. 10]. В начале Северной войны появилась и новая форма вербовки иностранцев – распространение официальных манифестов. Известны два манифеста Петра Первого о вызове иностранцев в Россию – 1702 и 1705 гг. Первый из них был опубликован не только на русском, но и на немецком языке [10, с. 39-50; Ср. 39]. В нем иностранцам гарантировались свобода вероисповедания, особый суд и европейские порядки выхода со службы, а во втором манифесте (1705 г.) было обещано повышение при переходе на службу в Россию сразу на один чин [10, с. 39-50; 11, с. 262-264].

Зачисление нанятых на русскую службу за границей военных, их распределение по полкам и ротам, выдача им жалованья, их отпуск со службы, соблюдение ими указов, связанных с вероисповеданием и имущественным положением в России, решение дел по судебным искам, находились в XVII в. в ведение Иноземского приказа. Непосредственным приемом выехавших на русскую службу иноzemцев, заключение с ними договоров, а также их отпуском на родину занимался Посольский приказ [19, с. 134]. В 1680 г. Иноземский приказ был соединен с Рейтарским и в таком виде просуществовал до 1700 г., т. е. до того времени когда был создан Приказ военных дел. Но объединение Рейтарского приказа с Иноземским приказом и образование Военного приказа накануне Северной войны не привело к централизации управления, хотя обе приказы были объединены и все полковые службы подчинились единому руководству – боярину М. Ю. Долгорукому [15, с. 101]. Как отмечает Анисимов «Военный приказ стал ведущим органом государственного управления в военной сфере, но... не был в ней единственным учреждением. Одновременно с ним существовало более десятка приказов, обладавшим функциями военно-сухо-

путного управления» [4, с. 45]. К сожалению архив Рейтарского приказа, полностью утрачен и это затрудняет задачу исследователей [24, с. 48], но в РГАДА сохранились дела Посольского приказа и дела Пушкарского приказа, который в 1701 г. был переименован в Артиллерийский приказ.

Взятие Азова в 1696 г. и строительство Таганрога

Как известно Первый Азовский поход в 1695 г. закончился неудачей. Противник оказался сильнее. На возвратном пути почти вся русская армия погибла от голода, холода и болезней. До нас дошли реляции очевидца событий, австрийского агента Отто Антона Плейера¹, который находился в армии Петра Первого, но из-за болезни задержался на месяц в Черкасске и шел потом по следам отступающей армии. Плейер рассказывает о высокой смертности и как с ужасом смотрел на «множества трупов, на пространстве 800 верст, разбросанных и пожираемых волками» [30, с. 255, 582].

Осада Азова выявила неопытность русских войск, особенно в ведении методичной осадой, пассивность и медлительность действий, несовершенство артиллерии и остро поставила вопрос о необходимости строительства флота и привлечения специалистов – опытных инженеров, минеров и корабельных мастеров [13, с. 460]. Русский царь обратился с письмами к своим союзникам польскому королю, императору Леопольду I и курфюрсту бранденбургскому послать «добрых и искусных инженеров и подкопщиков» и настаивал как можно быстрее отправить их, еще «зимним путем, чтоб неприятельские турские намерения ...упредить». Дальше Петр Первый обязывался держать их на государственное жалование, а по окончании воинских дел сразу отпустить, если они этого захотят: «А буде они похотят из государств наших ехать во отчество свое, и мы В. Г-ри, наше Цар. Вел-во, пожаловав их нашим государственным жалованьем, повелим отпустить без задержания, по окончании воинских дел, тово же лета, в котором они в наше Цар. Вел-ва Российское государство от нашего Цес. Вел-ва присланы будут.» [25, с. 988-989; 33, с. 95].

Месяц спустя в Вену был направлен дьяк Козьма Нефимонов для участия в переговорах о заключении наступательного договора для продолжения борьбы Священной лиги с Османской империи. Наряду с этим у Нефимонова был и наказ предпринять все необходимое, чтоб «заполучить нескольких инженеров и фейерверкеров» для будущей Азовской кампании [13, с. 432]. Грамота царя была получена в Вене 30 декабря. Учитывая, что продление осады Азова могло отвлечь османских войск и крымских и ногайских татар от военного театра на Балканах, император Леопольд I повелел немедленно подготовить нужных инженеров и минеров для службы в России [33, с. 95]. Протоколы

¹ В 1695 г. Отто Антон Плейер еще не являлся австрийским резидентом.

дворцового военного совета показывают динамику обсуждения вопроса и проблемы, с которыми столкнулись в Вене в ходе выбора специалистов. Составленный список был одобрен императором в конце января. Под предводительством полковника артиллерии Казимира Краге из Вены должны были поехать инженеры - Антонио де Лаваль (Antoine de Laval) и барон Эрнст Фридрих фон Боргсдорф (Ernst Friedrich von Borgsdorf), огнестрельные мастера - Лоренц Шмит (Lorenz Schmidt), Лоренц Урбан (Lorenz Urban), Иосиф Отоя (Joseph Ostoja), а из Трансильвании к ним в Варшаве должны были присоединиться семь подкопщиков – капрал Хайнрих Лоренц (Heinrich Lorenz) и минеры Николаус Териер (Nikolaus Terier/Serier). Франц Калzon (Franz Kalson/Kalzon), Антон Кох (Anton Koch), Иоганн Хофф (Johann Hof), Томас Бегант (Thomas Begant/Bozant), Иозеф Слирер (Joseph Slirer) [34, S. 51].

Все шло по плану и специалисты могли отправиться еще в начале февраля, если бы инженер Боргсдорф не потребовал увеличения жалования и титула главного инженера (Ober-Ingenieur) – ранг, который был дан для службы в России Антонио де Лавалу. Требования Боргсдорфа были удовлетворены, он получил чин «главного инженера» и жалование 150 талеров в месяц. Учитывая, что казна во время войны была пуста и финансовые вопросы решались очень медленно, удивляет та спешность, с которой вопросы были решены и показывает насколько эта миссия была важна для стратегических планов самого Военного совета. Ее снаряжение и отправление могло послужить веским аргументом в предстоящих в Вене переговорах о наступательном военном союзе против турок, а опыт мог быть полезным для координации будущих военных действий союзников [33, с. 96].

В конце февраля 1696 г. специалисты двинулись в дорогу. Скорее всего из-за неопределенности как долго будет длиться служба в России полковник Краге и барон Боргсдорф взяли с собой и свои жены. Т.е. они предполагали, что уезжают на долго: «Полковник артиллерии Казимир <...> Краге, у него жена, да четверо сыновей. Де Лаваль, да барон Боргсдорф, четверо сыновей у них, у Де Лавала 4, у барона жена его, да четверо сыновей» [27, с. 120].

Из Берлина бранденбургский курфюрст в ответ на просьбу царя направил в Азов инженеров – Давид Генрих Холцманн (David Heinrich Holzmann) и Георг Эрнст Резе (Georg Ernst Rese). Это тот самый инженер Резе, который потом будет строить по указанию Петра Первого Новодвинскую крепость в дельте реки Северная Двина для защиты Архангельского фарватера [12, с. 394-395]. Вместе с ними ехали огнестрельные мастера – Иоганн Якоб Шустер (Johann Jacob Schuster), Елиас/Илья Кобер (Elias Kober), Самуэл Хаак (Samuel Haack) и Густав Кизеветтер (Gustav Kiesewetter) [34, S. 51].

11/21 июля императорские инженеры и минеры с немалым опозданием прибыли в Азов, когда осада крепости была уже в полном ходу [27, с. 119]. Они

очень удивились русским сооружениям и воздвигнутым огромным валом, но не ожидали от него особенного успеха. Надеялись больше на минные подкопы и батареи. Инженеры сделали новые расчеты и указали Патрику Гордону, где и как надо расположить батареи, чтобы иметь успех [36, S. 52; 7, с. 327]. Со согласия Петра и командующего сухопутных войск, боярина А. С. Шеина, их советы были приняты. Уже 15/25 июля по приказу Гордона были испробованы новые позиции и метко направленными выстрелами был разрушен палисад углового бастиона крепости [36, S. 52; 40, S. 127]. 19/29 июля после длившегося более шести часов сражения, турецкий гарнизон в Азове сдался и в оставленный турками город вошли русские войска. Как уже Брикнер отмечал, трудно сказать, что привело турок к капитуляции «...приступ ли казаков, или угрожающая им с высоты вала опасность, или искусство иностранных инженеров, или состоявшаяся при помощи флота полная блокада крепости» [9, с. 164]. В сущности, имели место все эти причины, что и привело к сдаче осажденного города и победе царя.

На следующий день после взятия Азова по распоряжению царя Лаваль и Боргсдорф приступили к восстановлению и укреплению города. Антонио де Лаваль был произведен в чин генерал-инженера [16, с. 351]. Его чертежи о реконструкции и укреплении Азова в 1696 г. и подлинник его проекта 1697 г. сохранились в российских архивах [6, с. 55, 467]. Опубликованный в «Дневнике» Корба план крепости Азова близок к оригиналу проекта Лаваля 1697 г. и показывает, что Корб имел возможность познакомиться с чертежом инженера [18, с. 290]. В середине июля 1697 г. Лаваль начал строительство крепости в Таганрог, однако не на месте выбранном самим царем в 1696 г., а на Петрушиной косе, в пяти верстах западнее Таганрога, предполагая здесь же устроить и гавань. Крепость была названа в честь апостола Павла «Павловская» [18, с. 291]. Строительство шло медленно. Раздоры и конфликты с азовским воеводой подорвали авторитет и позиции генерального инженера. В июне 1698 г. на нем поступил донос, его обвиняли в саботаже и измене в пользу Османской империи, достали в Москву и хотя его вина не была доказана, в 1700 г. сослали в Сибирь, где он хотя и в ссылке продолжал работать и строить крепостные сооружения в пограничном районе с Китаем [16, с. 351-353; 34, S. 53].

У Боргсдорфа сложилась другая судьба. После взятия Азова он участвовал в реконструкции крепостной системы города, потом в обсуждении проекта строительства канала между Волгой и Доном, по рекам Иловле (приток Дона) и Камышинке (приток Волги), но работы пришлось отложить на более поздний срок и императорский инженер был отправлен по приказу боярина Тихона Стрешнева в 1697 г. на Украину восстанавливать крепостные сооружения Киева и Севска [35, р. 101-102]. В 1698 г. он сменил на должность в Азове и Таганроге арестованного и отправленного для процесса в Москву Лаваля. Корб

датирует возвращение Боргсдофа из Киева и начало его нового азовского-таганрогского периода 1697 г.: «Его царское величество указал Цесарскому Военному инженеру, Барону фон Боргсдорфу, построить вблизи Таганрога Город Мийус и три укрепления. А в Таганрог надлежало соорудить какую-то огромную крепость и гавань» [18, с. 286]. Проект Боргсдорфа о строительстве крепости и гавани был одобрен Петром Первым. Этот проект опубликован и в «Дневнике» Корба [18, с. 292], но так как в последствие оказалось, что место для строительства было выбрано неудачно, были построены только три небольшие крепости в 1698 г., с целью защитить будущие строительные работы гавани от татар, а сам проект не был осуществлен [18, с. 293]. Так же проект Боргсдорфа о строительстве крепости и гавани у Таганрога получил одобрение царя [18, с. 294], но тоже не был осуществлен. Видимо после отъезда барона, иностранные инженеры, у которых не были знания и опыта Боргсдорфа, не были в состоянии реализовать этого сложного и дорогостоящего проекта.

Пребывание в России сильно пошатнуло здоровье барона. Он многократно обращался с просьбой к Петру разрешить ему вернуться на родину и осенью 1699 г. наконец-то был отпущен и покинул Россию. 7 декабря 1699 г. его уже принимал в Вене президент Дворцового Военного совета, граф Эрнст Рюдигер фон Штаремберг, а 5 января 1700 г. он был на аудиенции у императора Леопольда I [35, р. 104-105]. Уезжая, Боргсдорф рекомендовал вместо себя для строительства крепости на мысе Таган (Таган-роге), инженера Рейнгольда Трузина/Траузина, но уже в письме от 5 марта 1700 г. боярин Т. Н. Стрешнев уведомлял Петра, что новый инженер умер и срочно нужен другой [6, с. 400]. С декабря 1700 г. фортификационными работами в Троицком руководил шведский инженер Юхан Георг Рекхаусен (в русских источниках фигурирует как Яган Регузин), приехавший в Россию из Нидерландов в 1698 г. За ним следовали подполковник Христофор Эрнст, майоры Григорий Эвертсон, Карлус Мас и Герхард Людвиг Шток [2, с. 412].

Находясь в Вене Боргсдорф продолжал интересоваться как обстоят дела в Таганроге. Об этом мы узнаем из переписки Виниуса с Петром весной 1700 г. и из наказа царя немедленно переслать письмо инженера в Воронеж [6, с. 400]. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде 158 «Приказные дела новых лет» хранится челобитная барона Боргсдорфа дать ему свидетельство о «первой его службе в России» [31, 1700, № 21]. Возникает вопрос: Почему свидетельство «о первой его службе в России»? Возможно уезжая из Москвы Боргсдорф обещал, что при необходимости он снова поступить на службу царя. Отношения с Петром Первым сохранились дружественными и Боргсдорф посвятил ему свои труды «Побеждающая крепость» и «Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати», которые были переведены и опубликованы на русском языке в 1708, 1709 и 1710 гг.

Считается, что эти труды положил начало военно-инженерной литературе при Петре Великом [33, с. 99].

Остальным специалистам, приехавшим с Боргсдорфом в Россию, меньше повезло. По свидетельством Плейера полковник Краге так же делал многократные опыты получить разрешение вернуться в Вену, но его не отпустили и он погиб под Ругодевым [37, S. 302; 8, с. 460]. С ним погибли подкопщики Франц Каллон, Иоганн Хоф и по всей вероятности и Антон Кох, который в Артиллерийском приказе числился как пропавшим под Ругодевым [8, с. 461].

Какой был статус у этих инженеров? Важным индикатором позиции иностранцев было жалование в год. С. Н. Нефедов сравнивая оплату наемников в Европе и в России обратил внимание на факт, что они получали в 2 раза выше обычной западноевропейской платы и во много раз выше жалования русских по происхождению солдат [22, с. 34-35]. В Артиллерийском приказе сохранились документы о жаловании иностранцев Петровской эпохи, которые были опубликованы Н. Бранденбургом. Здесь я привожу только дани о цесарских людях, которые приехали с Боргсдорфом и для сравнения дани о тех специалистах, которые восстанавливали Азов и строили Таганрог:

Таблица¹

Цесарские-же земли антон деловаль (Antoine de Laval)	1405 р. 21 ал. 2 д.	Послан всибирь всылку
Цесарское земли пушечной полковник Казимир Краге (Casimir von Krage)	792 р.	Убит под ругодевым в 700-м году
Матвей симунт	720 р.	На таганрогу
Фридрих Барон Фон Борксдорф (Ernst Friedrich von Borgsdorf)	660 р.	отпущен всвою землю.
Брандебурские земли Егор резант (Egor Resant/Georg Ernst Rese)	462 р.	отослан вновгородской приказ и жалованья там же берет
Инженер Давыд Голсман (Брандебург) (Davyd Golsman/Holtzmann)	462 р.	вновегороде
Раингольд Трузин (Renigol't Trusin/Trosien)	150 р. а как удела 390 р.	На Таганрогу умре
Французские земли крестьян руель (Christian Roel/Rouel)	390 р.	умре вазове
Подкопщики цесарские земли. 1. Гендрик лоренц (Heinrich Lorenz) 2. Николай сергер (Nikolaj Serger/Serrieur/Nikolaus Terier (Serier). 3. Франц Калон (Franz Kalson (Kalzon)	198 р. 132 р. 132 р.	1. Умре вновегороде. 2. Вполону у шведов. 3. Убит под ругодевым. 4. Пропал безвестно под ругодевым.

¹ В таблице сохранена орфография публикации Бранденбурга, а в скобках даны разные формы написания имен иностранных специалистов.

4. Антоний коти (Anton Koch) 5. Яган исо (Jagan Iso/Johann Hof) 6. Томос Бозант (Tomas Bozant, auch Thomas Begant) 7. Гергорт Тирион (Gergort Tirion) 8. Гензиюс Рос (Gensijs Ros)	132 р. 132 р. 132 р. 132 р. 132 р.	5. Убит под ругодевым. 6,7,8 – Вазове; жалованья берут в разряде
Италианские земли подполковник христофор Эрнест (Christofor Ernest)	216 р.	На таганрогу у при- стани жалованья да- етца изрозряду
Огнестрелного дела мастера ¹ : Лорен шмит (Lorenz Schmidt) Лоренц урбан (Lorenz Urban) Цесарские земли капитан кондра- тей Меэр (Kondratej Meer/Meyer)	165 р. 165 р. 132 р.	Отпущен всю землю. Отпущен всю землю. Отпущен хкуреистру Брандебургскому для призыва начальных людей
ученик инженерных дел іван вейде (прислан из посолского приказу в 700 р.)	96 р.	Отослан вновгородской приказ

На основание статистики Бранденбурга можно сделать вывод, что в конце XVII – начале XVIII веков наибольшее число иноземцев было выписано в артиллерию из Голландии и из Англии, из первого – техники по пушечному делу, а из Англии главным образом лекари [8, с. 219-220]. Наибольшую част инженерных чинов составляли немцы и они были и самые дорого оплачивае- мые иностранцы. Лекари например получали между 144 и 96 рублей, столько сколько ученик инженерных дел Йоганн (Иван) Вейде, а жалование генерал- инженера Лаваль (1405 р. 21 ал. 2 д.) было в десять раз больше. По сравнению с ним Боргсдорф получал очень скромную сумму – 660 р., но Кристиан Руэл получал еще меньше, только 390 р. [8, с. 460-466]. При том Боргсдорф продолжал быть на службе у императора и в Вене его ожидало солидное жалование главного инженера.

В заключении можно сказать, что участие иностранных специалистов сыграло важную роль во взятии Азова и в строительстве оборонительных линий в Приазовье. Азовские походы четко показали уровень боеспособности русской армии. Они выявили острую необходимость структурных преобразований и потребность иметь своих специалистов. Уже в 1697 г. австрийский посол в Москве Плейер сообщал императору об отправлении молодых людей учиться в Голландию, Данию и Италию [26, Fol. 134-137], а отправляясь в длинное путешествие за границу в составе Великого посольства Петр Первый взял с собой цвет молодежи для того чтобы обучить их кораблестроению и мореплаванию.

¹ В публикации Бранденбурга они ошибочно представлены как выходцы из «Галанские же земли». См. С. 462.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аваков, П. А. Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 2. С. 298–311.
2. Аваков, П. А. Памятники фортификации петровской эпохи на территории Ростовской области (утраченные и сохранившиеся) // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 г. СПб. : Европейский дом, 2016. – С. 406–423.
3. Аваков, П. А. Троицкая линия на Миусском полуострове (1702–1711) // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Статьи и материалы III и IV междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование», Архангельск, 20–22 сент. 2012 г., 15–17 сент. 2016 г. Сост. и отв. ред. И. М. Гостев. Архангельск : Новодвинка, 2016. – С. 239–250.
4. Анисимов, Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 332 с.
5. Быховский, И. А. Петровские корабельы. Л. : Судостроение, 1982. – 103 с.
6. Богословский, М. М. Петр I. Т. 4. Русско-датский союз. Керченский поход. Дипломатическая подготовка Северной войны. Реформы и преобразовательные планы 1699–1700 гг. Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне (1699–1701). [М.] ОГИЗ Госполитиздат, 1948. – 514 с.
7. Богословский, М. М. Петр Великий: Материалы для биографии. Т. I: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697. – [М.], ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 435 с.
8. Бранденбург, Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720) / Н. Е. Бранденбург. – СПб. : Тип. артиллерийского журнала, 1876. – 574 с.
9. Брикнер, А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М. : Сварог и К, 2000. – 684 с.
10. Бумаги и письма императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб. : Государственная типография, 1889. – 721 с., LXII.
11. Бумаги и письма императора Петра Великого. Т. 3 (1704–1705). СПб. : Государственная типография, 1893. – 1064 с.
12. Гостев, И. М. Архангельская Новодвинская крепость: проблемы изучения, сохранения и музеефикации // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 г. СПб. : Европейский дом, 2016. – С. 391–405.
13. Гордон, П. Дневник 1690–1695 / Пер. с англ., ст. и примеч. Д. Г. Федосова / Отв. ред. М. Р. Рыженков. М. : Наука, 2014. – 624 с.

B8%D0%BD%D0%B8_%D0%AF%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%BD_pdf

29. Тарле, Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е. В. Сочинения. Том 10. М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. – С. 363–841.

30. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2: Потешные и азовские походы. СПб. : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. – 590 с.

31. Челобитная цесарского инженера барона Эрнста Фридриха фон Борхздорфа // РГАДА, Фонд 158, Приказные дела новых лет, Оп. 1, 1700: № 21, февраля 20 http://rgada.info/opisi/158-opis_1.pdf

32. Черников, С. В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века. К вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // Cahiers du monde russe, Paris, 2009, 50/4, – Р. 699–735.

33. Шварц, И. Императорский инженер Боргсдорф – у основ петровской фортификации // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. Вып. VII. – С. 89–101.

34. Amburger, E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert // Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I: Giessener Abhandlungen aus Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 42. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. – 200 S.

35. Ardeleanu, G. S. Contributie la istoria expediilor de la Azov (1696–1699) // Studii Revista de istorie. Anul IX, n°2-3. 1956. – P. 91–106.

36. Gordon, P. Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699. Bd. 3. SPb. : Im Kommission bei K. F. Köhler in Leipzig, 1853. – 418 S., Register 118 S.

37. Hasselblatt, A. Otto Anton Pleyer, der erste förmlich accreditirte österreichische Diplomat am russischen Hofe 1692-1719 // Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands. Bd. VII. SPb. : Kaiserliche Hofbuchhandlung H. Schmitzdorff, 1875. – S. 281-316.

38. Krokosz, P. Rosyjskie siły zbrojne za panowania Piotra I. Kraków : Arcana, 2010. – 427 s.

39. Ihro Zaristischen Majestät Plakate betreffend die Einrichtung dero Militar-Etats Anno 1702. (Moscau) 1702. 4 Bl. <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/9301/1/>

40. Wittram, R. Peter I., Czar und Kaiser. Bd.1: Peter der Große in seiner Zeit. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. – 490 S.

REFERENCES

1. Avakov, P. A. Osnovanie Taganrogskoj gavani: ot idei k voploshcheniyu // Voprosy istorii estestvoznanija i tekhniki. 2016. T. 37. № 2. S. 298–311.
2. Avakov, P. A. Pamyatniki fortifikacii petrovskoj epohi na territorii Rostovskoj oblasti (utrachennye i sohranivshiesya) // Petrovskie pamyatniki Rossii i Evropy. Izuchenie, sohranenie, kul'turnyj turizm. Materialy VII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 5-7 iyunya 2015 g. SPb. : Evropejskij dom, 2016. – S. 406–423.
3. Avakov, P. A. Troickaya liniya na Miusskom poluostrove (1702–1711). // Novye materialy po istorii fortifikacii. Vyp. 2. Stat'i i materialy III i IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Pamyatniki fortifikacii: istoriya, restavraciya, ispol'zovanie», Arhangel'sk, 20–22 sent. 2012 g., 15–17 sent. 2016 g. Sost. i otv. red. I. M. Gostev. Arhangel'sk : Novodvinka, 2016. – S. 239–250.
4. Anisimov, E. V. Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra Velikogo v pervoj chetverti XVIII veka. SPb. : Dmitrij Bulanin, 1997. – 332 s.
5. Byhovskij, I. A. Petrovskie korabely. L. : Sudostroenie, 1982. – 103 s.
6. Bogoslovskij, M. M. Petr I. T. 4. Russko-datskij soyuz. Kerchenskij pohod. Diplomaticeskaya podgotovka Severnoj vojny. Reformy i preobrazovatel'nye plany 1699–1700 gg. Nachalo vojny Danii i Pol'shi so SHveciej i prigotovleniya Petra k Severnoj vojne (1699–1701). [M.] OGIZ Gospolitizdat, 1948. – 514 s.
7. Bogoslovskii, M. M. Petr Velikiy: Materialy dlya biografii. T. I: Detstvo. YUnost'. Azovskie pohody, 30 maya 1672 – 9 marta 1697. – [M.], OGIZ Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1940. – 435 s.
8. Brandenburg, N. E. Materialy dlya istorii artillerijskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1701–1720) / N. E. Brandenburg. – SPb. : Tip. artillerijskogo zhurnala, 1876. – 574 s.
9. Brikner, A. G. Illyustrirovannaya istoriya Petra Velikogo. M. : Svarog i K, 2000. – 684 s.
10. Bumagi i pis'ma imperatora Petra Velikogo. T. 2 (1702–1703). SPb. : Gosudarstvennaya tipografiya, 1889. – 721 s., LXII.
11. Bumagi i pis'ma imperatora Petra Velikogo. T. 3 (1704–1705). SPb. : Gosudarstvennaya tipografiya, 1893. – 1064 s.
12. Gostev, I. M. Arhangel'skaya Novodvinskaya krepost': problemy izucheniya, sohraneniya i muzeefikacii // Petrovskie pamyatniki Rossii i Evropy. Izuchenie, sohranenie, kul'turnyj turizm. Materialy VII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 5-7 iyunya 2015 g. SPb. : Evropejskij dom, 2016. – S. 391–405.
13. Gordon, P. Dnevnik 1690–1695 / Per. s angl., st. i primech. D. G. Fedosova / Otv. red. M. R. Ryzhenkov. M. : Nauka, 2014. – 624 s.
14. Guzevich D., Guzevich I. Velikoe posol'stvo: Rubezh epoh ili Nachalo puti (1697–1698). SPb. : Dmitrij Bulanin, 2008. – 696 s.

29. Tarle, E. V. Severnaya vojna i shvedskoe nashestvie na Rossiyu // Tarle, E.V. Sochineniya. Tom 10. M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. – S. 363–841.
30. Ustryalov, N. G. Iстория carstvovaniya Petra Velikogo. T. 2: Poteshnye i azovskie pohody. SPb. : Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancelyarii, 1858. – 590 s.
31. Chelobitnaya cesarskogo inzhenera barona Ernsta Fridriha fon Borhedorfa // RGADA, Fond 158, Prikaznye dela novyh let, Op. 1, 1700: № 21, fevralya 20 http://rgada.info/opisi/158-opis_1.pdf
32. Chernikov, S. V. Evolyuciya vysshego komandovaniya rossijskoj armii i flota pervoj chetverti XVIII veka. K voprosu o roli evropejskogo vliyaniya pri provedenii petrovskih voennyh reform // Cahiers du monde russe, Paris, 2009, 50/4, – P. 699–735.
33. Schwarcz, I. Imperatorskij inzhener Borgsdorf – u osnov petrovskoj fortifikacii // Rossijsko-avstrijskij al'manah: istoricheskie i kul'turnye parallel'i. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2019. Vyp. VII. – S. 89–101.
34. Amburger, E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert // Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I: Giessener Abhandlungen aus Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 42. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. – 200 S.
35. Ardeleanu, G. S. Contributie la istoria expeditiilor de la Azov (1696-1699) // Studii Revista de istorie. Anul IX, №2-3. 1956. – P. 91–106.
36. Gordon, P. Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699. Bd. 3. SPb. : Im Kommission bei K. F. Köhler in Leipzig, 1853. – 418 S., Register 118 S.
37. Hasselblatt, A. Otto Anton Pleyer, der erste förmlich accreditirte österreichische Diplomat am russischen Hofe 1692-1719 // Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands. Bd. VII. SPb. : Kaiserliche Hofbuchhandlung H. Schmitzdorff, 1875. – S. 281-316.
38. Krokossz, P. Rosyjskie siły zbrojne za panowania Piotra I. Kraków : Arcana, 2010. – 427 s.
39. Ihro Zaristischen Majestät Plakate betreffend die Einrichtung dero Militar-Etats Anno 1702. (Moscau) 1702. 4 Bl. <https://digital.slub-dresden.de/wer-kansicht/dlf/9301/1/>
40. Wittram, R. Peter I., Czar und Kaiser. Bd.1: Peter der Große in seiner Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. – 490 S.

МИРОВОЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЮГА РОССИИ

УДК 94(47).05

АРХАНГЕЛЬСКАЯ НОВОДВИНСКАЯ КРЕПОСТЬ – ПЕРВАЯ КАМЕННАЯ БАСТИОННАЯ ПРИМОРСКАЯ КРЕПОСТЬ В РОССИИ

Игорь Михайлович Гостев

Архангельск, Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается история строительства Новодвинской крепости, начиная от причин и принятие решения о её возведении до реализации замысла. Рассмотрены меры, предпринимавшиеся для организации обороны Архангельска от нападения противника, как в годы Северной войны (1700–1721), так и в дальнейшем, включая события Крымской (Восточной) войны (1853–1856). Кратко рассмотрена история разрушения крепостных сооружений и история начала возрождения Новодвинской крепости и её возвращения в историко-культурный оборот.

Ключевые слова: Северная война, Крымская (Восточная) война, бастионная крепость, приморская крепость, артиллерия, народное ополчение, реставрация, экскурсионно-туристический маршрут.

UDC 94(47).05

THE NOVODVINSKAYA FORTRESS IN ARKHANGELSK – RUSSIA'S THE FIRST BASTION FORTRESS BUILT OF STONE

Igor M. Gostev

Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. This article is to consider the history Novodvinskaya fortress construction – from the foundation decision reasons to the conception realization. Author reviews measures for defense of Arkhangelsk from the Northern war (1700–1721) to Eastern (Crimean) war (1853–1856). Article shortly reviews the fortification destruction, revival of the fortress and its restitution as a historic and cultural object.

Key words: Northern war, Eastern (Crimean) war, bastion fortress, maritime fortress, artillery, militia, restoration, excursion and tourism route.

К Великой Северной войне, которая изменила политический расклад в Европе, русский царь Петр I готовился заранее. Еще до вступления в войну со Швецией царь предпринял меры по укреплению северных границ. 9 июня 1700 г. на Двину приехал в качестве воеводы боярин князь Алексей Петрович Прозоровский [17. л. 32]. До перевода в Архангельск князь «сидел» воеводой в Азове (1697–1699). Новому воеводе была дана наказная память, которая включала статьи о принятии мер для обороны города на случай неприятельского нападения, ему также поручалось «о таких случаях проводывать». В наказе он предупреждался об имевшихся сведениях, что шведы давно собираются напасть на Архангельск [16. С. 26–34].

На Русском Севере о начале войны люди узнали из грамоты, датированной 21 августа 1700 г. и отправленной из Москвы на следующий день. А. П. Прозоровский получил ее в Холмогорах не ранее первых чисел сентября [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 3–4.].

Гарнизоны Архангельска и Холмогор для обороны столь обширной территории и для ведения разведки были слишком малы. В Холмогорах должно было находиться два солдатских полка: Русский и Гайдуцкий, которые к тому времени уже два года несли караульную службу в столице. В месте постоянной дислокации оставались только глубокие старики и малолетки. В Архангельске был Городской стрелецкий полк, часть которого была также выслана в столицу для пополнения Холмогорских полков. В полном составе полки собрались лишь конца апреля 1701 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1698. Д. 505. Л. 167–168].

В каждом из них были: командир – солдатский голова, иначе писавшийся полковником, 6 капитанов и по 607 солдат в полку [16. С. 133]. Всего в 1700 г. имелось 38 исправных артиллерийских орудий различных систем и калибров. Здесь находилось также 30 пищалей и одна легкая мортира, оставленные в предыдущие приезды Петра I, из них четыре пушки были взяты на царский корабль и яхту.

Война для России началась с сокрушительного поражения под Нарвой, что сломало все стратегические планы Петра I. В конце 1700 г. шведы начали готовить отдельный отряд (эскадру) флота для нападения на Архангельск. Задача, поставленная королем Карлом XII, заключалась в следующем: разорить и сжечь Архангельск, уничтожить судоверфь и порт и тем самым пресечь торговлю России с западноевропейскими странами. Успех этой акции имел бы для России катастрофические последствия [3. С. 188–212].

17 декабря 1700 г. Петр I указал «у города Архангелского боярину и воеводе князю Алексею Петровичу Прозоровскому на Малой Двинке речке, где бывает для обережи караул, построить крепость вновь, ситадель на 1000 человек, чтоб в ней с магасейными запасными дворами вышеписанному числу людем быть было удобно». Государь предписывал заготовить текущей зимой большее количество стройматериалов, «отписав на государя» все имевшиеся каменные припасы в самом Архангельске и близлежащих монастырях, в том числе, у Холмогорского архиепископа, городских и посадских людей, а также у иноzemцев. Заготовка припасов и строительство крепости возлагались на жителей Архангельска и Холмогор, уездных государственных волостей, архиепископских и монастырских крестьян – «всеми, чей бы хто ни был» [15. с. 82].

В Холмогорах воевода принял царский указ в новогодние дни от прибывшего из столицы 6 января 1701 г. саксонского инженера Ягана Адлера [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 31–32.]. Площадка для возведения комплекса фортификационных сооружений была выбрана между Архангельском и Белым морем на острове Линский Прилук на берегу Березовского устья (совр. название Корабельный рукав) Северной Двины, примерно в 20 верстах от города. В этом месте фарватер находился очень близко от берега, и корабли неминуемо попадали в зону эффективного огня крепостной артиллерии. Узкая протока шириной до 300 м, проходившая между территорией, избранной для крепости, и Марковым островом, не только могла быть легко перекрыта боевым заграждением, но и не позволяла вероятному противнику сосредоточить здесь значительное число боевых кораблей, что обеспечивало превосходство береговой артиллерии над врагом.

Всю оставшуюся зиму на Двине потратили на сбор всех имевшихся у населения припасов, и надо сказать, что сделать удалось многое. К весне, рядом с будущей крепостью вырос большой склад стройматериалов.

Понимая невозможность возведения крепости силами только жителей Двинского уезда, члены общества от имени «двинян – посацких людей и уездных крестьян» обратились к Петру I с просьбой дать им «в подмогу иные города» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701. Д. 11. Л. 1.]. Царь отреагировал немедленно, 1 февраля 1701 г. было повелено «у дела той новой крепости быть» кроме двинян, жителям Каргополя, Чаранды, Кевролы и Мезени. Согласно этому указу, стройматериалы, имевшиеся в Великом Устюге, также должны были быть «отписаны» для строительства новой крепости [РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 2.].

14 марта 1701 г. последовал указ о послыке в Архангельск инженера – «брандебурской земли иноземца Егора Резена, и тому месту и каковой быть крепости, учинить чертеж новой с подлинною и явною описью». 19 марта из Новгородского приказа была направлена грамота двинскому воеводе, в которой указано «место к строению той крепости, где он, инженер, будет указывать, вычистить и изготовить, и к бутке рвы покопать, и всякие припасы старые и отписные поставить, и вновь по росписи изготовить... тотчас, чтоб в том строении ни за чем никакого мотчания отнюдь не было». Эту грамоту инженер Георг Резе (Егор Резен) вручил градодержцу в Холмогорах 18 апреля [1. с. 99–100]. Именно ему и придется заниматься фортификацией на беломорском побережье в течение всей Северной войны [7. с. 34–37; 18. с. 56].

Расчистка местности под крепость началась 1 мая 1701 г., когда еще лежал снег. К 12 июня 1701 г. был вырыт котлован и забито свайное поле. В этот день состоялись торжества по поводу освящения закладывавшегося фундамента крепости, которые многократно описаны в различных источниках и литературе [3. С. 239; 4. С. 52; 10. С. 59–60; 11. С. 120–121; 12. С. 56–58; 13. С. 54; 17. Л. 38 об.–39]. Вероятно, до прихода шведов это был единственный праздничный нерабочий день на стройплощадке.

В соответствии с царским указом и по грамотам от 8 и 10 июня 1701 г. строилась не только сама каменная твердыня, но и система береговых батарей: «покамест та крепость построитца, велено инженеру на самом берегу реки Двинки или где пристойно, место осмотреть и делать 4 батареи с равными редутами, чтоб мочно было друг другу в нужное время помогать и оборонять, а на батареях поставит по 5 пушек не малых со всякими припасы, и быть на них по 100 человек служилых людей, и поставит туры, и насыпят землею, и всегда б были как люди так и ружье на тех батареях в готовности, да к тем же батареям зделат ззади очистительные шанцы¹, чтоб на них не мочно неприятелю взойти» [РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 4.].

¹ Шанцы – фортификационный термин, означающий полевые укрепления. Здесь имеется в виду укрепление для пехоты, которая должна иметь возможность в случае высадки вражеского десанта и обхода им укреплений отбить его нападение с тыла.

Если акцентировать внимание на этом эпизоде, то вполне может сложиться впечатление, что вокруг будущей крепости просто создавалась сеть полевых укреплений, необходимая для защиты строительной площадки. Но фортификационные работы велись не только в этом месте. Одновременно с засорением двух других, ранее судоходных рукавов дельты Северной Двины, строились артиллерийские батареи и на них. Об этих сооружениях 1701 г. сохранились только письменные свидетельства, нет ни чертежей, ни схематических зарисовок. Это были земляные редуты, рассчитанные на гарнизоны в 100 человек и на 10 пушек в каждом [16. С. 116–119]. Постройкой одного из укреплений руководил голландский инженер и пехотный капитан Николай Рам, участник Азовского похода (1695–1696 гг.), служивший после этого в Таганроге и Павловском [РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 64–65.].

Так началось строительство первой в России каменной бастионной крепости и первого, говоря современным языком, укрепленного района береговой обороны.

25 июня 1701 г. никаких сведений о подошедшем флоте противника в Архангельске еще не было, хотя нападения шведов ждали. Были убраны все навигационные знаки, как в дельте Северной Двины, так и в Белом море на подступах к городу [РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 58.]. Строительные работы на укреплениях продолжались обычным порядком.

Чертеж Г. Резе [РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.] позволяет увидеть, где и какие батареи были построены на островах Линской Прилук и Марков, на месте строительства цитадели. К приходу шведов каменная крепость хоть и не была возведена, но на ее месте был создан мощный оборонительный узел, состоявший из Большой батареи – возводившегося Флажного бастиона крепости, вооруженной 10 пушками; батареи на Марковом острове, вооруженной 15 пушками; двумя малыми батареями, вооруженными 2 и 3 пушками. Кроме того, был устроен редут для укрытия пехоты и прикрытия позиции с севера на случай высадки десанта противника.

Шедшая к Архангельску шведская эскадра выдавала себя за караван торговых судов под флагами Англии и Голландии. Эта маскировка ей легко удалась, так как перед ней с минимальным опережением подошел смешанный караван из шести английских, голландских, немецких и французских судов. С начала навигации до 24 июня в Архангельск уже пришло 47 иностранных торговых судов. С каждым днем прибывавших торговать кораблей было все больше, в частности, шесть судов пришли в город за сутки до нападения шведов [РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Л. 26–27.]. Несмотря на царский указ и приказы воеводы, это притупило бдительность северян.

Для штурма крепости был сформирован передовой отряд, состоявший из трех кораблей с малой осадкой: шнявы «Мёхунден», командование которой

принял капитан Карл Ханс Вактмейстер, и двух галиотов «Тёва-литет» (лейтенант Принц) и «Фалькен» (лейтенант Ю. Алин), численность команд и десанта на которых составила 120 солдат и матросов, не считая офицеров и унтер-офицеров, а вооружение – 19 пушек. Кроме того, в отряд включили три хорошо вооруженные шлюпки [3. с. 66]. Корабли шли под нейтральными флагами, постоянно промеряя глубину.

25 июня 1701 г. вечером, «за три часа до ночи» [16. с. 150], шведские суда подошли к Новодвинской крепости. Время нападения на крепость было обусловлено приливом, воспользовавшись которым, противник и рассчитывал проскочить мели, но это не удалось.

С Большой батареи по шведским кораблям был открыт орудийный огонь, однако расположение шнявы и галиота на мели носом к крепости создавало сложности для прицельной стрельбы. Но и противник мог стрелять только из мелкокалиберных носовых пушек; как известно, во времена парусного флота основные артиллерийские позиции размещались по бортам. Понимая, что выиграть это сражение невозможно, шведы попытались снять корабли с мели и уйти на исходные позиции.

Для того чтобы понять, как реально шел бой, нужно иметь в виду, что стояла белая ночь. Солнце в начале битвы находилось над горизонтом на северо-западе и ослепляло канониров батареи Маркова острова. Так что начать прицельную стрельбу со своих позиций на острове артиллеристы могли лишь несколько часов спустя, вероятно, ближе к утру, когда солнце отклонилось к северу-востоку и далее к востоку. Первые же залпы батареи Маркова острова нанесли очень существенный ущерб двум шведским кораблям, стоявшим на мели правыми бортами к этой батарее. Сильно пострадал и оставшийся в отдалении на плаву галиот «Тёва-литет», который в начале боя пытался оказать помощь огнем из своих орудий, но, получив повреждения от русских ядер, вынужден был отойти. Повреждения были существенные: 8-ми и 4-фунтовыми ядрами был пробит нос, 6-фунтовым – сломан руль; кроме того, ядрами были порваны паруса и флаг на мачте [4. с. 77].

С отливом, по команде солдатского головы Г. Н. Животовского, солдаты и работные люди отправились на всех имевшихся в их распоряжении мелких судах на абордаж севших на мель вражеских кораблей. Солдаты с Маркова острова пошли вброд по мели. Поняв всю бесполезность дальнейшего сопротивления, шведы на уцелевших шлюпках добрались до находившегося на плаву галиота и ушли к главным силам своей эскадры, дожидавшихся их у Мудьюга. Разорив вотчину Соловецкого монастыря Куйское усолье на Зимнем берегу Белого моря и вотчинную деревню Воскресенского монастыря в Пялицкой волости на Терском берегу, шведская эскадра отправилась из Белого моря домой.

Победителям достались богатые по тем временам трофеи: 5 шведских флагов, 13 пушек, 200 ядер и множество различного имущества. 10 пушек большого и среднего калибров пошли на усиление обороны Архангельска, что было очень кстати. Месяц спустя после знаменательной победы, 25 июля 1701 г., Петр I, отметив вклад архиепископа Афанасия в строительство крепости, распорядился передать ему в дар три малые пушки на вертлюгах [РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Л. 130–131; Ф. 141. Оп. 8. Д. 145. Л. 131–131 об.]. В настоящее время эти пушки экспонируются в Архангельском краеведческом музее.

По случаю победы Петр I написал одному из своих ближайших соратников Ф. М. Апраксину: «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилося у города Архангельского зело чудесно... Сим нечаянным счастием поздравляю вам; где чего не чаяли, Бог дал» [14. с. 456–457].

Победа 25 июня 1701 г. предопределила возможность поворотного момента в отечественной и европейской истории начала XVIII в. Благодаря разгрому отряда шведского флота был сохранен единственный порт России, через который в Россию поступало новейшее европейское оружие и так необходимые стратегические материалы. Была сохранена судоверфь, на которой зарождался Балтийский флот, обеспечивавшая Россию морскими военными кораблями и торговыми судами. Все это помогло России одержать победу в Северной войне, положив конец безраздельному господству Швеции на Балтике.

Возвведение укреплений в дельте Северной Двины ни на день не останавливалось. В Архангельске ожидали, что шведы вернутся, перегруппировав силы и подготовив повторный удар. Распыление сил на оборонительные работы, которые велись по всей дельте Двины, сильно задерживало строительство цитадели. Однако к середине октября 1701 г. был практически полностью построен каменный фундамент крепости, периметр которого составлял 708 сажень (1510 м), а ширина около 7 м. Каменные стены будущего Флажного бастиона крепости поднялись над землей примерно на метр [РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701. Д. 283.]. В бастионе был возведен большой каменный пороховой погреб, сохранившийся до наших дней.

28 октября своим указом, кроме уже приписанных городов, Петр I дополнительно определил к строительству Новодвинской крепости Вагу, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Тотьму и Вятку [РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 13–14.]. Работных людей и подводы предписывалось брать по одному с пяти дворов со своими инструментами – с заступами, кирками и железными лопатами, «всего с 52 186 дворов работников 10 437 человек, лошадей и заступов, и кирок, и лопат по столку ж». Кроме того, с приписных городов должны были «все каменных дел подмастерья и каменщики, и кирпичного дела мастера, и кузнецы... со всякими снастями выслать к городу Архангелскому» [РГАДА.

Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 8.]. Не все города оказались приписаны к строительству крепости на долго. После взятия Нотебурга и Ниеншанца часть земель отошла для поставки рабочей силы и материалов на строительство новой российской столицы – Санкт-Петербурга.

В 1702 г. Архангельск стал базой для подготовки похода Петра I к Нотебургу (Орешек), где было положено начало новому выходу России к балтийскому побережью, утраченному в XVI в. по Столбовскому договору.

Петр I уделял большое внимание фортификационным работам в дельте Северной Двины. В. В. Крестинин писал, что «в сие лето по разпределению и под смотрением самого Государя все проходы к Городу с моря приведены в безопасность батареями, а Мурманское и Пудожемское Двинские устья деланы непроходимыми погружением в воду барок с песком» [9. С. 373]. В это же время были усовершенствованы батареи, расположенные рядом с крепостью. Севернее крепости было обустроено три батареи. На острове Маркове большая батарея 1701 г. была переоборудована под три батареи, различавшиеся как по вооружению, так и по размеру.

Петр I понимал, что его пребывание в Архангельске и подготовка к походу повлекли большие непредвиденные расходы, а средств на фортификационные работы в Архангельске требовалось еще немало. Поэтому он своим именным указом от 17 июля приписал на один год (1702 г.) к строительству крепости города Яренск, Соликамск, Кайгородок и Сысольские волости, с которых приказал собрать «денег по 1 рублю по 6 алтын по 4 денги з двора против переписных книг [7]186 (1678 – И.Г.) году сполна» [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 10.].

Пребывание Петра I в Архангельске ознаменовалось и назначением первого коменданта «крепостей на Новой Двинке». Им стал полковник Матвей Бордовик. Он получил от царя письменный «наказ» (инструкцию), который, по сути, являлся первым русским регламентом приморской крепости [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703. Д. 135. Л. 3–10 об.].

В 1704 г. шестиметровые каменные стены крепости были завершены, построены были и «башни» над воротами – двухэтажные каменные дома с боевыми казематами и жилыми палатами для офицеров. Одновременно были приведены в порядок и башни каменного Архангельского города, включавшего укрепленные Русский и Немецкий гостиные дворы. Начались гигантские по своему объему земляные работы: присыпка земляного вала и устройство брустверов на нем для укрытия артиллерийских позиций, которые удалось завершить только к 1706 г. Рытье крепостного рва завершилось в 1709 г. Ров имел каменные стены, батардо со шлюзами. Со стороны реки была устроена каменная набережная.

К 1707 г. была построена каменная четырехугольная цитадель, окруженная фосебреей, водяным рвом, гласисом, которые находились на завершающей стадии работ. На вооружении крепости находилось 120 пушек и 4 мортиры. Снаружи располагалось еще 6 батарей, на вооружении которых было 62 пушки. На соседнем судоходном рукаве (Мурманском устье), которым могли воспользоваться мелкие суда противника, укрепления представляли собой два «городка» – небольшие четырехугольные деревянно-земляные укрепления, вооруженные 55 пушками и затинными пищалями: по 25 пушек калибром 4 и 6 фунтов, две 2-фунтовых пушки и три пищали [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1707. Д. 31. Л. 31–32 об.]. Кроме того, на съезжем солдатском дворе находилось 10 скорострельных пушек на вертлюгах [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1707. Д. 31. Л. 34.].

С продвижением шведских сухопутных войск к российским границам вновь возросла угроза Архангельску и северным морским коммуникациям. В начале 1708 г. шведская армия двинулась в направлении Смоленска. Положение осложнялось тем, что в России не были известны планы противника. Петр I ждал повторного нападения противника на Архангельск. Из ближней канцелярии была послана грамота, предписывающая «у города Архангелского старое устье укрепить, чтоб не токмо большими, но и малыми судами пройти было не мочно и от приходу неприятелских свейских людей, иметь опасение, и приезжих из-за моря разных государств на караблех правителем сказать чтоб во время прихода неприятелского учинили вспоможение» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 84 об.].

28 июля 1708 г. в Архангельск пришла новая грамота о принятии мер по защите города. В условиях острой нехватки рабочих рук на Пудожемском устье начали строить батареи, возле которых было устроено боновое заграждение – «положена чрез то устье з берегу на берег бревенчатая на постоях з железными чепями и на конате заплавь». Также были оборудованы три плавучие батареи – прамы и «брандеры готовят с поспешением» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 98 об.–99.]. Точно такая же водная преграда была сооружена «против городков» на Мурманском устье. Там же создавались зажигательные суда, а у Новодвинской крепости было устроено боновое заграждение и наплавной «мост з железною толстою чепью» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 99.], которые не только преграждали судоходное русло, но и обеспечивали надежную связь крепости с батареей на Марковом острове.

Батареи Пудожемского устья первоначально были вооружены уже в 1702 г., хотя их обустройство не было завершено. Точных данных о видах оружия на этих батареях мы не имеем, но, исходя из общего числа ядер, стоит предположить, что к имевшимся там пушкам добавилось еще 9 или 10, к которым и были отпущены ядра (из расчета по 50–55 ядер на пушку) [16. с. 264–266].

В Архангельске и поморских селениях формировалось народное ополчение. Решение об этом содержалось в указах воеводы. Из письма земского старосты Андрея Глаголева к государю известно, что вооружалось все население станов, волостей и поселений по побережью Белого моря, «чтоб у тамошних жителей у всякого ружье, копья, и рогатины, и бердыши, и пищали, и фузей, и пистолеты были или у кого какое есть и чтоб были во всякой опасности... и ежели оные неприятели где явятца, и оные б грацкие жители все были с тем ружьем налицо, а холмогорские уездные с теми сотники, и пятидесятники, и десятники со оным ружьем для осады и береженья, и отпору приходили к городу Архангельскому тотчас». Также сообщалось об охотниках, что «с уезду стрельцы, которые стреляют птицу и зверя, охотники, взяты к Архангельскому городу» [16. с. 210–211].

Ружей на руках у горожан и крестьян было мало. По распоряжениям двинского воеводы П. А. Голицына (записи о которых сохранились в «Расходной книге артиллерии Архангельского гарнизона»), в июле и августе 1708 г. оружие и порох были выданы для вооружения Николо-Корельского монастыря, а также гражданского населения Архангельска и Холмогор [16. с. 265–268].

К концу строительного сезона были дополнительно возведены новые укрепления: батарея на 12 пушек «на Соловковском устье на берегу против Маркова острова», предназначенная для предотвращения прохода мелкосидящих судов в районе мелей, и серьезные укрепления в Лапоминской гавани – «два городка» с возможностью размещения 24 пушек [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 15. Л. 31 об.].

С окончанием навигации угроза нападения с моря для Архангельска в очередной раз благополучно миновала. В Архангельске салютом отметили победу русских войск над корпусом Левенгаупта под дер. Лесной. Однако оборонительные мероприятия никто не отменял, подготовка к отражению возможной атаки на город и порт продолжалась.

В ноябре-декабре 1708 и в январе 1709 г. от набегов шведских отрядов пострадали западные поморские земли. Сведения об участившихся нападениях на поморские земли сильно волновали двинского воеводу, тем более что реальную помощь крестьянам приграничных селений было невозможно оказать из-за отсутствия там гарнизонов и крепостей. Пеший переход шведских войск к Архангельску в зимнее время был, в принципе, возможен, так как замерзшие болота и реки уже не были непроходимой преградой для противника. П. А. Голицына беспокоило, что если враг подойдет к Архангельску с двух направлений – с моря и суши, то сил для защиты города будет недостаточно, поскольку личный состав трех полков, имевшихся в городе, был разбит на небольшие подразделения, находящиеся в разных местах, а людей не хватало даже на смену караулов [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 174. Л. 5–6; Д. 15. Оп. 1. Л. 3 об.–4, 8, 28 об.–29.].

Свое письмо к Петру I от 9 февраля 1709 г. воевода посвятил проблеме нехватки необходимого количества стрелкового оружия и пороха в полках, а также орудий для вооружения новых батарей, прамов и брандеров. Всего для оснащения батарей, в том числе плавучих, требовалось 126 пушек, в том числе 63 дробовика с боеприпасами. Дополнительно к имевшемуся запасу пороха было необходимо: 1000 пудов артиллерийского и 300 пудов мушкетного пороха, а также 300 пудов фитиля. Для двинских полков потребность составила: 1000 фузей, 1950 шпаг с ножнами, 5 алебард, 1950 «сум салдацких» и 12 барабанов [РГАДА. Ф. 158. Д. 15. Оп. 1. Л. 31 об.].

Эту зиму впервые после 1701/1702 г., когда готовился поход Петра I к Архангельску, воевода П. А. Голицын полностью посвятил укреплению обороны Архангельска. Подобная работа не могла остаться незамеченной. Портовый город, где проживало множество иностранцев, куда приходили десятки торговых судов из разных западноевропейских стран, на борту которых были матросы различных национальностей, безусловно, находился под пристальным вниманием как союзников, так и противников. Очевидно, что столь серьезная работа по совершенствованию обороны стала важнейшей предпосылкой, позволившей предотвратить нападение на Архангельск в 1708 и 1709 г.

Разгром шведов под Полтавой 27 июня 1709 г., известие о котором дошло до Архангельска почти месяц спустя, принес радость и облегчение. Было понятно, что шведам сейчас будет не до нападения на Архангельск. Строительные работы в крепости вернулись в нормальное русло. С северной стороны был заложен большой равелин, строительство которого было окончено в 1714 г. [13. с. 72]. Этот год стал моментом завершения каменного строительства на Малой Двинке, хотя еще многое оставалось недоделанным. Равелин защищал северный полигон (фронт) крепости со стороны моря, обеспечивая значительное усиление огневой мощи крепости на направлении возможного нападения противника. Восточный и южный полигоны, однако, оставались без дополнительной защиты. Правда, и угроза с этих направлений была значительно меньше. Нападение было возможно лишь в случае высадки вражеского десанта, действия которого, в свою очередь, были бы затруднены природными условиями – болотистыми берегами северной оконечности острова, на котором была расположена крепость.

В это время Петр I сосредоточил внимание на строительстве Санкт-Петербурга, укреплений и гаваней на о. Котлин – будущего Кронштадта, а также на формировании русского Балтийского флота. Эти масштабные работы требовали большого количества сил и средств. Одним из решений данной проблемы стал запрет на каменное строительство на территории всей страны, независимо от целей строительства [2. с. 132].

До недавнего времени было принято считать, что строительство крепости завершилось именно в 1714 г. Однако, как свидетельствуют архивные документы, работы продолжались, только в совершенно новых политических, экономических и военно-стратегических условиях. Запрет каменного строительства, отписание Чаронды на обеспечение нужд петербургского адмиралтейства, первый указ Петра о переводе морской внешней торговли из Архангельска в Санкт-Петербург и активизация каменного строительства на берегах Невы в условиях продолжавшейся войны резко осложнили завершение строительства Новодвинской крепости и всей системы подчиненных ей фортификационных сооружений. В 1719 г. Архангелогородская губерния была разделена («расписана») на четыре провинции, в частности, города Великий Устюг, Сольвычегодск и Тотьма приписаны к другим провинциям, в результате чего на строительстве крепости «работных людей и денег в сборе убыло существенно» [РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 15 об.].

События завершающего периода Северной войны практически не касались Архангельска. Новых угроз не возникало до момента распада антишведской коалиции, начавшейся с заключения союза Англии со Швецией в 1720 г., который был всецело направлен против России.

Как только стало известно об этом договоре, 5 февраля 1720 г. из сената и Военной коллегии последовало распоряжение со ссылкой на именной указ Петра I о достройке крепости в Архангельске [РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.]. 10 апреля 1720 г. Петром I был подписан указ об опасности нападения английского флота на Архангельск [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 13. Л. 51–51 об.]. Работы по укреплению каменного города и гостиных дворов начались 1 июня [РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.]. По ведомости подполковника Стражина, ведавшего артиллерией Архангельского гарнизона, к июню 1720 г. в наличии имелось 302 пушки¹ разных систем и калибров и 5 мортир. Из них в городе Архангельске находилось 35 пушек разных калибров и одна трехпудовая мортира. В Архангелогородской (Новодвинской крепости) – 217 орудий различных систем, в том числе: 211 пушек разных калибров (от 2 до 24 фунтов), 20-фунтовый дробовик, 3-х-фунтовый бас, и 4 мортиры (2 – трехпудовые и 2 – двухпудовые). Остальные пушки были на адмиралтейской верфи.

Подписание «вечного мира» со Швецией в 1721 г. ознаменовалось резким сокращением расходов на оборону северных границ. Оборонительное строительство на севере России было приостановлено весной-летом 1721 г.

¹ При подсчете артиллерии в «Ведомость» вкраилась ошибка – подполковник Стражин указал 282 пушки, вместо фактических 302.

В собственноручной записке Петра I, составленной в 1724 г., среди замечаний о крепостях Российской империи указано, что Архангелогородская крепость относится к очень небольшой группе (одна из девяти) «Фортеции регулярные и готовые» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Д. 55. Л. 148.].

Активные строительные работы в Новодвинской крепости возобновились в 1730-е годы, когда были устроены большие благоустроенные казармы для гарнизона и необходимые цейхгаузы.

Большой вклад в совершенствование глубокоэшелонированного укрепрайона дельты Северной Двины с центром обороны и управления в Новодвинской крепости внес инженер-генерал П.К. Сухтелен, на которого было возложена организация обороны Беломорских рубежей в 1800–1801 гг. из-за угрозы военного конфликта с Британией [6. с. 106–116].

Созданная система береговой обороны сыграла большую роль в предотвращении нападения англо-французского флота на Архангельск в годы Крымской (Восточной) войны (1853–1856). Передовая батарея укрепрайона, расположенная на острове Мудьюжском, совместно с отрядом канонерских лодок, отразили четыре попытки высадки десанта противника [8. с. 117–124].

Строения Новодвинской крепости, ликвидированной в 1864 г., на следующий год были переданы в пользование Архангельской епархии, которая вместо того, чтобы разместить там приют и училище, под которое она просила эти строения, устроила их варварское разграбление, превратив крепость в каменоломню. Этот вандализм был остановлен в 1897 г. вмешательством Министерства внутренних дел и Императорского Археологического общества. 5 мая 1914 г. Императорская Археологическая комиссия возбудила ходатайство «об отпуске необходимых средств на поддержание этого исторического памятника, созданного гением Великого Петра на северной окраине России» в Государственную Думу, рассматривавшей в это время законопроект о памятниках старины [5. С. 16–27].

Решению этого вопроса помешала Первая мировая война и последовавшая смена государственной власти. Только в 1947 г. Новодвинская крепость была признана памятником архитектуры. В это время на её территории находилась режимная зона Спецзавода НКВД СССР № 1 «Конвойер». Несмотря на статус «памятника» сооружения крепости продолжали намеренно разрушаться.

Только в 2006 г. федеральная служба исполнения наказаний вывела с территории крепости свои подразделения. Однако производственные цеха постройки 1930–1970-х годов, активно разрушаясь, простояли до 2013 г.

Объект культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения «Новодвинская крепость» в декабре 2007 года был передан в безвозмездное оперативное пользование государственному бюджетному учреждению культуры Архангельской области «Архангельский краеведческий музей».

Благодаря финансированию в рамках федеральной целевой программы «Культура России 2006–2011 годы» и последующей программы «Культура России (2012–2018 годы) по разделу «Историческая память» на памятнике проведены противоаварийные работы на Офицерском корпусе и Летних воротах, находящихся в ветхом состоянии. Осуществлены археологические, проектные, противоаварийные работы, предварительные комплексные научные исследования по Пороховому погребу, разработана научно-сметная документация по Комендантскому корпусу, на территории крепости проведены инженерные изыскания, была начата реставрация Комендантского дома и парадных Двинских ворот крепости. Общая сумма вложенных федеральных средств составила 70,8 миллионов рублей.

Архангельским краеведческим музеем разработан и реализуется стратегический план сохранения и развития Новодвинской крепости на 2011–2025 годы, план первоочередных мероприятий по открытию памятника для массового экскурсионного показа. Стратегическим планом предусмотрены, как ремонтно-реставрационные работы на памятнике, так и его музеефикация. Одновременно с этим запланировано создание музейной и экскурсионно-туристической инфраструктуры для которой необходимо высвобождение земельных участков, находящихся, как в муниципальном, так и в федеральном ведении.

В 2012 году были проведены работы по благоустройству экскурсионного маршрута, в том числе установлены информационные стелы, указатели и ограничительные таблички по экскурсионному маршруту, оборудованы лестничный подъем, пешеходные мостки, смотровая площадка, издан информационный буклет.

Презентация объекта «Новодвинская крепость» для экскурсионного показа состоялась 23 июня 2012 года. С тех пор в период навигации, что обеспечивает паромную переправу экскурсионных автобусов, осуществляются регулярные экскурсии в крепость организованных групп туристов, а также открыт свободный доступ всем желающим для прогулок. Имеются необходимые информационные стелы и таблички, оборудован безопасный маршрут.

В 2014 году экскурсионный маршрут по крепости «Северный форпост» был признан победителем всероссийского конкурса Российского военно-исторического общества в Северо-Западном федеральном округе.

30 августа 2016 года на заседании Межведомственной комиссии по морскому наследию Новодвинская крепость была удостоена памятного знака «Морское наследие России».

Ежегодно, в течение последних 6 лет, в середине июля, в дни праздничной недели Святых апостолов Петра и Павла – небесных покровителей крепости, в крепости проводятся ежегодные праздники «День Новодвинской крепо-

сти». В прошлом году в празднике в крепости приняло участие более 600 человек. Количество посетителей в крепости, несмотря на сложную логистику маршрута и плохое состояние дороги, ведущей к крепости, ежегодно составляет около 3000 человек.

В 2018 и 2019 годах в крепости работала летняя историко-археологическая школа для школьников и студентов, которая финансировалась грантами Российского исторического общества.

Более 10 лет, по инициативе школ города, в Архангельске действует детская акция «Новодвинской крепости – новую жизнь!». Каждый год с середины мая до середины июня школьники разных школ Архангельска и пригородов приезжают на крепость, где проводят субботники, совершают пешие походы к крепости, после которых работниками музея проводятся экскурсии, устраиваются квесты и викторины.

К сожалению, с 2016 года всякое федеральное финансирование реставрации крепости было прекращено, работы остановлены. Музей за счет собственных средств обеспечивает содержание территории, поддерживает консервацию сохранившихся исторических зданий, постройки начала XVIII в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский историко-литературный сборник, изданный Флегонтом Вальневым. СПб., 1844.
2. Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года): Хрестоматия. Архангельск, 2004.
3. Беспятых Ю. Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2010.
4. Беспятых Ю. Н. История знаменитого сражения. Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск, 1990.
5. Гостев И. М. История разрушения Новодвинской крепости // Архангельская старина. Популярный исторический журнал. 2010. № 3. С. 16–27.
6. Гостев И. М. Командировка инженер-генерала Петра Корниловича фан Сухтелена в Архангельск 1800–1801 гг. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: Статьи и материалы III и IV междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 20–22 сент. 2012 г., 15–17 сент. 2016 г. Архангельск, 2016. С. 106–116.
7. Гостев И. М. George Ernest Rese, Ingenieur. Бранденбургский инженер Георг Эрнест Резе // Архангельская старина. Популярный исторический журнал. 2010. № 2. С. 34–37.
8. Гостев И. М., Давыдов Р. А. Плавучие батареи, брандеры и канонеры

ские лодки в системе обороны Архангельска в XVIII–XIX вв. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: Статьи и материалы III и IV междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 20–22 сент. 2012 г., 15–17 сент. 2016 г. Архангельск, 2016. С. 117–124.

9. Крестинин В. В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора, Петра Великого, от 1693 года по 1719 год // Василий Васильевич Крестинин. Труды. Творческая биография. Библиография: [сборник] / Сост.: Е. И. Тропичева; науч. ред. А. А. Куратов. Архангельск: Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова, 2007.

10. Летописец Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1990.

11. Летопись Двинская / Изд. А. А. Титов. М., 1889.

12. О высочайших пришествиях Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783.

13. Петр Великий на севере. Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909.

14. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1.

15. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: Сб. док. Т. I (1700–1709 гг.) / Под. ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. М., 2009.

16. Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Подгот. Ю. Н. Беспятых, В. В. Брызгалова, П. А. Кротова. Архангельск, 1993.

17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Собрание А.А. Титова. № 4682.

18. Gostev I. Festungsingenieur Georg Ernst Rese 1696-1721 in Archangelsk // Festungsjournal. Deutsche Gesellschaft fur Festungsforschung. 2010. № 37. S. 56.

REFERENCES

1. *Arhangelskiy istoriko-literaturniy sbornik, izdanniy Flegontom Walnevim [Arkhangelsk Historical and Literary Collection, published by Phlegont Valnev].* Saint Petersburg, 1844.

2. Arhangelskiy sever v dokumentah istorii (s drevneyshih vremen do 1917 goda): Hrestomatia [Arkhangel'sk North in history documents (from ancient times to 1917): Reader]. Arhangelsk, 2004.
3. Bespiatih U. N. *Arhangelsk nakanune i v godi Severnoy viyni 1700–1721. [Arkhangelsk on the eve and during the Northern War of 1700–1721]*. Saint Petersburg, 2010.
4. Bespiatih U. N. *Istoriya znamenitogo sragenia. Svedskaia ekspedicia na Arhangelsk v 1701 [The history of the famous battle. Swedish expedition to Arkhangelsk in 1701]*. Arhangelsk, 1990.
5. Gostev I. M. Istoriya razrushenia Novodvinskoy kreposti [The history of the destruction of the Novodvinsk fortress]. *Arhangelskaya starina. Populyarniy istoricheskiy jornal. [Arkhangelsk antiquity. Popular history magazine]*. 2010. № 3. P. 16–27.
6. Gostev I. M. Komandirovka ingener-generala Petra Kornilovitcha van Suhtelena v Arhangelsk 1800–1801 [Business trip of engineer-general Pyotr Kornilovich van Sukhtelen to Arkhangelsk 1800–1801]. *Novie materiali po istorii fortifikacii. Vip. 2: Stati i materiali III u IV mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Pamyatniki fortifikacii: istoriya, restavraciya, ispolsovsnie»*. Arhangelsk, 20–22 sentyabrya 2012., 15–17 sentyabrya 2016. [New materials on the history of fortification. Issue 2: Articles and materials III and IV int. scientific-practical conf. “Monuments of fortification: history, restoration, use”. Arkhangelsk, 20–22 Sept. 2012, 15–17 Sept. 2016]. Arhangelsk, 2016. P. 106–116.
7. Gostev I. M. George Ernest Rese, Ingenieur. Brandenburgskiy ingener George Ernest Rese [George Ernest Rese, Ingenieur. Brandenburg engineer Georg Ernest Rese]. *Arhangelskaya starina. Populyarniy istoricheskiy jornal. [Arkhangelsk antiquity. Popular history magazine]*. 2010. № 2. s. 34–37.
8. Gostev I. M., Davidov R. A. Plavuchie batarei, brandery i kanonerskie lodki v sisteme oborony Arhangelska v XVIII–XIX vv. [Floating batteries, fire ships and gunboats in the defense system of Arkhangelsk in the 18th – 19th centuries]. *Novie materiali po istorii fortifikacii. Vip. 2: Stati i materiali III u IV mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Pamyatniki fortifikacii: istoriya, restavraciya, ispolsovsnie»*. Arhangelsk, 20–22 sentyabrya 2012., 15–17 sentyabrya 2016. [New materials on the history of fortification. Issue 2: Articles and materials III and IV int. scientific-practical conf. “Monuments of fortification: history, restoration, use”. Arkhangelsk, 20–22 Sept. 2012, 15–17 Sept. 2016]. Arhangelsk, 2016. s. 117–124.
9. Krestinin V.V. Istoricheskij opyt o vneshej torgovle gosudarya imperatora, Petra Velikogo, ot 1693 goda po 1719 god [Historical experience about foreign trade of the emperor, Peter the Great, from 1693 to 1719]. *Vasilij Vasilevich Krestinin. Trudy. Tvorcheskaya biografiya. Bibliografiya: sbornik [Vasily Vasilevich Krestinin. Works. Creative biography. Bibliography: collection]*.

Krestinin. Proceedings. Creative biography. Bibliography: collection]. Compiled by: E. I. Tropicheva; scientific. ed. A. A. Kuratov. Arhangelsk, Arhangelskaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. N.A. Dobrolyubova, 2007.

10. *Letopisec Severa: Istoriko-kraevedcheskij sbornik [Chronicler of the North: Historical and Local Lore Collection]. Arhangelsk, 1990.*

11. *Letopis Dvinskaya [The Dvinskaya Chronicle]. Ed. A. A. Titov. Moscow, 1889.*

12. *O vysochajshih prishestviyah Velikago gosudarya carya i velikago knyazya Petra Alekseevicha vseya Velikiya i Malyya i Belyya Rossii samoderzhca, iz carstvuyushchago grada Moskvy na Dvinu k Arhangelskomu gorodu, troekratno byvshih; o nahozhdenii shvedskikh nepriyatelskih korablej na tu zhe Dvinu k Arhangelskomu gorodu; o zachatii Novodvinskoy kreposti i o osvyashchenii novogo hrama v sej kreposti [About the highest adventures of the Great Sovereign Tsar and Great Duke Peter Alekseevich of all the Great and Small and White Russia, the autocrat, from the reigning city of Moscow to the Dvina to the Arkhangelsk city, which were three times; about finding the Swedish enemy ships on the same Dvina to the Arkhangelsk city; about the conception of the Novodvinsk fortress and about the consecration of a new church in this fortress]. Moscow, 1783.*

13. *Petr Velikij na severo. Sbornik statej I ukazov, otnosyashchihsya k deyatelnosti Petra I na Severo [Peter the Great in the north. Collection of articles and decrees related to the activities of Peter I in the North]. Ed. by A. F. Shidlovskii. Arhangelsk, 1909.*

14. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Vol. I. Saint-Petersburg, 1887.*

15. *Severnaya voyna 1700–1721. K 300-letiyu Poltavskoy pobedi: Sbornik dokumentov. T. I (1700–1709) [Northern War of 1700–1721. To the 300th anniversary of the Poltava victory: Sat. doc. T. I (1700–1709)]. Ed. by L. G. Beskrovny, G. A. Kumanev. Moscow, 2009.*

16. *Trevozhnye gody Arhangelska. 1700–1721: Dokumenty po istorii Belomorya v epohu Petra Velikogo [Troubled years of Arkhangelsk. 1700–1721: Documents on the history of the White Sea region in the era of Peter the Great] / Prepared by U. N. Bespiatihi, V.V. Brizgalov, P.A. Krotov. Arhangelsk, 1993.*

17. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Collection of A. A. Titov. No. 4682.

18. *Gostev I. Festungsingenieur Georg Ernst Rese 1696–1721 in Archangelsk // Festungsjournal. Deutsche Gesellschaft fur Festungsforschung. 2010. № 37. S. 56.*

ПЕТР I И НАЧАЛО ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ

**Рамиль Равилович Хайрутдинов,
Рафаэль Миргасимович Валеев,
Айрат Габитович Ситдиков**
г. Казань, Российская Федерация

PETER I AND THE BEGINNING OF THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA

**Ramil R. Khairutdinov,
Rafael M. Valeev,
Airat G. Situdikov**
Kazan, Russian Federation

Охрана объектов культурного наследия выражается в комплексе мер, направленных на предотвращение разрушения объекта и достижения оптимальных условий сохранения на длительный срок объектов материальной культуры для передачи этих объектов в наилучшем виде последующим поколениям как достояния человечества. Поддерживать объекты культурного наследия в неизменном состоянии главная задача памятникоохранительной деятельности [1].

Это выжимка основных принципов охраны культурного наследия. Чтобы прийти к таким принципам, сегодня кажущимся повседневными, логичными и простыми, у большинства стран мира ушло две сотни долгих лет. Сколько памятников истории человечества утеряно безвозвратно только за эти два столетия – сосчитать невозможно, еще больше безвозвратно утеряно в глубине веков за пределами этого небольшого в исторической перспективе срока.

Первые ассоциации охраны памятников появляются в Европе к исходу XVIII в. Например, во Франции в 1791 г. памятники истории и культуры объявили всенародным достоянием, а в 1795 году во Франции появилась первая служба охраны культурного наследия, занимавшаяся реставрацией. Эти события имели прямую связь с Великой Французской революцией. Европейские страны прошли путь в двести лет, чтобы прийти к современному состоянию организации охраны культурного наследия. России понадобилось три столетия – но начинала она свой путь намного раньше всех остальных европейских стран и это очень занимательный исторический факт.

За 69 лет до знаменитого французского указа, в России в 1722 году состоялась первая масштабная операция по реставрации целого ряда исторических памятников и первый в истории России археологический комплекс был поставлен под государственную охрану. Эта реставрация была проведена в соответствии с целями и принципами, которыми хранители культурного наследия и реставраторы руководствуются сегодня. Необходимо было совершить комплекс мероприятий, направленных на сохранение объектов культурного наследия, чтобы сохранить их в лучшем виде для последующих поколений. В России этот путь начал первый русский император – Пётр I Великий, а реставрируемым памятником стал древний город Болгар.

Царь-реформатор несомненно опередил свое время. Это был человек во многом полагавшийся на научную картину мира и обладавший ученым любопытством, свою державу царь хотел видеть выстроенной на тех же принципах – уважения к знаниям и их поиску, эффективной деятельности и преумножения научных открытий. Учреждая Кунсткамеру, Пётр Алексеевич повелел собирать диковинки разного рода и толка за материальное вознаграждение, а также создавать описания археологических памятников и древних городов.

В 1719 году Даниил (Даниэль) Готлиб Мессершмидт, немецкий ученый, нанятый Петром I для изучения Сибири, описывает Болгар. По контракту, заключенному с российским правительством, в задачи Мессершмидта входил большой круг задач – он должен был исследовать аптекарские травы и возможность их применения в быту, описывать животный мир, географию, искать древние рукописи, письмена и древние артефакты. Болгар стал одной из важных остановок Мессершмидта, ведь в те времена современное Поволжье считалось пограничной территорией, где Сибирь начинается, отчёт Мессершмидта, несомненно, лег на стол государю в течении года или около того, однако, Петр не мог не знать о существовании Болгара – он повелел на его территории в 1712 году организовать Успенский мужской монастырь и дьяк А. Михайлов в ходе создания описей для размежевания территории под монастырь описывает архитектурные памятники, сохранившиеся в разрушенном городе и даже уточняет их высоту и размер [2].

В мае 1722 года на пути в Персидский поход царь Пётр I посетил руины древнего Болгара. Прибывавшие в Болгар оставляли «на входе» (у Большого минарета) свое имя, эту традицию исполнил и царь, начертав свое имя на ступени. В самом городе взору государя предстали 70 каменных строений разной степени сохранности, включая крепостной вал, бани, «большой» и «малый» минареты и другие строения. Город был центром татарского паломничества, сюда стягивалось множество людей почтить великую древность - Болгар воспринимался татарами не только как древний религиозный центр, но и исторический памятник. Сохранились описания визита Петра, воспоминания очевидцев. От

8 июня 1722 года есть запись летописца о визите Петра I в Болгар: «Его Величество ездил в Болгари, город старинной, где была столица князей болгарских и жили народ, называемые болгары». Визит императора не был запланирован, в Тетюшах на его галере менялись гребцы и чтобы скоротать время, государь и его спутники решили скоротать время, посетив необычную диковину – древний каменный город. Петр со своей свитой объехал всё поселение, поднялся на малый и большой минареты. На Большом минарете Петр отметил, что с такой высоты болгарам было удобно вести наблюдение за границами города и во время заметить нападающих. Город не был полностью заброшен – рядом было расположено село. Основные постройки действительно были оставлены, но пребывали в полуразрушенном состоянии. В Болгаре действовал монастырь, основанный Петром. Селение теплилось жизнью.

Мусульманские и армянские надгробия Петр повелел сохранить и перевести содержание их надписей на русский язык. Перевод был сделан командой из трех человек - ахуном Кадыр-Мухаммедом Сюнчелеевым, слободским переводчиком Юсупом Ишбулатовым, а также армянином Иваном Васильевым. Вот одна из таких надписей в духе восточного красноречия: «Вот гробница Эмира Великого, знатнейшего, славнейшего, знаменитейшего, благороднейшего Ахмеда Хаджия, сына Мувамика, внука Мухуссейна Насара Болгарского. О боже! Умилосердись над ним обширным милосердием и будь великодущен к нему своим снисхождением и прощением» [8].

Когда император достиг Астрахани, казанскому губернатору Алексею Петровичу Салтыкову пришло царское повеление – провести опись комплекса археологического памятника, собрать команду для его реставрации и представить императору исчерпывающий отчет о проведенных мероприятиях, этот указ был датирован 2 июля 1722 года, вот его текст: «Господин губернатор! В бытность нашу в Болгаре видели мы, что у старинного болгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный подлежит подделать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно много есть, также и места старые по времени велите чинить» [3].

А. П. Салтыкова и Петра I связывали многие, часто весьма печальные события. Верный слуга государя, Салтыков участвовал в суде над сыном Петра – царевичем Алексеем и был одним из вельмож подписавших его смертный приговор, во многом изменившим судьбу России. Таково оказалось бремя абсолютной монархии – часто величайший из царей мог иметь неспособных детей, судьба детей Петра сложится удивительным образом и мужское колено Романовых закончится на его внуке – Петре II, сыне царевича Алексея, совсем юном человеке, неспособным править доставшимся от деда могучим механизмом новой Российской Империи. Служба казанским губернатором, на которую

был назначен А. П. Салтыков после судебного процесса над царевичем Алексеем, сопровождалась многими дополнительными требованиями императора. Помимо губернского хозяйства, Салтыков по приказу царя расселял по губернии лифляндских косцов, чтобы они учили крестьян косами собирать хлеб, активно участвовал в поиске диковинных экспонатов для Кунсткамеры – известно, что он передавал мутировавших младенцев и «живого петуха о четырех ногах». Другими, более важными задачами Салтыкова, были предприятия по подготовке к Персидскому походу. Он занимался строительством кораблей, заготавливал продовольствие для армии и казанского гарнизона, собирал команды для поиска золотой и серебряной руды. Новая задача, поставленная перед губернатором, была крайне нетривиальна – реставрацией археологических памятников российские губернаторы до этого дня не занимались. Неизвестно, как относился Салтыков к повелениям Петра и каково было его отношение к этой задаче – сохранение и реставрация Болгара, поскольку любые расхождения с волей царя на словах или в письме считались изменой и могли послужить компроматом при досмотре Тайной канцелярией.

В ходе реставрации Болгара укрепили Большой минарет – его верхняя часть была окована железными обручами, затем по настоянию казанского вице-губернатора покрыта дощатой крышей. Ремонту подверглась болгарская баня, Белая палата и несколько других зданий. План города, обмеры зданий, описание строений было направлено императору, а работа была завершена 25 сентября 1723 года: «1723 году сентября в 25 день на Болгарах каменного древнего здание палата турецкая баня, починена и на старом фундаменте. К ней вновь пристроено и два столпа, на которых верхи наделаны, а о том значит опись и чертёж» [4][5].

Как было сказано выше, царь Петр во многом опередил свое время. До Эпохи Просвещения, в эру, когда иноверческие памятники во многих странах просто уничтожались, русский православный самодержавный царь повелел своим подданным сохранить мусульманский памятник и охранять его впредь, поскольку находил Болгар достойным зреющим, свидетельством мастерства человеческих рук и человеческого гения, не делал разницы по вероисповеданию строителей, поскольку воспринимал мир в более научной картине мира, чем это было принято до него. Эти ремонтные мероприятия никак не сравнятся с современными методами реставрации, но до формирования современных принципов реставрации оставалось подождать всего 243 года, стоит учесть, что не имея профессиональной подготовки и не имея теоретического понимания концепции восстановления исторических памятников, А. П. Салтыков и его подчиненные с задачей справились. В Российском государственном архиве древних актов в кабинете Петра хранится подлинник указа императора о со-

хранении болгарских руин – первый в истории России акт об охране культурного наследия [6].

Когда царь Пётр умер, его указы и наставления перестали исполняться в полной мере, а люди, называвшие себя сыновьями и дочерьми петровской эпохи не сберегли завоеваний его наследия, прямые потомки императора не переняли широкий взгляд царя-реформатора на многие аспекты внутренней политики. Болгар был забыт государственными властями. Но не был забыт местным населением, оставшиеся без охраны здания начали расхищаться на строительные материалы. Свой путь охраны культурного наследия Россия официально начала почти на сотню лет раньше, чем другие государства Европы. Её бодрый старт, к сожалению, прервался на взлете [7].

Но если государственная охрана памятников сделала перерыв, в дело вступила общественность. Созданные в петровское время исторические общества продолжили дело изучения истории России. В 1726 году на территории Болгара были проведены первые археологические раскопки, памятник, вновь открытый в 1712 году для научной общественности, изучался более профессионально [8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. М.: Этерна, 2015. 259 с.
2. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1.
3. Персова С. Г. Из истории изучения Болгарского городища // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015.
4. Лепехин И. И. Дневные записки. СПб.: Акад. Наук, 1771
5. Абдуллин Х. М., Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдиков А. Г. Открытие древнего Болгара. – Казань: Главдизайн, 2016. – 254 с.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 93. Л. 362
7. Астафьев В. В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1 (3). – С. 81–85.
8. Порфириев С. Древности Казанского края в актах генерального межевания. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1904.
9. Долгова С. Р., Болотина Н. Ю., Кононова А. Ю. «Весьма прекрасно и преславно Болгарское городище...» // Древняя Казань в документах Российского государственного архива Древних актов. Казань, 2003. С. 26–28.
10. Походный журнал 1722 года. СПб., 1855.

REFERENCES

1. Cowlen M. E. *Muzeefikacija istoriko-kul'turnogo nasledija Rossii [Museumification of the historical and cultural heritage of Russia]*. Moscow, Eterna, 2015. 259 p.
2. National Archives of the Republic of Tatarstan. F. 169. Op. 1. D. 1.
3. Persova S. G. Iz istorii izuchenija Bolgarskogo gorodishha. [From the history of the study of the Bulgarian settlement]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]*. 2015.
4. Lepekhin I. I. *Dnevnyja zapiski. [Day notes]*. SPb .: Acad. Science, 1771
5. Abdullin Kh. M., Baranov V. S., Bugrov D. G., Sitdikov A. G. *Otkrytie drevnego Bolgara. [Discovery of the ancient Bolgar]*. Kazan, Glavdesign, 2016. 254 p.
6. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9. Cabinet of Peter I. II. Book. 93.L. 362
7. Astafiev V. V. Obshhestvo arheologii, istorii i jetnografii pri Kazanskom universitete i ego unikal'nyj opyt interpretacii istoricheskikh pamjatnikov [Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University and its unique experience in the interpretation of historical monuments]. *Voprosy muzeologii. [Questions of museology]*. 2011. No. 1 (3). P. 81–85.
8. Porfiriev S. *Drevnosti Kazanskogo kraja v aktah general'nogo mezhevanija [Antiquities of the Kazan Territory in the acts of general land surveying]*. Kazan, Type. Imper. university, 1904.
9. Dolgova S. R., Bolotina N. Yu., Kononova A. Yu. «Ves'ma prekrasno i preslavno Bolgarskoe gorodishhe...». ["A very beautiful and glorious Bulgarian settlement ..."]. *Drevnjaja Kazan' v dokumentah Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva Drevnih aktov. [Ancient Kazan in the documents of the Russian State Archive of Ancient Acts]*. Kazan, 2003. P. 26–28.
10. *Pohodnyj zhurnal 1722 goda. [Travel journal of 1722]*. Saint-Petersburg, 1855.

**«...УЧИНИТЬ КОММУНИКАЦИЮ НАДЕЖНУЮ
ОТ МОРЯ КАСПИЙСКОГО...» (ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ
СОЕДИНЕНИЯ ВОДНЫХ БАССЕЙНОВ ВОЛГИ И ДОНА
И ОСТАВЛЕННЫЕ ИМИ ПАМЯТНИКИ)**

Игорь Николаевич Юркин
г. Москва, Российская Федерация

**"... TO CONSTRUCT RELIABLE COMMUNICATION FROM THE
CASPIAN SEA ..." (THE FIRST ATTEMPTS TO CONNECT
THE WATER BASINS OF THE VOLGA AND THE DON
AND THE MONUMENTS LEFT BY THEM)**

Igor N. Yurkin
Moscow, Russian Federation

Введение

История соединения двух великих рек русской равнины Волги и Дона растянулась на два с половиной столетия, при этом не исключено, что она охватывает еще больший временной промежуток. Строительство связки завершилось в середине 20 в., когда в 1952 г. ввели в эксплуатацию Волго-Донской канал. История реализации последнего проекта освещена в литературе неплохо, о ней написаны статьи и книги. Первые же попытки соединения изучены недостаточно.

Не претендуя в статье на то, чтобы заполнить данный пробел, напомним в ней об этих попытках, после чего рассмотрим оставленный ими ландшафтный след и объекты, в настоящее время ставшие памятниками истории техники.

1. Селимов канал

Самые ранние сведения о планах соединения Волги и Дона относятся к району среднего их течения, где русла этих рек наиболее близко подходят друг к другу. Соединение водных систем не требовало соединения главных рек – достаточно было связать в месте наибольшего сближения их притоки, из которых наибольший интерес вызывали реки Камышинка (принадлежит Волжскому бассейну) и Иловля (бассейн Дона).

Такая идея рассматривалась еще в 1560-х гг. при султане Сулеймане I Великолепном как элемент подготовки к походу на Астрахань. Ее поддержи-

вал великий визирь Мехмед-паша Соколлу, была начата подготовка к ее реализации. К весне 1564 г. готовился инвентарь и инструмент, была определена трасса канала, выработан план похода. Предполагалось идти Доном до устья Иловли, преодолев переволоку длиной 7 верст, добраться до Волги, перебраться на другой ее берег и идти до Астрахани¹. Осуществлен этот проект не был. Но при преемнике Сулеймана, султане Селиме II в 1569 г. к этой идее вернулись. Поход был предпринят. Относительно эпизода, связанного с каналом, сведения разнятся. В литературе упоминается, что к работам были привлечены более 20 тыс. человек, что они велись в течение месяца и окончились неудачей, при этом строители пришли к заключению о невозможности добиться успеха. По другим данным, турки от соединения отказались. Одна из причин – противодействие проекту крымского хана, опасавшегося появления огромного похожего на море озера, которое откроет москвичам возможность добираться на ладьях до Крыма [11, с. 132-166].

Крымский хан действительно был противником похода, и думать так мог. Но была ли реально предпринята попытка прокопать канал? В 1570 г. некий «полонянник» так рассказывал о походе московскому послу в Турцию И. П. Новосильцеву: «А из Озова Касимбег и турские люди шли вверх подле Дону коньми до Царицыны речки, а наряд и запас везли Доном в судах. А шли до той же речки полтора месяца; а пришед к той речки волочили из Дону на берег наряд и запас и суды-каторги, в которых было им судах о Переволоки итти в судах Волгою до Асторхани; да на берегу под суды и под наряд делали волоки и колеса. А стояли у берега четырнадцать ден, а поделав волоки и колеса, пошли прочь от берегу к Волге. А шли деи половину дня; и стали ся у них волоки и колеса портити; и турские люди наряд, и подкоп, и суды, и казну, и запас назад отворотили к Азову с капыдоном... потому что было им нелзе перекопи делати и судов провадити» [9, с. 190]. В этом рассказе о перекопе говорится лишь в конце и в самом общем плане: сделано заключение о невозможности его осуществить. О попытке осуществить не сказано. Вместе с тем присутствие такого упоминания позволяет все же предполагать, что создание перекопа на каком-то этапе похода считали делом вполне реальным. Возможно, отказаться от строительства (или все же остановить начатое?) заставила потеря времени и ресурсов во время двухнедельной подготовки к перемещению судов волоком и на колесах. Турки и татары отправились по домам.

¹ Прочие сведения об этом маршруте, которые сообщает П. А. Садиков, не вполне понятны. Он описывает его так: «Доном добраться до реки Иловли, там переложить «наряд» на телеги и плыть в мелких судах до реки Черепахи, впадающей в Волгу; между Иловлей и Черепахой одолеть Переволоку верст в 7, спуститься по реке Черепахе до Волги...» [11, с. 132-166]. Судя по цитированному тексту, река Черепаха является притоком Волги. Но четыре малые реки в этом и близком районах, название которых включает слово Черепаха, принадлежат бассейну Дона.

2. Канал Бреккеля

История следующих трех проектов соединения связана с личностью и деятельностью Петра Великого. Все они идеально вписались в систему политических и экономических приоритетов, какой она сформировалась в сознании царя на рубеже XVII и XVIII вв.

В двух проектах соединяли Камышинку и Иловлю. Сначала работами руководил полковник И. Бреккель, позднее английский капитан Д. Перри. «О слузном деле также пишут с благою надеждою, – 6 августа 1697 г. сообщал думный дьяк Андрей Андреевич Виниус находившемуся за границей царю, – и Брекель в надежде полной то дело за Вышнею помощью совершить» [8, с. 637]. Но надежда не оправдалась, и в конце 1701 г., отчаявшись, работу остановили [5, с. 287], [7, с. 2-4].

Перри, пришедший на смену Бреккелю, видел причину его неудачи в плохой инженерной подготовке проекта. Он, по рассказу англичанина, «считался очень хорошим инженером по части укреплений; но мало смысля дела, которое взял на себя, так неосновательно начертил план канала, что первый устроенный шлюз сорвало». Бреккель бежал. Царь, – продолжает Перри, – узнав об этом в Англии¹, соблаговолил «немедленно отправить меня, чтобы исследовать, насколько эта работа возможна, что и было исполнено мною в течение того же года» [7, с. 3].

3. Канал Перри

Джон Перри повел канал частично по другой трассе, но, несмотря на это, добился немногим большего. Свою неудачу он сваливал на нехватку рабочей силы: требовал 30 тысяч работников, получал всегда меньше. Когда начались работы на Ивановском канале, соединение Камышинки и Иловли было остановлено.

Впрочем, В. Н. Татищев о технической квалификации Перри был не лучшего мнения, чем тот о квалификации Бреккеля: писал, что Перри «был человек неосновательный», за работу взялся ««льстясь великим жалованьем». Татищев именно Перри считал виноватым и в неуспехе проекта соединения через Иван-озеро. В данном случае он ошибался – прямого участия в этой, новой работе Перри не принимал.

4. Ивановский канал

Готовясь в преддверии 18 в. к Северной войне и уже ведя ее, Петр не оставлял своим вниманием и южный вектор развития.

¹ Царь находился в Англии с 10/20 января по 25 апреля/4 мая 1698 г. [2, с. 376].

К. И. Шафрановский, анализируя карты в атласе Крюйса, высказал интересное предположение, что в это время Волгу намеревались соединить с Доном сразу двумя каналами. Одним установить связь Азовского моря со средним течением Волги и далее с Каспийским морем, другим – создать кратчайший водный путь между Москвой и Доном для грузовых перевозок – доставки материалов на воронежские верфи [12, с. 474]. Для второго канала, по мнению В. П. Семенова, могли быть использованы целых три трассы, и лишь одна из них предполагала «канализацию и шлюзование верхнего течения Дона и Шата» [10, с. 267, 273]. Альтернативный вариант нашел отражение в материалах того же Атласа Крюйса [4, с. 310-311].

В конечном счете, была выбрана трасса, соответствовавшая естественному соединению Дона и Шата (реки бассейна Оки) через Иван-озеро.

Русло Ивановского канала в том виде, в каком оно осталось на момент прекращения строительства, состояло из совокупности естественных и искусственных участков общей длиной около 210 верст, проходящих по территории нынешней Тульской, а за ее пределами на небольшом участке по границе Липецкой и Рязанской областей. Строительство началось в 1701 г., было прервано в начале 1720-х гг. Работы вели приписанные к объекту крестьяне ближайших уездов и пленные шведы, инженерное руководство осуществляли специалисты из Нидерландов и местные мастера. По меньшей мере в одном случае можно предполагать консультации Перри. Непосредственно на объекте работами руководил князь М. П. Гагарин. Организационные и технические трудности, которые приходилось преодолевать, усугублялись нехваткой материалов, в частности, леса [13, с. 136-150]. «Сими местами, – писал И. К. Кирилов, – с 1701 году была великая работа... и тако учинена была камуникация водою между Каспиского и Азовского морей, точию ныне оной канал упущен» [3, с. 153]. Остановка работ и постепенное разрушение построенного венчими водами и местным населением не перечеркивало надежды работу завершить. Проект реанимировали в начале XIX в.: на Шате построили три новых шлюза [6, с. 33-37]. Но объем и результаты этого этапа работ не сравнимы с тем, что было сделано при Петре I.

5. Памятники раннего каналостроения

Петр лично посещал строительство (достоверно известно о двух его приездах на Иван-озеро), во время одного из которых он привозил сюда иностранных гостей [1, с. 112, 113]. На берегу озера (откуда начиналась работа) для него был построен «дворец» – ныне не существующий деревянный домик [14, с. 53-63], [15, с. 84-93]. Сохранилось предание, что во время одного из своих приездов царь посетил расположено поблизости Куликово поле [16, с. 99-110], [15, с. 84-93]. В другом лежащем неподалеку месте – в селе Иванькове Епифанского

уезда, местным помещиком был поставлен обелиск с надписью, сообщавшей о его посещении царем и занятиях последнего: он «забавлялся стрельбой и кушал квас».

Что же осталось от той поры там, где проходили Ивановский и другие упомянутые выше каналы?

Чем старше искусственные водные пути и их гидротехнические сооружения, тем менее они изучены. Это связано с трудностью их исследования, а последняя обусловлена, в том числе плохой сохранностью объектов. От сооружений каналов Камышинка–Иловля и Ивановского сохранились только сооружения земляные – выемки и насыпи. Шлюзы Ивановского канала во второй половине XIX – начале XX в. были разобраны. Упоминания о сохранившихся шлюзах на каналах Бреекеля и Перри (Петров вал) нам тоже неизвестны, хотя не исключаем, что какие-то их остатки сохранились. Несмотря на утрату важных элементов гидротехнического комплекса, выяснить, что в техническом плане представляли собой первые петровские каналы, найти и интерпретировать их материальные остатки – задача при всей трудности ее решения в научном плане весьма привлекательная.

Особенность ситуации с Ивановским каналом состоит в том, что часть его трассы проходит по границе военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле». Хотя исторический период и содержание событий, связанных с каналом, далеки от ключевого для этой территории события 1380 года (Куликовской битвы), музею-заповеднику военно-исторического и природного профиля они не чужды. Одно из естественных для природного заповедника направлений научной работы – изучение антропогенного влияния на природные ландшафты. Углубляясь в историю канала, мы изучаем, помимо прочего, изменения природной среды в результате деятельности человека. Тема соприкасается и с военно-историческим профилем музея. Строительство Ивановского канала – прямое следствие взятия Азова (первой победы Петра-воина) и завоевания Россией Приазовья. Роковое для судьбы проекта замедление строительства в 1711 г. – результат военной неудачи Петра в Прутском походе и последовавшего за этим отступления России в ее хозяйственном и политическом продвижении к южным морям.

Полевые исследования остатков канала привлекательны также в методическом плане. Будучи междисциплинарными, они позволяют отрабатывать способы и приемы решения подобных задач.

6. Исследование Ивановского канала

Полевые исследования памятников Ивановского канала, начатые в 2003 г., с 2009 по 2019 г. проводились ежегодно. Донской участок в представляющих интерес местах был осмотрен практически весь, Шатский – выборочно.

Работали две группы: сухопутная и водная. Проводилась тахеометрическая съемка местности, бурение, шурфовка. Вот некоторые из наблюдений:

1. Иван-озера в настоящее время не существует: оно поглощено акваторией Шатского водохранилища. Но в периоды понижения его уровня над водой поднимаются цепочки образующих прямую линию «островков» водной растительности, отображающих, возможно, сохранившиеся валы Донского участка канала.

2. Наиболее заметный элемент ландшафта, указывающий на трассу канала – обваловки искусственных русел. На Донском участке они тянутся от Иван-озера до поселка Епифань, здесь обваловано до половины протяженности русла. Валы имеют сходные размеры и профиль, расстояние между ними составляет около 18 м. Состояние разное: некоторые сохранились хорошо, другие уничтожены распашкой, третьи разрушают в настоящее время.

3. Русло, в которое каналостроители отвели Дон вблизи его истока, было полностью искусственным. Далее русло канала состояло из чередующихся естественных и искусственных участков. Там, где за основу принимали естественное русло, выявляются следы работ, направленных на а) спрямление меандра и б) на дополнение старых русел дублирующими участками, на которых ставился шлюз. Участков, которые можно принять за спрямления русла, по трассе немало. Однако не исключено, что некоторые из них – естественные, образованные отшнуровыванием изгиба меандра от главного русла за счет боковой эрозии – подмыва одного из берегов.

4. С наименьшим шагом шлюзы строились в верхней части канала (у Иван-озера). По мере усиления водотока и углубления естественного русла они ставились реже. Однако нельзя утверждать, что большое расстояние между нижними шлюзами определялось исключительно рельефом и гидрологическим режимом водотока. Не исключено, что некоторые из нижних шлюзов построить не успели.

5. Обнаружить остатки шлюзов на большинстве осмотренных участков не удалось, что естественно – из источников знаем не только, что они были разобраны, но даже когда и как. Тем не менее, в двух местах – выше устья реки Бобрик и выше реки Ивановка – их остатки удалось обнаружить. На Иванореченском шлюзе, сохранились валы петровского времени, рвы, оставшиеся после разборки шлюзовых стен, лежащие на поверхности фрагменты блоков тепсаного камня. Бурение и последующая шурфовка выявили нижний ряд кладки стены шлюзовой камеры. На Устьбобриковском шлюзе хорошо сохранилось свайное поле, явившееся, вероятно, опорой для конструкций еще одной шлюзовой камеры или прилегавшего к ней участка защитного вала. Выявлены локации, которые после геофизического их исследования и пробного бурения также определены как вероятные места разобранных шлюзов.

6. Были обнаружены и другие элементы ландшафта, в которых с определенной вероятностью можно видеть остатки гидротехнических сооружений – например, остатки деревянных конструкций, являющихся береговыми укреплениями.

7. В Атласе Крюйса на плане канала Камышинка–Иловля вблизи его трассы изображены временные лагеря строителей – «шалапи работничьи». Последние – разновидность археологических памятников, специфически связанных с канальным строительством. Существовали они недолго, культурный слой оставили небольшой, но шанс их локализовать все же имеется. На данном этапе отобраны ранее обнаруженные вдоль трассы канала подходящие по месту и времени археологические памятники. Их изучение предстоит.

8. На ряде участков после того, как канал забросили, его земляные сооружения использовались для устройства мельниц. Как следствие, чтобы понять характер ландшафта и суметь выделить из него элементы, относящиеся к каналу, нужно привлекать материал еще и по местным мельницам. Такая работа также проводилась.

7. Музейные приложения

Предполагается, что результаты полевых и камеральных исследований будут иметь музейное приложение. В принадлежащем музею здании в центре Епифани (в настоящее время реставрируется) теме канала будет посвящена экспозиция целого этажа.

Это не отменяет поиска других путей комплексного и вместе с тем зрелищного показа материала, связанного с Ивановским каналом. Одним из вариантов может быть воссоздание шлюза – воспроизведение в натуральную величину его внешнего вида и, по возможности, конструкции. Такой новодел позволит не только передать облик объекта (т. е. выступить крупногабаритным муляжом) – шлюз может быть и действующим. Еще проще воссоздать петровский домик-дворец – постройку, стоявшую некогда у Иван-озера. Выявленное в документах ее описание содержит размеры и сведения о назначении помещений. Графическая реконструкция и планировки, и фасадов уже созданы. Поскольку местоположение этого «домика Петра» известно лишь приблизительно и реконструировать его на первоначальном месте невозможно, его, по нашему мнению, допустимо осуществить на другой площадке, выбирая ее с точки зрения удобства музейного использования. В дополнение к этому можно фрагментарно воссоздать часть дорожной инфраструктуры Петровского эпохи – участок описанной современником «царской» дороги между Москвой и Воронежем 1701 года, одной из первых в России дорог европейского образца [1, с. 110], [15, с. 64-75].

Трудно сказать, обретут ли реальность эти мечты. Научная основа для их реализации создана. Появившись, такой комплекс гармонично впишется в общую концепцию музея-заповедника. Будучи для России уникальным – усилит своеобразие музея. Отдельные элементы комплекса (домик Петра) можно использовать в экспозиционных целях, другие (шлюз, русло старинного канала) – для насыщения историческим материалом маршрутов водного культурного и спортивного туризма. Проводка малых судов по нижнему, чистому и сравнительно глубокому участку трассы Ивановской водной системы вполне возможна.

Музеефикацию объектов должна дополнить подготовка публикаций, им посвященных. В планах издание научной монографии (научно-популярная книга по теме в текущем году уже издана¹), сборника документов по истории канала, книга, посвященная руководителю строительства – князю М. П. Гагарину. Обсуждается проведение научной конференции, посвященной истории каналов – на сегодняшний день эта тематическая ниша в конференционном пространстве России заполнена значительно в меньшем объеме, чем того заслуживает.

Мы не сможем, да это уже и ненужно, в полном объеме завершить строительство каналов, начатых при Петре Великом. Но его замыслы в формах, приближенных к запросам современности – формах, прежде всего музейных – воплощены быть могут.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бруин К., де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
2. Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.
3. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
4. [Крюйс К. И.] Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненное по повелению Петра Великого вице-адмиралом Крейсом в 1699 г. и поднесенное царевичу Алексею Петровичу // Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 53. Сентябрь.
5. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950.

¹ Упомянутая книга автора этой статьи «Водный тракт Куликова поля. Страницы истории Ивановского канала» (Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2020. 181 с., ил.).

6. Миловидов А. И. Достопримечательные села Тульской губернии. (Исторические очерки). Село Иван-Озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892.
7. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1871. Кн. 1. Отд. 4.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 637.
9. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / Сост., подгот. текстов, comment. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М., 1988.
10. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова. Т. 2: Среднерусская черноземная область. СПб., 1902.
11. Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 132–166.
12. Шафрановский К. И. Ивановский канал и два плана Иван-озера XVIII века // Известия ВГО. 1957. Т. 89. Вып. 5.
13. Юркин И. Н. Петр Железный (Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы) / Институт Петра Великого. СПб., 2012.
14. Юркин И. Н. «В селе дворец – одна светлица...» (Петр Великий на строительстве Ивановского канала) // Ораниенбаумские чтения: Сб. науч. статей и публикаций. Вып. 1 (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 53–63.
15. Юркин И. Н. Водный тракт Куликова поля. Страницы истории Ивановского канала. Тула, 2020. С. 84–93.
16. Юркин И. Н. Петр Великий на Куликовом поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Труды юбил. науч. конф. «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой» (Тула – Куликово поле, 12–14 октября 2000 г.). Тула, 2001. С. 99–110.

REFERENCES

1. Bruin K., de. Puteshestvija v Moskoviju [Travels to Muscovy]. *Rossija XVIII v. glazami inostrancev. [Russia of the 18th century. through the eyes of foreigners]*. Leningrad, 1989.
2. Guzevich D. Yu., Guzevich I. D. *Velikoe posol'stvo: Rubezh jepoh ili Nachalo puti: 1697–1698* [The Great Embassy: The Edge of Epochs or the Beginning of the Path: 1697–1698]. Saint-Petersburg, 2008.
3. Kirilov I. K. *Cvetushhee sostojanie Vserossijskogo gosudarstva* [The blossoming state of the All-Russian state]. М., 1977.

4. [Kruis K. I.] Razyskanija o Done, Azovskom more, Voronezhe i Azove (s nekotoryimi svedenijami o kazakah), uchinennoe po poveleniju Pet-ra Velikogo vice-admiralom Krejsom v 1699 g. i podnesennoe carevichu Alekseju Petrovichu [Investigations about the Don, the Sea of Azov, Voronezh and Azov (with some information about the Cossacks), perpetrated at the behest of Peter the Great by Vice-Admiral Kreis in 1699 and presented to Tsarevich Aleksei Petrovich]. *Otechestvennye zapiski. [Domestic notes]*. 1824. Part 19. No. 53. September.
5. Lebedev D. M. *Geografija v Rossii petrovskogo vremeni* [Geography in Russia during Peter the Great]. Moscow, Leningrad, 1950.
6. Milovidov A. I. *Dostoprimechatel'nye sela Tul'skoj gubernii. (Istoricheskie ocherki). Selo Ivan-Ozero i Ivanovskij kanal, nachatyj Petrom Velikim.* [Sightseeing villages of the Tula province. (Historical sketches). The village of Ivan-Ozero and the Ivanovsky Canal, started by Peter the Great]. Tula, 1892.
7. Perry D. Sostojanie Rossii pri nyneshnjem tsare [The state of Russia under the present tsar]. *Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej Rossiskih pri Moskovskom universitete*. [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. 1871. Book. 1. Dept. 4.
8. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Saint-Petersburg, 1887. Vol. 1. P. 637.
9. Posol'stvo Ivana Novosil'ceva v Turciju [Embassy of Ivan Novosiltsev to Turkey]. *Zapiski russkih puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes of Russian travelers of the XVI–XVII centuries]. Comp., Prepared. texts, comments. N. I. Prokofiev, L. I. Alekhina. Moscow, 1988.
10. Semenov V. P., ed. *Rossija. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastol'naja i dorozhnaja kniga dlja russkih ljudej* [Russia. Full geographical description of our fatherland: Handbook and road book for Russian people. Vol. 2: Central Russian chernozem region]. Saint-Petersburg, 1902.
11. Sadikov P. A. Pohod tatar i turok na Astrahan' v 1569 g. [The campaign of the Tatars and Turks to Astrakhan in 1569]. *Istoricheskie zapiski. [Historical notes]*. Vol. 22. 1947. P. 132–166.
12. Shafranovsky K.I. Ivanovskij kanal i dva plana Ivan-ozera XVIII veka [Ivanovsky canal and two plans of Ivan-lake of the 18th century]. *Izvestiya VGO*. 1957. Vol. 89. five.
13. Yurkin I. N. *Petr Zheleznyj (Petr Velikij i tul'skij kraj: fakty, gipotezy, dokumenty)* [Peter the Iron (Peter the Great and the Tula Territory: facts, hypotheses, documents)]. Saint-Petersburg, 2012.
14. Yurkin I. N. «V sele dvorec – odna svetlica...» (Petr Velikij na stroitel'stve Ivanovskogo kanala) ["In the village there is a palace one light

house ..." (Peter the Great at the construction of the Ivanovsky canal)]. *Oranienbaumskie chtenija: Sb. nauch. statej i publikacij. Vyp. 1 (Jepoha Petra Velikogo)* [Oranienbaum readings: Sat. scientific. articles and publications. Issue 1 (The era of Peter the Great)]. Saint-Petersburg, 2001. P. 53–63.

15. Yurkin I. N. *Vodnyj trakt Kulikova polja. Stranicy istorii Ivanovskogo kanala* [Water tract of the Kulikov field. Pages of the history of the Ivanovsky canal]. Tula, 2020. P. 84–93.

16. Yurkin I. N. Petr Velikij na Kulikovom pole [Peter the Great on the Kulikovo field]. *Dmitrij Donskoj i jepoha vozrozhdenija Rusi: Sobytiya, pamjatniki, tradicii. Trudy jubil. nauch. konf. «Dmitrij Donskoj – gosudarstvennyj dejatel', polko-vodec, svjatoj»* (Tula – Kulikovo pole, 12-14 oktjabrja 2000 g.). [Dmitry Donskoy and the era of the revival of Russia: Events, monuments, traditions. Jubilee Trudy. scientific. conf. “Dmitry Donskoy - statesman, commander, saint” (Tula - Kulikovo field, October 12-14, 2000)]. Tula, 2001. P. 99-110.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛЕКСЕЕВ** – доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки
Алексей Иванович
- АСТАФЬЕВ** – соискатель ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», председатель Царицынского генеалогического общества
Евгений Владимирович
- ВАЛЕЕВ** – доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет
Рафаэль Миргасимович
- ВЕНКОВ** – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра РАН
Андрей Вадимович
- ВОРОНОВА** – кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет
Анна Анатольевна
- ГОСТЕВ** – заведующий отделом военной истории ГБУК Архангельской области «Архангельский краеведческий музей»
Игорь Михайлович
- ИВАНЮК** – кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-музейной и образовательной деятельности, ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»
Сергей Александрович
- КЛЕЙТМАН** – доктор исторических наук, директор ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры»
Александр Леонидович
- КОМОЛОВ** – кандидат исторических наук, Управление культуры администрации городского округа г. Воронеж
Николай Анатольевич
- ЛАПШИН** – кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Андрей Сергеевич
- МАГАРАМОВ** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Шарафетдин Арифович

МЕЗИН <i>Сергей Алексеевич</i>	– доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
МОНИКОВ <i>Сергей Николаевич</i>	– кандидат географических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ПИГАРЁВ <i>Евгений Михайлович</i>	– кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
СИТДИКОВ <i>Айрат Габитович</i>	– доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет
ТИМОФЕЕВА <i>Елена Георгиевна</i>	– доктор исторических наук, профессор, г. Астрахань, Российская Федерация
ТОРОПИЦЫН <i>Илья Васильевич</i>	– кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет
ТЮМЕНЦЕВ <i>Игорь Олегович</i>	– доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией регионального развития Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, председатель Волгоградского регионального отделения Российского исторического общества
ХАЙРУТДИНОВ <i>Рамиль Равилович</i>	– кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет
ШАДРИНА <i>Алла Валерьевна</i>	– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН
ШВАРЦ <i>Искра</i>	– доктор, профессор, Институт восточноевропейской истории Венского университета
ЮРКИН <i>Игорь Николаевич</i>	– доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН

Научное издание

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ
И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Сборник материалов конференции

Подписано в печать от 17.12.2020 г.
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Centure Scoolbook.
Физ. печ. л. 29,5. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Сфера»